

Уилбур Смит
Полет сокола
Серия «Баллантайн», книга 1

Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278012
Полет сокола: АСТ; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-060044-1, 978-5-271-31189-5

Аннотация

«Черная Африка» середины XIX века...

Дикий край, почти не изученный европейцами.

Белые люди приезжают сюда на собственный страх и риск – чтобы нажить огромные состояния или бесславно погибнуть.

Однако Зугу Баллантайна и его сестру – молодого врача, красавицу Робин, интересует не только богатство. В Африку их привели поиски отца, бесследно исчезнувшего там много лет назад...

Так начинается эта увлекательная история о суровых мужчинах и прекрасных женщинах, о лихих и циничных авантюристах – и об отважных путешественниках. История любви Робин к отважному капитану Мунго Сент-Джону – и опасных, захватывающих приключений Зуги на таинственных берегах Замбези.

Уилбур Смит

Полет сокола

Моей жене, моей драгоценной Мохинисо, посвящается – с любовью и благодарностью за все волшебные годы нашей совместной жизни

Год 1860-й

Африка притаилась на горизонте, словно лев в засаде, рыжевато-золотистая в первых лучах солнца, обожженная холодом Бенгельского течения. Робин Баллантайн всматривалась в далекий берег. Уже час она стояла у борта в ожидании рассвета – знала, что земля там, чувствовала ее огромное загадочное присутствие, ощущала дыхание, теплое и пряное, среди липких ледяных испарений океанского потока, в котором двигался парусник.

Радостный возглас девушки опередил впередсмотрящего. Капитан Мунго Сент-Джон вихрем взлетел по трапу из своей каюты на корме. Матросы сгрудились на борту, возбужденно переговариваясь. Крепко сжав поручень, Сент-Джон бросил пристальный взгляд на горизонт, затем обернулся и дал команду – негромко, но внятно, так что слышно было, казалось, в любом уголке корабля:

– Приготовиться к повороту оверштаг!

Типпу, помощник капитана, быстро разогнал зевак по местам, пустив в ход узловатый линек и увесистые кулаки. Уже две недели свирепый ветер гнал по небу тяжелые тучи, не давая разглядеть солнце, луну и прочие небесные тела, чтобы определить координаты. Однако, судя по навигационному счислению, клипер находился в сотне морских миль к западу, далеко в стороне от дикого пустынного берега, грозившего неведомыми опасностями.

Капитан только что проснулся – его черная спутанная грива развевалась по ветру, на загорелом лице играл сонный румянец, усиленный беспокойством и раздражением. Однако глаза смотрели ясно – светло-карие, с золотыми искорками. Робин даже сейчас, в момент общей суеты, удивилась чисто физическому, будоражащему ощущению угрозы, исходившей от этого человека. Он отталкивал и в то же время неодолимо притягивал к себе.

Белая льняная рубашка, небрежно заправленная в штаны и распахнутая на груди, открывала загорелую, словно намавленную, кожу с тугими завитками волос. Девушка невольно залилась краской, припомнив тот день в начале плавания, когда они достигли теплых голубых вод Атлантики южнее 35° северной широты, – день, ставший для Робин источником душевных мук, от которых не спасали никакие молитвы.

В то утро, услышав плеск воды и лязганье корабельной помпы, она отложила путевой дневник, встала из-за шаткого письменного столика в крошечной каюте и, накинув на плечи шаль, поднялась на верхнюю палубу. Робин ступила, ничего не подозревая, в ослепительный солнечный свет и... изумленно замерла.

Двое матросов усердно качали рычаг, и чистая морская вода с шипением хлестала из помпы. Мунго Сент-Джон, совершенно нагой, подставлял лицо и руки тугой струе. Робин словно окаменела, не в силах оторвать взгляд. Матросы переглянулись, обменялись сальными ухмылками и продолжали трудиться, поддерживая бурлящий поток.

Ей, конечно, и прежде доводилось видеть обнаженное мужское тело – либо распластанное на анатомическом столе, дряблое, белое, со вспоротым животом, из которого, словно требуха в мясной лавке, вываливаются внутренности, либо корчащееся в предсмертной агонии среди зловония инфекционной больницы, – но только не такое, здоровое, полное жизни, бьющей ключом, и вдобавок чудесно сложенное, с мощным торсом и длинными сильными

ногами, широкими плечами и узкой талией. Кожа блестела даже там, где ее не золотил солнечный свет. И мужские органы – не постыдный и неопрятный клубок, полускрытый жесткими волосами, а трепещущая напряженная плоть. Суть первородного греха – Змий и яблоки – внезапно предстала во всей ее прельстительной очевидности. Девушка невольно ахнула. Капитан, услышав, шагнул из-под грохочущей струи и отбросил волосы с лица. Робин стояла перед ним, не в силах двинуться с места или отвести глаза. Не сделав даже попытки прикрыть тело, по которому все еще струилась вода, сверкавшая алмазными блестками, он лениво протянул, искривив губы в с язвительной усмешке:

– Доброе утро, доктор Баллантайн! Похоже, и мне предстоит быть предметом ваших научных изысканий?

Только тогда наваждение рассеялось, и она кинулась в свою маленькую душную каюту, где упала на узкую дощатую койку, ожидая неизбежного приступа стыда и раскаяния. Ничего подобного почему-то она не почувствовала, хотя дыхание перехватило, щеки и лицо горели, а волосы на затылке встали дыбом. Тот же жар ощущался и в других частях тела. Робин в панике вскочила с койки, опустилась на колени и принялась молиться, дабы осознать всю глубину собственного ничтожества и греховности. За двадцать три года ей тысячу раз приходилось предпринимать сие упражнение, но ни разу со столь малой пользой.

В последующие тридцать восемь дней плавания Робин старалась избегать этих глаз с золотыми искорками и ленивой дразнящей усмешки. Пищу она принимала по большей части у себя в каюте, даже в удушающий экваториальный зной, когда зловоние от ведра за холщовой ширмой в углу едва ли способствовало аппетиту, и присоединялась к брату в кают-компании, только если непогода удерживала капитана на палубе.

Теперь, наблюдая, как он уводит судно прочь от враждебного берега, она вновь испытала странное волнение и поспешно отвела взгляд в сторону земли, проплывавшей впереди. Канаты визжали в блоках, реи скрипели, парус опадал и вновь надувался под ветром, хлопая с пушечным грохотом.

При виде земли стало легче справиться с ненужными воспоминаниями, их почти вытеснило чувство благоговения, такое сильное, что Робин невольно спросила себя: неужели родная земля способна столь явно и отчетливо взывать к крови своих детей?

Целых девятнадцать лет минуло с тех пор, как она, четырехлетняя малышка, цеплялась за юбку матери, а гора с плоской вершиной, стоящая на страже южной оконечности континента, медленно уходила за горизонт. Это было одно из немногих сохранившихся воспоминаний. Робин словно чувствовала под рукой дешевую грубую ткань платья, полагавшегося жене миссионера, подавленные всхлипы и нервную дрожь матери, к которой она прижималась. В памяти снова вспыхнули страх и смутение при виде материнского горя. Девочка смутно догадывалась, что их жизнь круто меняется, но знала лишь одно: высокого человека, бывшего центром ее детского мирка, теперь с ними нет.

«Не плачь, детка, – шепнула мать. – Скоро мы вновь увидим папу. Не плачь, маленькая».

После этих слов Робин решила, что вряд ли когда-нибудь увидится с отцом, и уткнулась лицом в шершавую юбку – уже тогда слишком гордая, чтобы показывать слезы.

Утешал ее, как всегда, братишка Моррис, тремя годами старше, мужчина семи лет, тоже рожденный в Африке, на берегах далекой неукротимой реки со странным экзотическим названием Зуга, в честь которой Моррис Зуга Баллантайн и получил свое второе имя. Робин предпочитала называть его Зуга – это напоминало ей об Африке.

Робин обернулась к юту: вон он, брат, высокий, хоть и ниже капитана, стоит рядом с Мунго Сент-Джоном и что-то горячо объясняет, указывая в сторону львино-желтой земли. Черты лица достались ему от отца, тяжелые, сильные, – ястребиный нос, твердая, почти жесткая, линия рта.

Брат поднес к глазам подозрную трубу, изучая низкую береговую линию с тщательностью, которую проявлял в любом деле, вплоть до самого пустякового, затем обратился к капитану. Мужчины беседовали вполголоса. Как ни странно, они находили общий язык, уважая силу и достоинство друг друга. По правде говоря, завязать отношения больше старался Зуга, готовый, как всегда, извлечь выгоду из ситуации. В ход пошло обаяние, и после отплытия из Бристоля он вытянул из Мунго Сент-Джона почти все, что тот узнал за долгие годы торговли и плавания вдоль берегов огромного неизведанного континента. Сведения аккуратно вносились в толстый кожаный блокнот в ожидании дня, когда в них возникнет нужда.

Капитан охотно взялся посвятить Зугу в таинственное искусство астрономической навигации. Ежедневно в полдень учитель с учеником устраивались на юте с медными секстантами наготове, ожидая огненного проблеска в сплошных облаках, и потом, раскачиваясь в такт с палубой, старательно удерживали солнечный луч в окуляре прибора.

Они устраивали стрельбу по пустым бутылкам из-под бренди, которые матрос бросал с кормы, чтобы развеять скуку долгих вахт. Мунго Сент-Джон приносил из каюты пару великолепных дуэльных пистолетов в ящичке с бархатной обивкой и тщательно заряжал, разложив на штурманском столике. Бутылки разрывались в воздухе фонтаном алмазных осколков, сверкающих в солнечном свете, и стрелки радостно хохотали, поздравляя друг друга.

Бывало, брат доставал новехонький карабин Шарпса с затвором, заряжавшийся патронами, – подарок одного из спонсоров «африканской экспедиции Баллантайнов», как окрестила их путешествие крупнейшая ежедневная газета «Стандард». Это чудо-ружье имело невероятную прицельную дальность до восьмисот ярдов и даже с тысячи легко укладывало буйвола. С помощью таких ружей меткие стрелки очищали американские равнины от несметных стад бизонов. Мунго Сент-Джон спускал за корму мишень – бочонок на тросе длиной восемьсот ярдов, – и они с Зугой целились поочередно, поставив на кон по шиллингу. Баллантайн, хоть и лучший стрелок в полку, тем не менее успел проиграть капитану больше пяти гиней. Американцы не только производили лучшие ружья в мире – Джон Браунинг запатентовал магазинную винтовку, которую Винчестер превратил в непревзойденное оружие, – но и безусловно превосходили всех в искусстве его применения. Сказывалась разница между пионерами Дикого Запада с их длинноствольными винтовками и британской пехотой, стрелявшей залпами из гладкоствольных мушкетов. Мунго Сент-Джон, настоящий американец, владел и дуэльными пистолетами, и «шарпсом», словно они были частью его тела.

Береговую линию снова поглотило холодное зеленоватое море, и Робин ощутила смутное беспокойство. Она рвалась к земле с отчаянным упорством, ничуть не ослабевшим с давней минуты расставания. Казалось, вся ее жизнь в последующие годы была лишь подготовкой к возвращению, долгой и полной препятствий, непреодолимых для женщины. Как часто она боролась с соблазном поддаться отчаянию, меж тем как другие видели в этом злостное упрямство, самонадеянность и заносчивость! Она с большим трудом, по крохам черпала свое образование в библиотеке дяди, сталкиваясь с его явным неодобрением.

– Книжная премудрость тебе только помешает, милочка. Не женское дело забивать голову заумными мыслями. Лучше бы помогала матери на кухне да училась шитью и вязанью.

– Я уже умею и то и другое, дядя Уильям.

Лишь позже дядюшка оценил ум и настойчивость племянницы, и его неохотные ворчливые уступки постепенно сменились полной поддержкой.

Дядя Уильям, старший брат матери, принял к себе всех троих, когда они вернулись из дальних диких краев почти без средств к существованию, имея лишь денежное пособие (всего 50 фунтов в год), полагавшееся отцу от Лондонского миссионерского общества.

Уильям Моффат, имевший скромную врачебную практику в Кингс-Линне, с трудом содержал родственников, неожиданно свалившихся ему на шею.

Позже, много позже, средства появились, и немалые: чуть ли не три тысячи фунтов – гонорары за издание книг отца; однако самые тяжелые времена семье помог пережить дядя Уильям. Ему удалось наскрести достаточно денег, чтобы приобрести патент на офицерский чин для Зуги, ценой продажи двух охотничьих лошадей и унижительных хождений к ростовщикам. О лучших полках и даже регулярной армии мечтать не приходилось – юноша поступил в 13-й Мадрасский полк туземной пехоты, регулярное подразделение Ост-Индской компании.

Дядя Уильям сам обучал Робин, пока она не сравнялась с ним в знаниях, а потом помог совершить небывалый по тем временам обман, которого она, впрочем, никогда не стыдилась. В 1854 году ни одна медицинская школа в Англии не принимала женщин, поэтому племянница (на средства и по рекомендации дяди) поступила в лондонскую больницу Сент-Мэтью, выдав себя за племянника. Успеху способствовали высокий рост и маленькая грудь, а низкий хрипловатый голос менять почти не приходилось, равно как и имя. Робин коротко остригла темные густые волосы и научилась носить брюки с таким щегольством, что нижние юбки и кринолины, путающиеся в ногах, с тех пор ее неизменно раздражали.

Власти больницы обнаружили, что она женщина, лишь после вручения Робин диплома Королевского хирургического колледжа, когда ей исполнился двадцать один год. Они тут же потребовали дисквалификации обманщицы, и последовавший скандал прокатился по всей Англии, немало подогретый тем фактом, что девушка оказалась дочерью Фуллера Баллантайна, знаменитого исследователя Африки, путешественника, врача, миссионера и писателя. В конце концов ревнителям устава Сент-Мэтью пришлось отступить, поскольку у Робин и дяди Уильяма нашелся покровитель в лице Оливера Уикса, толстенького коротышки и главного редактора «Стандарда». Распознав сенсационный материал, как истинный журналист, он в громкой редакционной статье воззвал к британской традиции честной игры, всячески высмеял туманные намеки клеветников на сексуальные оргии в операционных и превознес выдающиеся успехи талантливой и увлеченной молодой девушки, достигнутые вопреки непреодолимым трудностям.

Однако диплом врача стал лишь первым шагом по долгому пути в Африку, о которой Робин так давно мечтала. Почтенные директора Лондонского миссионерского общества серьезно встревожились, получив прошение от женщины. Одно дело жена миссионера, в высшей степени полезная, чтобы ограждать мужа от плотских соблазнов в окружении неодетых язычников, и совсем другое – женщина-миссионер.

Было и другое обстоятельство, ставившее под сомнение кандидатуру доктора Робин Баллантайн. Ее отец, Фуллер Баллантайн, официально покинувший миссионерское общество шесть лет назад, чтобы исчезнуть в африканских дебрях, полностью дискредитировал себя в глазах директоров. Вне всякого сомнения, исследования и личные успехи интересовали его куда больше, чем приведение невежественных язычников в веру Христову. За тысячи миль странствий по Африке Фуллер Баллантайн обратился в христианство одного единственного туземца – личного слугу. Вместо того чтобы выступать посланником Христа, он объявил крестовый поход африканской работоторговле, превратив здание своей первой миссии в убежище для беглых невольников. Миссия в Колоберге – оазисе на южной оконечности великой пустыни Калахари – стоила Лондонскому миссионерскому обществу огромных расходов.

Как только Фуллер основал приют для беглецов, случилось неизбежное. Их прежние хозяева, буры-переселенцы, чьи крошечные независимые республики окружали миссию с юга, вызвали отряд командос, поддерживавший порядок на границе. Сотня бородатых всадников, с обожженными солнцем лицами цвета африканской земли и одетых в домотка-

ную холстину, ворвалась в Колоберг за час до рассвета. Яркие вспышки мушкетов озарили тьму, а когда вспыхнула соломенная кровля, стало светло как днем.

Беглых рабов вместе со слугами из миссии и вольноотпущенниками заковали в длинные цепи и отправили на юг, а Фуллер Баллантайн с кучкой родных остался посреди жалких спасенных из огня пожитков и клубов дыма, поднимавшихся над обугленными остовами хижин. Укрепившись в ненависти к институту рабства, он одновременно получил нравственное оправдание для того, к чему неосознанно давно стремился: избавиться от обузы, мешавшей ему ответить на зов бескрайних неизведанных просторов северной Африки. Жена и двое детишек были отправлены в Англию, а с ними – письмо директорам Лондонского миссионерского общества. Господь ясно выразил свою волю Фуллеру Баллантайну: пойти на север, дабы нести слово Божье огромному континенту, стать вольным миссионером, не прикованным более к одной крошечной миссии, и сделать своим приходом всю Африку.

Совет директоров миссионерского общества немало расстроила потеря миссии, но еще больше – перспектива снаряжения дорогостоящей экспедиции для исследования областей, которые, как известно всему миру, представляют собой, за исключением узкого побережья, огромную пустыню, лишенную воды и жизни, сплошные выжженные пески, простирающиеся на четыре тысячи миль к северу, до самого Средиземного моря. Фуллеру Баллантайну тут же написали ответ, толком не зная, куда его послать, однако спеша снять с себя всю ответственность. В письме выражалась глубокая озабоченность и подчеркивалось, что, предпринимая подобные своевольные действия, Баллантайн не вправе рассчитывать ни на какие дополнительные средства свыше годового жалованья в пятьдесят фунтов стерлингов. Как оказалось, руководство общества могло не спешить и не беспокоиться, ибо, взяв с собой нескольких носильщиков, слугу-христианина, «кольт», винтовку, два ящика с лекарствами, дневники и навигационные инструменты, беспокойный миссионер исчез.

Он снова объявился в низовьях Замбези восемь лет спустя – в португальском поселке в устье реки, к большой досаде местных поселенцев, которые за двести лет не сумели пройти вверх по реке и сотни миль. Фуллер Баллантайн возвратился в Англию, и его книга «Миссионер в дебрях Африки» произвела настоящую сенсацию. Этот человек, пересекший пешком всю Африку от западного до восточного побережья, своими глазами видел там не безжизненные пески, а реки и озера, зеленые холмы, дышащие прохладой, огромные дикие стада и странных туземцев – но чаще всего он наблюдал страшные преступления, творимые охотниками за рабами. Разоблачения миссионера раздули в сердцах британцев искру, зажженную полвека назад Уильямом Уилберфорсом, возглавившим движение за отмену рабства.

Внезапная слава блудного сына привела в замешательство совет директоров Лондонского миссионерского общества, им пришлось изменить свое отношение и приступить к действиям. Фуллер Баллантайн указал места для будущих миссий, куда, затратив многие тысячи фунтов стерлингов, отправили группы преданных делу мужчин и женщин. Британское правительство под впечатлением от его описания реки Замбези как прямого и удобного пути в недра Африки назначило Фуллера Баллантайна консулом ее величества и финансировало экспедицию, призванную открыть новую артерию для распространения торговли и цивилизации во внутренние области континента.

Фуллер вернулся в Англию писать книгу, но даже в дни воссоединения с семьей родные видели великого человека не чаще, чем в те годы, когда он пропадал в заморских джунглях. Отец то запирался в студии дяди Уильяма, работая над описанием путешествий, то ездил в Лондон обивать пороги министерства иностранных дел или Лондонского миссионерского общества, а получив от них все необходимое для возвращения в Африку, разъезжал по Англии, читая лекции в Оксфорде или произнося проповеди в Кентерберийском соборе.

Неожиданно он уехал, на это раз забрав и мать. Отец наклонился поцеловать дочь на прощание во второй раз, и Робин навсегда запомнила прикосновение к щекам колючих

бакенбард. В ее представлении отец составлял чуть ли не одно целое с Богом, всемогущим и всегда правым, которому она слепо и безоговорочно поклонялась.

Годы спустя выяснилось, что площадки, выбранные под миссии, оказались гиблыми местами, что оставшиеся в живых миссионеры с трудом добрались до цивилизованного мира, а их друзья и супруги погибли от лихорадки и голода или были растерзаны дикими зверями и еще более дикими людьми, которых они приехали спасать... Звезда Фуллера Баллантайна закатилась. Экспедиция под его началом, посланная министерством иностранных дел на реку Замбези, потерпела крах, не сумев преодолеть бурных порогов и водопадов ущелья Кабора-Басса, через которое река прорывается с грохотом и ревом, низвергаясь с высоты в тысячу футов на протяжении двадцати миль. Все удивлялись, как миссионер, пройдя, по его словам, по Замбези от истока до моря, не заметил столь грозного препятствия. Сомнения стали вызывать и другие рассказы путешественника, а британское министерство иностранных дел, скупое донельзя, в раздражении от пустой траты денег на экспедицию лишило Баллантайна ранга консула. Миссионерское общество послало ему очередное пространное письмо, требуя в будущем ограничить свою деятельность обращением язычников и проповедью слова Божьего.

В ответ Фуллер Баллантайн направил прошение об отставке, тем самым сэкономив обществу пятьдесят фунтов стерлингов в год. Одновременно он послал сыну и дочери ободряющее письмо, призывая не терять силы духа и веры, и вручил издателю рукопись, где оправдывал свое руководство экспедицией. Забрав последние гинеи, оставшиеся от щедрых гонораров за предыдущие книги, Баллантайн исчез в глубинах Африки. С тех пор прошло восемь лет, и о путешественнике больше никто не слышал.

И вот дочь этого человека, успевшая снискать себе не менее скандальную славу, просила принять ее в Лондонское миссионерское общество на работу.

На помощь вновь пришел дядя Уильям, старый добрый ворчун в очках с толстыми стеклами и с копной непокорных седых волос. Представ вместе с Робин перед советом директоров, он напомнил им про ее деда, Роберта Моффата, одного из самых известных африканских миссионеров со списком новообращенных в несколько десятков тысяч. Старик все еще работал в Курумане и совсем недавно составил словарь языка сечуана. Робин набожна и предана делу, получила медицинское образование и хорошо владеет туземными языками, которым ее выучила покойная мать, дочь того самого Роберта Моффата. Почтение, с которым к упомянутому Роберту Моффату относился даже самый воинственный из африканских королей Мзиликази, правящий народом ндебеле, или, как его иногда называли, матабеле, несомненно, заставило бы туземцев охотно принять его внуку.

Лица директоров оставались непроницаемыми. Дядя Уильям продолжил речь, намекнув, что Оливер Уикс, главный редактор газеты «Стандард», защитивший девушку от попыток руководства больницы Сент-Мэтью лишить ее права на медицинскую практику, наверняка заинтересуется причинами, по которым ее не приняли в миссионеры. Только тогда директора зашевелились, переглянулись и, тихо посоветовавшись, одобрили прошение. Робин откомандировали в другую миссионерскую организацию, которая, в свою очередь, отправила ее работать в промышленные трущобы северной Англии.

Как вернуться в Африку, придумал брат. Зуга прибыл из Индии в отпуск с отличными рекомендациями: майор индийской армии, он заслужил повышение на поле боя и приобрел репутацию хорошего солдата и талантливого командира с большим будущим.

Несмотря на все успехи, брат оставался столь же неудовлетворенным своей жизнью, как и Робин. Волки-одиночки по характеру, они, подобно отцу, не любили подчиняться авторитетам и уставам. Многообещающий старт военной карьеры не помешал Зуге нажать в Индии сильных врагов, что ставило под сомнение его будущее в тех краях. Подобно Робин,

он все еще искал себя, и, встретившись после долгих лет разлуки, брат с сестрой приветствовали друг друга с теплотой, какую редко выказывали в детстве.

В «Золотом ведре», куда Зуга повел сестру ужинать, она, в восторге от такой перемены в ежедневной рутине, решила на второй бокал кларета и заметно воспрянула духом.

– Черт возьми, сестренка, ты похорошела, – заметил брат, подмигнув.

Армейская развязность поначалу шокировала Робин, но она быстро привыкла. В нищих кварталах, где приходилось работать, звучало и не такое.

– Ты слишком хороша, чтобы проводить жизнь среди этих жутких старух.

Настроение беседы мгновенно изменилось, и Робин наконец доверилась брату, излив свои переживания. Он слушал сочувственно, взяв ее за руку, и она, тихо, но с отчаянной решимостью продолжала:

– Зуга, я должна вернуться в Африку. Я умру, если останусь здесь. Да-да, засохну и умру!

– Боже мой, почему именно в Африку?

– Я там родилась, там моя судьба... и потому, что там папа, где-то там.

– Я тоже там родился. – Улыбка смягчила резкие черты его лица. – Насчет судьбы – не уверен... Конечно, я не прочь бы отправиться туда поохотиться, но что касается отца... Тебе не кажется, что главной его заботой был всегда Фуллер Баллантайн? Не могу представить, что ты до сих пор питаешь к нему столь горячие родственные чувства.

– Он не такой, как другие, Зуга, его нельзя судить по обычным меркам.

– С тобой многие согласились бы, – хмыкнул брат, – в миссионерском обществе или министерстве иностранных дел... Но как отец он...

– Я люблю его! – с вызовом воскликнула Робин. – Сильнее – разве что Бога.

– Он погубил мать, ты ведь знаешь. – Губы брата сжались в привычную жесткую линию. – Взял на Замбези в сезон лихорадки и этим убил так же верно, как если бы приставил ей пистолет к виску.

Помолчав, Робин с грустью промолвила:

– Да, пожалуй, его нельзя назвать ни хорошим отцом, ни любящим мужем, зато как мечтатель, первооткрыватель, просветитель...

Зуга крепко сжал ее руку.

– Верно, сестренка!

– Я читала его книги, письма, все, что он писал маме или нам, и знаю точно, что мое место там, в Африке, с ним!

Зуга задумчиво погладил густые бакенбарды.

– Ты всегда умела меня вдохновить... – Неожиданно он сменил тему. – Слышала, что на Оранжевой реке нашли алмазы? – Зуга поднял бокал, внимательно разглядывая осадок на дне. – Ты и я, мы с тобой такие разные, и в то же время очень похожие.

Долив еще вина, он небрежно заметил:

– Я по уши в долгах, сестренка.

Робин похолодела, она с детства боялась этих слов.

– Сколько? – тихо спросила она наконец.

– Двести фунтов.

– Так много! – выдохнула Робин. – Зуга, неужели ты... играл? – Еще одно ужасное слово. – Играл, да?

– Ну, вообще-то играл, – усмехнулся он, – и слава Богу, что играл, а то был бы должен на тысячу больше.

– Ты хочешь сказать... что играешь и выигрываешь? – Первоначальный ужас девушки несколько улегся, сменяясь оживленным интересом.

– Не всегда, но большей частью.

Робин внимательно посмотрела на брата, словно увидев его впервые. Двадцатишестилетний, но его самоуверенность придавала солидности – он выглядел лет на десять старше. Суровый профессиональный солдат, закаленный в схватках на афганской границе, где провел в полку четыре года. Робин знала, как жестоки были бои со свирепыми горцами, и догадывалась, что Зуга в них отличился, иначе не продвинулся бы по службе так быстро.

– Как ты оказался в долгах?

– У большинства моих сослуживцев, даже младших по званию, есть личные состояния, а я майор и должен держать марку. – Он снова пожал плечами. – Охота, обеды и ужины для друзей, поло...

– Как же ты расплатишься?

– Можно выгодно жениться, – улыбнулся Зуга, – или найти алмазы. – Он отхлебнул вина и сгорбился в кресле, глядя в сторону. – Я как-то читал Корнуоллиса Харриса... Помнишь, каких мы видели зверей, когда жили в Колоберге?

Робин молча покачала головой.

– Ну да, ты же была еще маленькая, – кивнул Зуга. – А я вот помню. Газели, антилопы гну – целые стада на пути в Кейптаун. Однажды ночью видел даже льва в свете походного костра. Харрис в своей книге описывает охотничьи экспедиции до самой Лимпопо – так далеко еще никто не заходил... кроме отца, конечно. Черт возьми, это куда занятнее, чем бить черных антилоп или фазанов. Знаешь, сколько Харрис отхватил за свои рассказы? Почти пять тысяч!

Зуга отставил бокал, выпрямился и достал из серебряного футляра сигару. Закуривая, он задумчиво нахмурил брови.

– Ты вот хочешь ехать в Африку по высоким соображениям... Мне, наверное, тоже стоит туда отправиться, но по более серьезной причине – за кровью и золотом. У меня есть предложение. – Он лихо отсалютовал бокалом. – Экспедиция Баллантайнов!

Робин неуверенно рассмеялась, приняв это за шутку, однако послушно подняла бокал, все еще почти полный.

– За экспедицию! Но каким образом? Как мы туда доберемся, Зуга?

– Как зовут того типа из газеты? – поинтересовался брат, не ответив.

– Уикс, Оливер Уикс. Только с какой стати он станет нам помогать?

– Я придумаю вескую причину, – пообещал брат.

Робин припомнила, что даже в детстве Зуга обладал недюжинным красноречием и даром убеждения.

– Ты знаешь, пожалуй, я тебе верю, – улыбнулась она.

Они выпили вино, и, опустив бокал, Робин почувствовала, что счастлива как никогда.

Снова они увиделись лишь через полтора месяца. Робин выходила из вагона, а Зуга пробирался к ней сквозь сутолоку вокзала Лондон-Бридж, возвышаясь над толпой в цилиндре и широком пальто-накидке.

– Сестренка! – радостно воскликнул он, обнял сестру и приподнял. – Мы едем, на самом деле едем!

Нанятый кеб стоял наготове, и едва они сели, возница хлестнул лошадей.

– От Лондонского миссионерского общества не оказалось никакого проку, – начал Зуга, все еще придерживая Робин за плечи. Кеб покачивался, грохоча по неровным булыжникам. – Я внес общество в список на пятьсот монет, так их чуть удар не хватил. Пожалуй, они предпочли бы навсегда оставить отца в Черной Африке, да еще приплатили бы пять сотен, чтобы он никогда не возвращался.

– Так ты и к совету директоров ходил? – удивилась сестра.

– Оставил козыри напоследок, – улыбнулся Зуга. – Следующим номером был Уайтхолл – я встретился с первым секретарем. Он был очень любезен, пригласил меня на обед в «Травеллерс» и очень сокрушался, что не может оказать финансовое содействие. Они слишком хорошо помнят отцовское фиаско с Замбези... Однако я получил от него рекомендательные письма – не меньше дюжины, ко всем важным лицам – к губернатору колонии, адмиралу Кемпу в Кейптауне и прочим.

– На письмах далеко не уедешь, – вздохнула Робин.

– Потом я направился к твоему газетному приятелю, – продолжал брат. – Удивительный коротышка, подметки на ходу рвет! Едва я заикнулся, что мы собрались в Африку искать отца, как он подскочил и захлопал в ладоши, как мальчишка на кукольном представлении про Панча и Джуди. – Зуга крепче обнял сестру. – Признаюсь, твое имя я использовал вовсю, и это сработало. Малыш получит все права на издание наших путевых журналов и дневников и на обе книги в придачу...

– Обе книги? – Робин испуганно отшатнулась.

– Ну да, обе, – усмехнулся он, – твою и мою.

– Я должна написать книгу?

– А как же! Экспедиция глазами женщины. Я уже подписал договор от твоего имени.

Робин рассмеялась, с трудом переводя дух.

– Не слишком ли ты торопишься?

– Коротышка Уикс подписался на пять сотен, – деловито продолжал брат, – а следующим в списке было Общество борьбы с работорговлей, тут все пошло как по маслу. В патронах у них его королевское высочество, а он читал отцовские книги. Мы должны доложить о положении дел во внутренних районах к северу от тропика Козерога, и получаем за это еще пятьсот гиней.

– Зуга, ты просто волшебник!

– Ну и, наконец, Лондонская Богоугодная компания по торговле с Африкой, которая последние сто лет работает исключительно с западным побережьем. Я убедил их в срочной необходимости заняться и восточным, в результате чего был назначен агентом компании с заданием изучить местный рынок пальмового масла, копаловой смолы, меди и слоновой кости. Имеем с них последние пять сотен и винтовку Шарпса в подарок.

– Полторы тысячи гиней! – ахнула Робин.

Зуга кивнул.

– Вернемся домой с шиком.

– Когда?

– Отправимся на американском торговом клипере, что через шесть недель отплывает из Бристоля к мысу Доброй Надежды и далее в Мозамбик. Я возьму отпуск из армии на два года – тебе придется сделать то же самое в миссионерском обществе.

События мелькали одно за другим, как во сне. Совет директоров Лондонского миссионерского общества, возможно, от облегчения, что не придется платить за переезд и обустройство Робин в дебрях Черного континента, проявил неслыханную щедрость, решив сохранить за Робин ее жалованье на время отсутствия, и осторожно пообещал по возвращении пересмотреть условия работы. Если она проявит себя, то получит постоянное место в Африке. Это было даже больше, чем ожидала Робин, и она принялась рьяно помогать Зуге готовиться к отъезду.

Дел оказалось так много, что шести недель едва хватило, но вскоре гору экспедиционного оборудования погрузили в трюм изящного балтиморского клипера.

Ходовые качества «Гуруна» вполне соответствовали его внешнему виду, оправдывая выбор Зуги. Под умелым управлением Мунго Сент-Джона корабль забирал к западу, чтобы

пересечь экваториальную штилевую полосу в самом узком месте. Не потеряв из-за штиля ни одного дня, «Гурон» пересек экватор в 29° западной долготы, и капитан тут же взял влево навстречу юго-восточным пассатам. Корабль лавировал круто к ветру, сопровождаемый стайками летучих рыб, и лишь когда на горизонте показался остров Тринидад, хватка пассатов наконец ослабла. С ревом налетел норд-вест, и подхваченный им «Гурон» помчался вперед под сплошной низкой пеленой, через которую дни и ночи напролет не пробивались ни солнце, ни луна, ни звезды, и в результате едва не оказался выброшенным на берег в двухстах милях к северу от мыса Доброй Надежды, места своего назначения.

– Господин помощник! – раздался звучный голос Мунго Сент-Джона, когда корабль благополучно развернулся против ветра и стал удаляться от земли.

– Есть, капитан! – гаркнул стоявший у грота Типпу во всю мощь своей бычьей глотки.

– Кто там наверху?

Типпу резко, словно кулачный боец, пропуская удар, задрал круглую голову, похожую на пушечное ядро, и прищурил глаза, терявшиеся среди тяжелых мясистых складок кожи.

– Еще двадцать минут, и посадил бы нас на скалы, – продолжал Сент-Джон зловещим ледяным тоном. – На решетку мерзавца, сегодня же, – посмотрим, какого цвета у него хребет.

Типпу плотоядно облизнул губы, и у Робин, стоявшей неподалеку, подступил ком к горлу. Она знала, о чем идет речь, – за время плавания матросов пороли уже трижды. Типпу был наполовину араб, наполовину негр – меднокожий гигант с бритой головой, исполосованной бледными шрамами от бесчисленных драк. Могучее тело скрывала свободная вышитая рубаха с высоким воротом, из широких рукавов торчали ручищи толще женского бедра.

Девушка быстро обернулась к подошедшему Зуге.

– Мы хорошо рассмотрели землю, сестренка, – довольно сказал он. – Первый раз удалось точно определиться после Тринидада. Если ветер не переменится, через пять дней будем в Столовой бухте...

– Зуга, поговори с капитаном! – горячо перебила Робин. Брат удивленно моргнул. – Он собирается выпороть того беднягу.

– И правильно, черт возьми, – хмыкнул Зуга. – Из-за него мы чуть не врезались в берег.

– Пусть он отменит приказ...

– Вмешиваться в управление кораблем? Даже не подумаю... и тебе не позволю.

– Неужто в тебе нет ни капли человечности? – холодно бросила она. На щеках вспыхнули алые пятна, глаза блеснули злыми зелеными огоньками. – А еще называешь себя христианином...

– Называю, но не кричу об этом, дорогая, – усмехнулся он, прекрасно зная, что такой ответ еще больше разозлит сестру. – Во всяком случае, не выставлю напоказ при каждом удобном случае.

Их споры всегда вспыхивали внезапно, как летние грозы в южноафриканском вельде, и были не менее эффектны.

Мунго Сент-Джон неторопливо подошел и облокотился о поручень, сжимая белоснежными зубами длинную гаванскую сигару из грубого черного табака. Насмешливый взгляд его искрящихся золотом глаз подстегнул гнев Робин. Отвернувшись от брата, она набросилась на капитана, сорвавшись почти на крик:

– На прошлой неделе вы уже одного искалечили! Вам мало?

– Доктор Баллантайн, – капитан поднял брови, – я прикажу Типпу снести вас вниз и запереть в каюте, пока вы не придете в себя и не вспомните о хороших манерах.

– Вы не посмеете! – вспыхнула она.

– Посмею, уверяю вас. И это, и еще многое другое.

– Совершенно верно, – тихо подтвердил Зуга. – Капитан корабля имеет право делать все, что ему угодно. – Он положил руку на плечо девушки. – Ну-ну, успокойся, сестренка. Парню повезло – подумаешь, сдерут пару лоскутков кожи! Не самое страшное наказание.

Робин молчала, задышавшись от бессильной ярости.

– Если вы, доктор, настолько щепетильны, – продолжал насмехаться капитан, – я дозволяю вам не присутствовать на экзекуции. В конце концов, нельзя забывать, что вы женщина.

– Я никогда не просила с этим считаться, ни разу в жизни! – воскликнула она, стараясь обуздать гнев.

Робин стряхнула с плеча руку брата и развернулась, надменно выпрямив спину и развернув плечи, но палубу качало, а чертовы юбки путались в ногах, мешая сохранять достоинство. Осознав, что мысленно произнесла неподобающее слово, она решила, что помолится о прощении позже, но не сейчас, и повторила уже вслух:

– Черт бы вас побрал, капитан Мунго Сент-Джон, будьте вы прокляты!

Порывистый ветер на баке трепал волосы, выдергивая пряди из аккуратного пучка на затылке и бросая в лицо, – густые, темные и шелковистые, совсем как у матери, с каштановым оттенком. Бледный зеленоватый луч солнца пробился наконец сквозь тучи, высветив над изящной головкой девушки сияющий ореол.

Робин сердито смотрела прямо перед собой, едва замечая волнующую красоту пейзажа. Белесая пелена то разрывалась, обнажая холодные бирюзовые волны, то смыкалась перламутровой завесой. Туман тянулся следом за кораблем, повисая на парусах и реях, словно клубы дыма при пожаре. Местами поверхность океана темнела и словно вскипала – здешние воды, богатые планктоном, привлекали огромные косяки сардин, которые поднимались за пищей и становились, в свою очередь, добычей морских птиц. Стаи крикливых пернатых пикировали с высоты, поднимая белые облачка брызг, похожие на клочья ваты.

Мощный пласт тумана заключил судно в холодные влажные объятия, и Робин, оглянувшись, различила на юте лишь призрачные очертания фигур капитана и брата. Внезапно «Гурон» вышел на чистое пространство, залитое солнечным светом. Тучи, висевшие над головой последние недели, откатились на юг, а ветер набрал силу и повернул к востоку, взбивая гребешки волн изящными страусовыми перьями кудрявой пены.

В тот же миг Робин увидела другой корабль – так пугающе близко, что собралась было закричать, но ее опередила дюжина других голосов.

– Парус!

– Парус по левому борту!

Чужой корабль оказался почти рядом – видна была даже дымовая труба между гротом и бизанью. Корпус окрашен в черный цвет, под оружейной палубой – по пять пушек с каждого борта – проведена красная полоса. Грязно-серые паруса, закопченные клубами дыма, резко отличались от белоснежной оснастки «Гулона», усугубляя зловещий вид гостя.

Мунго Сент-Джон быстро навел подозрную трубу на незнакомое судно. Котлы погашены, даже воздух над трубой не дрожит от жара. Идет под малыми парусами.

– Типпу! – позвал он негромко. Великан-помощник вырос рядом, точно волшебный джинн из арабских сказок. – Встречал его раньше?

Типпу повернул голову и сплюнул через подветренный борт.

– Англичанин, – проворчал он. – Видел восемь лет назад в Столовой бухте. Называется «Черная шутка».

– Из Капской эскадры?

Типпу утвердительно буркнул, и в этот момент чужак резко лег под ветер, а на топе его мачты взвился флаг. Кричащие алые и белые тона бросали вызов всему миру, и мир давно уже научился относиться к ним с почтением. Однако оставалась еще одна держава, которая

могла позволить своим кораблям не ложиться в дрейф при виде грозного сигнала. Подними «Гурон» свои «звезды и полосы», и назойливому представителю Королевского военно-морского флота Великобритании пришлось бы отступить.

Капитан задумался, оценивая ситуацию. В мае 1860-го, за шесть дней до выхода «Гуруна» из балтиморской гавани, Авраама Линкольна выдвинули кандидатом в президенты Соединенных Штатов. В случае избрания, что выглядело весьма вероятным, он вступит в должность в начале будущего года, а затем наверняка, не теряя времени, предоставит Великобритании права в соответствии с Брюссельским договором, включая право на досмотр американских судов в открытом море, которому прежние президенты упорно сопротивлялись. А значит, очень скоро, а может, и раньше, чем он ожидает, Мунго Сент-Джон всерьез столкнется с одним из таких патрульных кораблей, входящих в Капскую эскадру, и сейчас само небо посылает ему возможность помериться силами, оценить силы противника.

Капитан охватил быстрым взглядом море с барашками волн, погоняемых ветром, белую пирамиду парусов над головой и черный силуэт с подветренной стороны. Решение пришло само собой. Ветер донес пушечный грохот, и носовое орудие гостей выбросило длинный шлейф порохового дыма. Противник требовал немедленного повиновения.

– Вот наглый ублюдок! – усмехнулся Сент-Джон. – А ну посмотрим, каков он на ходу. – И тихо бросил рулевому: – Руль к ветру!

«Гурон» послушно лег под ветер, отворачивая в сторону от грозного гостя. Капитан повернулся к Типпу:

– Отдать все рифы, господин помощник. Поставить фок- и грот-марсель, поднять лиселя и трюмселя, грот-бом-брамсель так держать – да, и бом-кливер тоже. Клянусь Богом, мы покажем этому грязному англичанишке, этому угольщику, какие корабли строят в Балтиморе!

Даже в гневе Робин отдавала должное сноровке, с которой американец управлял кораблем. Матросы гурьбой лезли по реям к риф-штертам, гроты раздувались во всю ширь, ослепляя белизной в солнечных лучах, а где-то в самой вышине, где начиналась режущая глаз небесная синева, раскрывались, словно перезрелые коробочки хлопка, какие-то новые паруса незнакомой формы, и стройный изящный корпус послушно вздрагивал с каждым новым толчком.

– Ей-богу, летим как по волшебству! – с восторгом воскликнул Зуга, едва успевая утащить сестру с бака: на палубу «Гуруна», взрезавшего, словно ножом, пенистые гребни атлантических валов, обрушилась зеленоватая стена воды.

Паруса распускались один за другим, и толстые стволы мачт выгибались, как натянутые луки, под невероятным напором тысяч квадратных футов раздутой парусины. Корабль, казалось, и в самом деле летел над водой, соскакивая с одного гребня и врезаясь в другой с оглушительным ударом, от которого сотрясался шпангоут и клалась зубы у команды.

– Бросьте лаг, господин помощник, – распорядился Мунго Сент-Джон и, услышав, как Типпу проревел в ответ: «Чуть больше шестнадцати узлов, кэп!» – радостно расхохотался и шагнул к кормовому борту.

Канонерская лодка исчезала вдаль, будто стояла на месте, хотя искала ветер каждым дюймоном грязных парусов. Дистанция между охотником и дичью почти достигла пушечного выстрела. Черный нос вновь окутался облаком порохового дыма, и на сей раз выстрел был уже не предупредительным – ядро пробило гребень волны всего в двух кабельтовых за кормой, скользнуло по пенистой зеленой поверхности и ушло под воду у самого борта «Гуруна».

– Капитан, вы подвергаете опасности жизнь команды и пассажиров!

Сент-Джон обернулся, вопросительно приподняв густую черную бровь. Высокая девушка, стоявшая рядом, продолжала:

– Это британский военный корабль, сэр, а мы ведем себя как преступники. Они открыли огонь. От вас требуется всего-навсего лечь в дрейф или по крайней мере поднять флаг...

– Думаю, сестра права, капитан Сент-Джон. – Зуга встал рядом. – Мне непонятны ваши действия.

Палубу резко качнуло – «Гурон» взбирался на большую волну, понуждаемый громадой парусов. Не устояв на ногах, Робин упала капитану на грудь, но тут же отпрянула, залившись краской негодования.

– Это африканский берег, майор Баллантайн, – спокойно парировал Мунго Сент-Джон. – Здесь все не так, как кажется, и лишь глупец определит по флагу государственную принадлежность незнакомого вооруженного судна. А теперь, если вы и любезный доктор позволите, я вернусь к выполнению своих обязанностей.

Он окинул взглядом верхнюю палубу, оценивая настроение команды и неистовый бег корабля, отстегнул с пояса связку ключей и бросил ее Типпу:

– Сходите в оружейную и возьмите пару пистолетов для себя и второго помощника. Стреляйте в каждого, кто станет ловчить с парусами.

Матросов охватил страх, большинству ни разу не доводилось идти на такой бешеной скорости, и нельзя было исключать панических попыток замедлить ход.

«Гурон» сильно накренился, черпнул бортом, и ревущая стена воды прокатилась по палубе. Один из матросов на вантах замешкался, вода подхватила его, протащила по палубе и ударила о фальшборт, где он и остался лежать, скорчившись, словно клубок водорослей на морском берегу, выброшенный штормом. До него пытались добраться товарищи по команде, но следующая волна отшвырнула их, залив палубу по пояс, и скатилась за борт ревущим пенистым водопадом. Вместе с ней исчез и несчастный матрос. Палуба опустела.

– Смотрите за трюмселями, мистер Типпу, они не работают как надо.

Капитан повернулся к борту, не обращая внимания на исполненный ужаса укоряющий взгляд Робин Баллантайн.

Тем временем британский корабль почти скрылся из виду, и над горизонтом виднелись лишь верхушки его парусов, едва различимые на фоне седобородых атлантических валов. Мунго Сент-Джон поспешно выхватил подзорную трубу из гнезда под штурманским столиком и взгляделся. Над крошечным треугольником парусов, затерявшихся среди волн, возникла тонкая черная полоска, словно нарисованная тушью.

– Дым! – проворчал он, когда рядом снова возник Типпу с пистолетами за поясом. – Они все-таки развели пары.

– Один винт, – хмыкнул великан, покачав круглой бритой головой. – Не догнать.

– По ветру, да еще по такому, никак, – согласился капитан. – А если наоборот? Снова левый галс, господин помощник! Попробую обойти их круто к ветру и обогнать на пушечный выстрел.

Неожиданный маневр захватил командира противника врасплох, и он запоздал с переменной курса, не успев срезать угол, что позволило Сент-Джону уйти на наветренную сторону. «Гурон» пронесся мимо буквально по кромке ветра крутым бейдевиндом с туго выбранными шкотами, держась на грани досягаемости пушек. Выстрелив наугад по ныряющему силуэту противника, британское судно повернуло к ветру для преследования, тут же продемонстрировав все недостатки своей конструкции, которые подвели его в предыдущей гонке. Чтобы разместить тяжелый паровой котел и машины, вращавшие большой бронзовый винт под кормой, пришлось поступиться конструкцией мачт и парусной оснасткой.

Через пять минут стало ясно, что даже на всех парусах и с двигателем, изрыгающим густой жирный шлейф угольного дыма, «Черная шутка» не способна идти так круто к ветру, как высокий стройный парусник впереди. Ее медленно, но верно сносило в подветренную

сторону, и хотя разница в скорости не была столь заметна, «Гурон» неуклонно увеличивал дистанцию. Британский капитан взял еще круче, отчаянно пытаясь следовать курсу на клипер, но паруса захлопали и бессильно обвисли. В ярости от своей неудачи он полностью оголил мачты и пошел на одних машинах прямо против ветра, чего, разумеется, не мог «Гурон», но едва гребной винт перестал получать помощь от парусов, скорость резко упала. Шторм завывал вовсю, и даже голые снасти тормозили ход, а белоснежный клипер отрывался все сильнее.

– Вот ведь дурацкая коптилка! – Мунго Сент-Джон пристально следил за мучениями англичанина, оценивая его маневры. – Я сделаю с ней все, что вздумается. С каплей ветра уйдем играючи.

Капитан противника оставил попытку обойтись паровым ходом и поставил паруса, натужно пыхтя в бурлящем фарватере «Гуруна», – но вдруг, неожиданно-негаданно, клипер выскочил в штилевое пятно. Линия шторма четко виднелась на поверхности моря. По одну сторону зияла темная пучина, исполосованная когтями ветра, по другую мирно перекачивались океанские валы, и их горбатые гладкие спины отливали бархатистым блеском.

Как только «Гурон» пересек границу, шум ветра, непрерывно стоявший в ушах многие недели, сменился неестественной жутковатой тишиной. Корабль, прежде полный жизни и рвавшийся вперед, подобно морскому чудовищу, теперь бесцельно болтался на волнах, как бревно. Паруса наверху полоскались и хлопали от завихрений воздуха, порожденных беспорядочной качкой, такелаж трещал и гремел – казалось, мачты вот-вот вывалятся из гнезд.

Противник за кормой упорно продвигался вперед, быстро уменьшая разделявшую корабли дистанцию. Черный столб угольного дыма поднимался отвесно в неподвижном воздухе, придавая преследователю торжествующе-грозный вид. Мунго Сент-Джон бросился к передним поручням юта и всмотрелся – всего в двух-трех милях по курсу свирепый ветер рвал в клочья темно-синие пенистые гребни, но перед носом корабля простиралась лишь маслянистая рябь.

Черный корабль неумолимо приближался, высоко выбрасывая дым в яркую синеву неба. Орудийные порты были открыты, демонстрируя толстые стволы 32-фунтовых пушек. Бурлящий след от винта за кормой искрился белизной в солнечном свете.

«Гурон» полностью потерял ход, и рулевой больше не мог держать курс. Судно бесильно дрейфовало, зарываясь носом в волны и медленно разворачиваясь бортом к преследователю.

На мостике у британцев уже можно было различить трех офицеров. Носовое орудие снова выстрелило – ядро взметнуло высокий столб воды так близко к борту «Гуруна», что вода обрушилась на палубу и потекла в шпигаты.

Мунго Сент-Джон с отчаянием оглядел горизонт, надеясь обнаружить хоть какие-то признаки возвращения ветра, и наконец сдался.

– Поднять флаг, – бросил он помощнику и приник к подзорной трубе – выяснить, какое замешательство это вызовет на мостике у преследователей. Яркое цветное полотнище взвилось на грот-рее, обвиснув в неподвижном воздухе.

Такой флаг англичане ожидали увидеть меньше всего. Они подошли настолько близко, что на лицах офицеров ясно читались разочарование и смущение.

– Не видать вам призовых денег – на сей раз уж точно, – с мрачным удовлетворением пробормотал Сент-Джон, щелчком складывая трубу.

Военный корабль подошел к «Гуруну» на расстояние оклика и развернулся бортом, угрожающе выставив жерла 32-фунтовых пушек. Самый высокий офицер на мостике был, по-видимому, старше всех. Шагнув к ближнему борту, он поднес к губам рупор:

– Что за корабль?

– «Гурон», из Балтимора и Бристоля, – крикнул в ответ Мунго Сент-Джон, – идем с торговым грузом к мысу Доброй Надежды и в Келимане.

– Почему не остановились по сигналу?

– Потому что, сэр, я не признаю за вами права останавливать суда Соединенных Штатов Америки в открытом море.

Оба капитана понимали, насколько сложные и противоречивые проблемы подразумевал такой ответ, однако британец раздумывал лишь мгновение.

– Признаете ли вы, сэр, мое право удостовериться в государственной принадлежности и порте приписки вашего судна?

– Поднимайтесь на борт, капитан, и удостоверьтесь – но прежде зачехлите орудия. Только сами, а не кто-нибудь из младших офицеров.

Мунго Сент-Джон не мог упустить случая вдоволь поиздеваться над англичанами, все еще злясь на прихоть погоды, позволившую чужакам догнать его.

С «Черной шутки», демонстрируя безукоризненную выучку, спустили на волны шлюпку, которая быстро подошла к «Гурону». Капитан вскарабкался по штурмтрапу, а гребцы отвели суденышко от борта и застыли в ожидании.

Британский офицер оказался столь гибким и ловким, что Мунго Сент-Джон сразу понял свою ошибку – молодому человеку явно не исполнилось и тридцати. Поскольку корабль готовился к бою, он не надел мундир, а облачился в белую льняную рубаху, брюки и мягкие сапоги. За поясом торчали два пистолета, в ножнах у бедра висела абордажная сабля.

– Кодрингтон, капитан вспомогательного крейсера ее величества «Черная шутка», – чопорно представился визитер.

Его темные волосы, выбеленные морской солью и солнцем, были стянуты на затылке в короткую косичку кожаным шнурком. На фоне золотисто-медового загара ярко выделялись серо-голубые глаза.

– Сент-Джон, владелец и капитан судна.

Ни тот ни другой не сделали ни малейшей попытки обменяться рукопожатием, ошетилившись подобно двум волкам, наткнувшимся друг на друга в лесу.

– Надеюсь, – продолжал Мунго, – вы не намерены задерживать меня дольше, чем необходимо. Не сомневайтесь, мое правительство будет поставлено в известность о данном инциденте.

– Разрешите ознакомиться с вашими бумагами, капитан?

Молодой офицер, не обратив внимания на угрозу, проследовал за Сент-Джоном на ют. Кодрингтон смутился, завидев Робин и ее брата, которые стояли у борта, отвесил им легкий поклон и поспешно углубился в изучение пакета с документами, приготовленного на штурманском столике. Просмотрев стопку бумаг, он вдруг резко выпрямился.

– Черт возьми – Мунго Сент-Джон! Ваша слава обгоняет вас, сэр! – Лицо англичанина исказилось от волнения, в голосе звучали горькие нотки. – Благородная у вас репутация, нечего сказать! Первый, кому удалось за год переправить через океан больше трех тысяч душ – неудивительно, что у вас такой великолепный корабль.

– Не слишком ли много вы на себя берете, сэр? – предостерег его Сент-Джон с ленивой усмешкой. – Мне хорошо известно, на что способны чиновники вашей службы ради лишней гинеи призовых денег...

– Где вы собираетесь взять на борт следующий груз людского горя, капитан Сент-Джон? – грубо прервал его англичанин с побелевшим от гнева лицом. – На таком прекрасном судне поместится тысячи две.

– Если вы закончили дознание... – С лица Мунго не сходила улыбка, но офицер продолжал:

– Нашими стараниями здесь, на западном берегу, вам стало жарковато даже под этим раскрашенным лоскутком шелка. – Он кивнул в сторону флага на грот-рее. – Собираетесь трудиться на восточном побережье? Говорят, хорошего раба можно купить за два доллара, а за десятишиллинговое ружье – двух...

– Я вынужден попросить вас покинуть мой корабль.

Сент-Джон забрал у офицера документы. Англичанин брезгливо вытер руку о брюки.

– Я бы отдал жалованье за пять лет, чтобы заглянуть в ваш трюм, – мрачно проговорил он, впиваясь в Сент-Джона яростными светлыми глазами.

– Капитан Кодрингтон! – Зуга Баллантайн шагнул вперед. – Я британский подданный и офицер армии ее величества. Смею заверить вас, на борту этого судна нет рабов.

Говорил он сухо и отрывисто.

– Англичанину должно быть стыдно путешествовать в такой компании. – Кодрингтон взглянул поверх собеседника. – К вам это также относится, мадам.

– Вы забываетесь, сэр, – нахмурился Зуга. – Мои заверения остаются в силе.

Офицер снова бросил взгляд на Робин Баллантайн. Вид у нее был непритворно несчастный. Брошенное обвинение потрясло девушку до глубины души. Она, полномочный посланник Общества борьбы с работорговлей, дочь знаменитого Фуллера Баллантайна, поборника свободы и врага работорговцев, путешествует на невольничьем судне вместе с самым отъявленным охотником за головами!

Робин побледнела, широко распахнутые зеленые глаза наполнились слезами.

– Капитан Кодрингтон, – произнесла она низким хрипловатым голосом, – мой брат прав. Я заверяю вас, что на борту нет никаких рабов.

Лицо британского офицера смягчилось. Девушку нельзя было назвать красавицей, однако ее свежесть и искренность невольно трогали сердце.

– Я приму ваши заверения, мадам, – поклонился он. – И в самом деле, только сумасшедший повез бы негров в Африку... однако, – тон его снова стал жестким, – если бы я спустился в трюм, то нашел бы там достаточно, чтобы отправить судно в Столовую бухту под конвоем и без всяких затруднений вынести обвинительный приговор на следующей сессии Смешанной комиссии.

Кодрингтон резко повернулся к Сент-Джону.

– О да, сейчас невольничьи палубы, разумеется, убраны, чтобы дать место торговым грузам, но доски наверняка на борту, и вы меньше чем за день установите их на место! – почти прорычал он. – Могу поклясться, что под теми люками, – он показал на верхнюю палубу, не отрывая взгляда от лица Мунго, – спрятаны решетки, а на нижних палубах вбиты скобы для цепей и кандалов...

– Капитан Кодрингтон, – лениво процедил Сент-Джон, – ваше общество утомительно. У вас есть шестьдесят секунд, чтобы покинуть корабль, или я прикажу помощнику выкинуть вас за борт.

Типпу шагнул вперед, громадный и безволосый, как чудовищная жаба, и встал за плечом хозяина.

С видимым усилием сдерживая гнев, английский капитан отвесил поклон.

– Даст Бог, еще увидимся, сэр. – Он повернулся к Робин и коротко отдал честь. – Желаю приятного путешествия, мадам.

– Капитан Кодрингтон, вы ошибаетесь! – воскликнула она почти с мольбой.

Он задержал на ней взгляд, прямой и тревожащий душу – такие глаза бывают у пророков или фанатиков – и размашистой мальчишеской походкой направился к трапу.

Типпу скинул рубаху с высоким воротом и натерся маслом до пояса, пока темная кожа не заблестела металлическим блеском, словно у экзотической рептилии. Он стоял босиком,

с легкостью держа равновесие на качающейся палубе «Гуруна», спокойно опустив толстые ручки. В ногах свернулся кольцами длинный кнут.

На прикрепленной к борту решетке висел распятый матрос, тот самый, что проворонил африканский берег. Бедняга напоминал морскую звезду, застывшую на скале во время отлива. Неуклюже вывернув шею, с побелевшим от ужаса лицом он смотрел на своего палача.

– Вам позволено не присутствовать, доктор Баллантайн, – заметил Мунго.

Робин с вызовом взглянула на капитана.

– Считаю своим долгом присутствовать на этой варварской...

– Что ж, как угодно, – кивком оборвал ее Сент-Джон и отвернулся. – Двадцать, мистер Типпу.

– Есть двадцать, капитан.

С бесстрастным выражением на лице великан шагнул к осужденному, зацепил согнутым пальцем ворот рубашки и одним движением разорвал ее до пояса. Спина матроса, белая, как нутряное сало, была усеяна багровыми нарывами – обычное следствие мокрой просоленной одежды и плохого питания.

Типпу отступил назад и щелчком вытянул кнут во всю длину вдоль дубового настила палубы.

– Внимание! – провозгласил Мунго Сент-Джон. – Этот человек обвиняется в халатности, которая поставила под угрозу безопасность корабля.

Матросы, не осмеливаясь поднять взгляд, переступали с ноги на ногу.

– Приговор – двадцать плетей! – продолжал капитан. Человек на решетке отвернулся, втянул голову в плечи и зажмурился. – Начинайте, мистер Типпу.

Помощник прищурился, оглядывая белую спину с отчетливо выступающими позвонками, и отступил, высоко взметнув мощную мускулистую руку. Кнут взвился в воздух со свистом, как рассерженная кобра. Типпу шагнул вперед, вкладывая в удар всю силу могучих плеч.

Осужденный вскрикнул, содрогаясь всем телом. Грубые пеньковые узлы ободрали запястья. Белая кожа лопнула, поперек спины прошла тонкая ярко-алая полоса. Один из воспаленных багровых нарывов между лопатками прорвался, извергнув струйку темно-желтой жидкости, которая поползла по спине.

– Один! – объявил Мунго Сент-Джон.

Человек на решетке тихонько всхлипывал.

Типпу снова отступил, встряхнул, расправляя, кнут, прищурился, глядя на кровавую полосу на дрожавшем от боли теле, и с рычанием качнулся вперед для следующего удара.

– Два!

У Робин к горлу подступил комок. Подавив тошноту, она заставила себя смотреть. Он не должен заметить ее слабость.

На десятом ударе тело на решетке внезапно обвисло, голова свесилась набок, кулаки медленно разжались, открыв взгляду кровавые полумесяцы там, где ногти впивались в ладони. Вплоть до окончания размеренного ритуала осужденный не выказывал признаков жизни.

После двадцатого удара Робин стрелой метнулась вниз на палубу, нащупывая пульс несчастного, которого снимали с решетки.

– Слава Богу! – прошептала она, ощутив под пальцами слабое биение, и повернулась к матросам, опускавшим искалеченное тело на палубу. Мунго Сент-Джон добился своего: сквозь искромсанные спинные мышцы проступали белые, словно фарфоровые, позвонки.

Перевязочный материал Робин уже приготовила. Пока матросы перекладывали своего товарища на дубовую доску и несли в носовой кубрик, она успела прикрыть хлопковой ватой его изувеченную спину.

В тесном переполненном помещении клубился дым дешевого трубочного табака, стояла вонь от трюмной воды, сырой одежды, отбросов и немытых человеческих тел. Раненого положили на общий стол, и Робин принялась помогать ему, насколько могла, в неверном свете масляной лампы, подвешенной к потолку. Она соединила порванные лоскуты плоти, наложила швы из конского волоса и обработала раны слабым раствором фенола, новейшим средством от гангрены, которое с успехом ввел во врачебную практику Джозеф Листер.

Матрос пришел в себя и тут же взвыл от боли. Робин дала ему пять капель опийной настойки и пообещала навеститься на следующий день, повязку сменить. Она сложила инструменты в черный докторский саквояж, который тут же подхватил коренастый боцман с обезображенным оспой лицом. Робин благодарно кивнула, на что он смущенно пробормотал:

– Весьма признательны, миссус.

Они далеко не сразу привыкли принимать ее помощь. Началось все с обычного вскрытия нарывов и доз каломели от поноса и дизентерии, но позже, когда Робин вылечила десяток больных, в том числе с переломом плеча, разорванной барабанной перепонкой и венерическим шанкром, она стала всеобщей любимицей, и врачебный обход прочно вошел в общий распорядок жизни на борту.

Боцман поднимался следом по трапу с саквояжем в руке. На полпути Робин остановилась и положила руку ему на плечо.

– Натаниэль, – торопливо шепнула она, – можно как-нибудь попасть в трюм в обход палубных люков?

Боцман испуганно взглянул на нее. Робин настойчиво встряхнула его руку.

– Так можно или нет?

– Да, мэм, – проямлил он.

– Как, откуда?

– Через лазарет под офицерской кают-компанией, там люк в передней переборке.

– Он запирается?

– Да, мэм... капитан Сент-Джон держит ключ на поясе.

– Никому не говори, что я спрашивала, – предупредила она и поспешила на верхнюю палубу.

Пристроившись у грот-мачты, Типпу отмывал кнут – морская вода в ведре окрасилась в бледно-розовый цвет. Он сидел на корточках, развернув мощные бедра, и набедренная повязка туго обтягивала пах. Выжимая воду из промокшей кожи толстыми пальцами, великан с ухмылкой взглянул на Робин снизу вверх, повернув ей вслед круглую бритую голову на бычьей шее.

Задыхаясь от страха и отвращения, Робин подобрала юбки и проскользнула мимо. В дверях каюты она, поблагодарив, взяла из рук Натаниэля докторский саквояж и без сил опустилась на койку.

В голове царил полный сумбур. Лавина событий, нарушившая неспешный ход плаванья, полностью выбила девушку из колеи. Визит на корабль капитана Королевского военно-морского флота затмил собой и негодование, вызванное бесчеловечным избиением матроса, и радость от встречи с Африкой после двадцатилетней разлуки. Обвинения Кодрингтона – вот что терзало и мучило Робин.

Передохнув, Робин откинула крышку дорожного сундука, занимавшего почти все пространство крошечной каюты, и принялась выкладывать вещи. Брошюры Общества борьбы с работорговлей, полученные в Лондоне, нашлись на самом дне. Они содержали историю

вопроса начиная с истоков и до самого последнего времени. Робин перелистывала страницы, ощущая бессильный гнев от рассказа о невыполнимых международных соглашениях, избыточных удобными оговорками, о законах, запрещавших торговлю живым товаром к северу от экватора и позволявших ей процветать в Южном полушарии, о договорах, подписанных всеми государствами, кроме тех, кто активнее других наживался на рабстве – Португалии, Бразилии, Испании. Прочие великие державы – например, Франция – беззастенчиво использовали стремление своего исконного врага, Великобритании, искоренить эту позорную практику, и выторговывали политические преимущества в обмен на туманные обещания.

Соединенные Штаты, подписав Брюссельский договор, подготовленный британцами, согласились на запрещение работорговли, но не на отмену самого института рабства. Перевозка невольников приравнивалась к открытому пиратству – такие суда подлежали аресту в качестве приза, и их судьбу решал адмиралтейский суд или Смешанная судебная комиссия. Корабли, специально оборудованные для перевозки рабов, разрешалось конфисковывать даже в отсутствие живого груза на борту. Все это Америка признала, но отказалась дать право военно-морскому флоту Великобритании обыскивать свои суда. Британским офицерам позволялось лишь убедиться в государственной принадлежности американского корабля, но не более того – даже если вонь из трюмов поднималась до небес, а звон кандалов и нечеловеческие вопли с нижних палуб были слышны даже глухому.

Робин захлопнула брошюру, бросила в сундук и взяла другую.

В прошлом, 1859 году с побережья Африки в шахты Бразилии, на плантации Кубы и в южные штаты Америки было перевезено около ста шестидесяти девяти тысяч рабов. Торговые операции оманских арабов в Занзибаре оценивались лишь приблизительно, по наблюдениям за невольничьими рынками острова. Несмотря на договор с султаном, заключенный еще в 1822 году, британский консул в Занзибаре насчитал за последний год почти двести тысяч рабов, доставленных на остров. Мертвых, больных и умирающих на берег не выгружали, чтобы не платить лишних налогов – пошлины султан брал с каждой головы, живой или мертвой. Поэтому трупы, а также больных и истощенных, не имевших шансов выжить, просто сбрасывали за борт на глубине за коралловым рифом, где днем и ночью кружили стаи огромных акул-людоедов. Едва первое тело, живое или мертвое, падало в воду, море превращалось в бурлящий котел. По оценкам британского консула, смертность среди рабов, переправляемых с материка на Занзибар, достигала сорока процентов.

Отложив брошюру, Робин задумалась над ужасающим размахом этого отвратительного промысла. Пять миллионов человек с начала столетия, пять миллионов душ! Неудивительно, что работорговлю называли величайшим в мировой истории преступлением против человечества.

Порывшись в сундуке, она раскрыла книжицу с прикидкой доходов удачливого работорговца. Во внутренних районах Африки, вплоть до озерного края, куда проникал мало кто из белых, Фуллер Баллантайн обнаружил – напечатанное имя отца вызвало прилив гордости, смешанной с печалью, – что первоклассный раб переходит из рук в руки всего за горсть фарфоровых бусин. Двоих можно было получить за допотопный мушкет, который в Лондоне стоил тринадцать шиллингов, или за двухдолларовое кремневое ружье. На побережье тот же раб продавался за десять долларов, а на невольничьем рынке в Бразилии за него давали уже пятьсот. К северу от экватора риск перевозки возрастал, и цены били все рекорды: тысяча долларов на Кубе, полторы тысячи – в штате Луизиана.

Робин быстро прикинула: английский капитан отметил, что «Гурон» может перевезти за рейс две тысячи рабов. В Америке такой груз стоил невероятных денег, три миллиона долларов – пятнадцать таких кораблей, как «Гурон»! Одно-единственное плавание удовлетворяет самые алчные мечты, и ради этого работорговцы пойдут на любой риск.

И все же насколько справедливы обвинения капитана Кодрингтона? Насчет офицеров Королевского военно-морского флота упорно поговаривали, что их усердие подогревают вовсе не гуманизм и отвращение к работорговле, а обещанные призовые деньги. Любой корабль они готовы считать невольничьим, а пункт о специальном оборудовании трактуют в самом широком смысле.

Брошюра с подробным разъяснением лежала как раз следующей. Согласно правилам, корабль считался невольничьим при наличии одного из следующих признаков: открытых решеток для проветривания трюмов, переборок в трюмах для установки дополнительных палуб, запасных досок для настила таких палуб, несоразмерно большого количества бочонков для воды или слишком больших котлов для варки риса, а также избыточных запасов риса или муки.

Даже если корабль всего лишь вез туземные циновки, которые могли служить подстилками для рабов, его можно было арестовать и конвоировать в порт – и такую власть имели люди, получавшие от ареста кораблей финансовую выгоду! Может, и капитан Кодрингтон из них, а фанатизм, сверкавший в его светлых глазах, служил лишь удобной маской для обыкновенной алчности?

Может быть, все дело в этом. Может быть, английский капитан ошибался... Но почему тогда Мунго Сент-Джон развернулся и стал удирать на всех парусах, едва заметив британское военное судно?

Робин не знала, что и думать, ее мучило чувство вины. Не в силах успокоиться, она вышла на палубу, укутав голову и плечи в теплую кружевную накидку. Ветер превратился в ледяной шквал, и «Гурон», мчавшийся на юг, тяжело кренился в ответ на каждый его порыв, выбрасывая в густеющий сумрак фонтаны брызг.

Зуга сидел в каюте, сняв сюртук, и с сигарой в зубах просматривал списки снаряжения для экспедиции, которое предстояло пополнить по прибытии к мысу Доброй Надежды. Ответив на стук Робин, он с улыбкой поднялся ей навстречу.

– Как себя чувствуешь, сестренка? Зрелище было, конечно, малоприятное, хоть и неизбежное. Надеюсь, оно не слишком выбило тебя из колеи.

– Он поправится, – с надеждой сказала девушка.

Зуга, усадив ее на койку, единственное подходящее для этого место, кроме его стула, сменил тему разговора.

– Иногда мне кажется, что у нас многовато денег на экспедицию, – вздохнул он. – Слишком велик соблазн переборщить со снаряжением. Отец пересек континент всего с пятью носильщиками, а нам потребуется по меньшей мере сотня, по восемьдесят фунтов груза на каждого.

– Зуга, мне надо с тобой поговорить, – перебила Робин, – раз уж наконец появилась возможность.

На грубом волевом лице брата мелькнуло отвращение, словно он догадался, о чем пойдет разговор. Не дожидаясь ответа, Робин выпалила:

– Скажи, на этом корабле перевозят рабов?

Он вынул сигару изо рта и внимательно рассмотрел кончик.

– Знаешь, сестренка, вонь от невольничьего транспорта легко учуять за пятьдесят лиг, и ее не вытравить никаким щелоком даже после того, как рабов выгрузят. На «Гуроне» ничего подобного не ощущается.

– Корабль идет в первый рейс с новым владельцем, – напомнила Робин. – Кодрингтон сказал, что Сент-Джон купил клипер на доходы от прошлых перевозок – потому он и чистый.

– Мунго Сент-Джон – настоящий джентльмен, – нетерпеливо возразил Зуга. – Я в нем уверен.

– Хозяева плантаций на Кубе и в Луизиане – самые элегантные джентльмены, каких только можно встретить за пределами Сент-Джеймского дворца.

– Я предпочитаю верить его слову, – сердито бросил брат.

– Не слишком ли торопишься? – вкрадчиво произнесла Робин, хотя в глазах ее уже вспыхнули изумрудные искры. – Если окажется, что мы путешествуем на невольничьем корабле, это повредит твоей карьере.

– Черт побери, он дал мне слово! – Зуга не на шутку сердился. – Сент-Джон занят законной торговлей, он собирается принять на борт слоновую кость и пальмовое масло.

– Ты просил разрешения осмотреть трюмы?

– Он дал мне слово! – упрямо мотнул головой брат.

– Так, может быть, попросишь?

Заколебавшись, Зуга отвел взгляд, потом решительно ответил:

– Нет, не попрошу. Такая просьба оскорбительна, и он вправе возмутиться.

– Ну да, – кивнула она, – а если мы обнаружим то, чего ты так боишься, это дискредитирует цель нашей экспедиции...

– Руководитель экспедиции – я, и мое решение твердо!

Робин пристально взглянула на него.

– Отец тоже никому не позволил бы встать у него на пути, даже маме и семье.

– Послушай, сестренка, если до прибытия в Кейптаун ты не успокоишься, я найму до Келимане другой корабль. Согласна?

Она не сводила с него обвиняющего взгляда.

– Даже если найдутся доказательства, – Зуга в ярости махнул рукой, – что мы можем предпринять?

– В Кейптауне сделаем заявление под присягой в адмиралтействе.

– Сестренка, – вздохнул он в отчаянии от ее непримиримости, – ну как ты не понимаешь... Что я выиграю, обвиняя Сент-Джона? Даже если корабль и оборудован для работорговли (что маловероятно), мы окажемся в опасности, которую не стоит недооценивать, Робин. Капитан Сент-Джон пойдет до конца, такой уж он человек. Нет, – Зуга решительно мотнул головой, растрепав завитые по моде волосы, – я не собираюсь подвергать риску ни нас с тобой, ни нашу экспедицию. Таково мое решение, и я требую, чтобы ты подчинилась.

Последовала долгая пауза. Робин медленно опустила взгляд, сложив руки на коленях.

– Хорошо, Зуга.

Брат вздохнул с явным облегчением.

– Благодарю тебя за понимание, дорогая. – Он наклонился, целуя ее в лоб. – Позволь проводить тебя к ужину.

Робин уже готова была отказаться, сославшись на усталость, и отужинать одна в своей каюте, однако, повинуясь внезапному наитию, кивнула:

– Спасибо, Зуга. – Она взглянула на брата с нечастой для нее сияющей улыбкой, чем окончательно его обезоружила. – Я счастлива иметь за столом такого прекрасного спутника.

Робин сидела между Сент-Джоном и братом, и не знай ее Зуга так хорошо, то мог бы заподозрить в откровенном заигрывании с капитаном. Она расточала улыбки, внимательно подаваясь вперед, стоило ему заговорить, то и дело подливала в его бокал вина, радостно смеялась колким остротам. Зугу изумило и слегка встревожило такое преображение, да и Сент-Джон никогда прежде не видел свою пассажирку в таком свете. Он прятал удивление за вежливой полуулыбкой, однако Робин Баллантайн и впрямь оказалась приятной собеседницей. Ее резковатые черты смягчились, делая лицо почти хорошеньким, а роскошные волосы, безупречная кожа и белоснежные зубы сияли и искрились в свете ламп. Мунго Сент-Джон невольно и сам развеселился, смеялся все чаще, начиная проявлять явный интерес. Робин усердно наполняла его бокал, и капитан в этот вечер выпил больше, чем обычно поз-

волял себе прежде, а когда стюард подал пудинг с коринкой, приказал подать к нему бутылку бренди.

На Зугу также подействовала странная праздничная атмосфера ужина. Когда Робин объявила, что устала, и встала из-за стола, он горячо поддержал протесты Сент-Джона, но девушка была непреклонна.

Вернувшись к себе, она заперла дверь каюты на засов и принялась тихонько собираться. Из кают-компания доносились взрывы хохота. Встав на колени у сундука, Робин просунула руку на самое его дно и достала мужские молескиновые брюки, фланелевую блузу и шейный платок. Куртка с глухой застежкой и поношенные ботинки дополняли костюм – студенческая форма, под которой Робин скрывала свой пол, учась в больнице Сент-Мэтью. Она скинула с себя одежду, наслаждаясь греховным ощущением свободы, и взглянула вниз, на свою наготу. Наверное, грешно любоваться собственным телом... но она не отвела глаза.

Прямые стройные ноги, изящный изгиб бедер, резко переходящий в узкую талию, почти плоский живот с пикантной выпуклостью ниже пупка. Здесь несомненно начинались владения греха, но Робин не устояла перед искушением и на мгновение задержала взгляд. Она прекрасно разбиралась в устройстве и назначении всех частей сложного механизма своего тела, как видимых, так и скрытых, но ощущения, исходившие оттуда, снизу, все-таки смущали и беспокоили ее, потому что про это на занятиях в Сент-Мэтью ничего не говорилось. Робин торопливо перевела взгляд на более безопасную территорию, собрала распущенные волосы на макушке и заправила их в шерстяной берет.

Грудь были круглые и упругие, как яблоки, такие твердые, что почти не меняли формы, когда она поднимала руки. Сравнение со спелыми плодами доставляло удовольствие, и девушка нарочно повозилась с беретом чуть дольше, разглядывая грудь. Однако сколько можно потакать своим слабостям – она решительно натянула через голову рубашку, расправила ее полы и надела брюки, наслаждаясь после долгого хождения в неудобных юбках. Присев на койку, она обулась, поправила штрипки брюк и встала, затягивая ремень на талии.

Из черного саквояжа Робин достала сверток с хирургическими инструментами и выбрала самый прочный скальпель. Раскрыв его, она проверила лезвие большим пальцем – острое как бритва – и спрятала скальпель в карман брюк. Другого оружия не было.

Покончив с приготовлениями, Робин задвинула заслонку морского фонаря, в полной темноте легла одетая в койку, натянула грубое шерстяное одеяло до самого подбородка и стала ждать. Хохот в кают-компания звучал все громче: похоже, бутылка бренди доживала последние минуты. Через некоторое время слышались тяжелые нетвердые шаги – брат пробирался мимо, в свою каюту, – и наступила тишина, нарушаемая лишь скрипом и стуком незакрепленных снастей качающегося на волнах корабля.

Робин была так возбуждена от страха и нетерпения, что уснуть не боялась, однако время тянулось утомительно медленно. Она то и дело приоткрывала заслонку фонаря, чтобы взглянуть на карманные часы, но стрелки, казалось, стояли на месте. В два часа ночи, когда человеческое тело и дух настоятельнее всего требуют отдыха, девушка тихонько поднялась с койки, подняла затемненный фонарь и двинулась к двери. Железный засов грохнул, словно ружейный залп, и Робин выскользнула из каюты.

В каюте чадила одинокая масляная лампа, отбрасывая на деревянные переборки скользящие тени. Бутылка из-под бренди валялась на полу, перекачиваясь взад-вперед в такт качке. Девушка стянула ботинки и, оставив их у входа, босиком пересекла кают-компанию. Дальше начинался коридор, ведущий в кормовую часть судна.

Задышавшись, словно от долгого бега, Робин остановилась и приподняла заслонку, направляя тонкий луч фонаря в темноту. Дверь в капитанскую каюту была закрыта. Девушка осторожно двинулась вперед, ощупывая одной рукой переборку, пока пальцы не охватили медную дверную ручку.

– Помоги, Господи, – шепнула Робин, невыносимо медленно поворачивая ее.

Дверь подалась, приоткрывшись на дюйм. В сумраке каюты виднелось окошко для дублирующего компаса, проделанное в палубе, чтобы даже лежа в койке капитан мог определить курс корабля. Компас освещался тусклым желтым светом штурвального фонаря, и его отблеск позволял что-то разглядеть и в глубине помещения.

Темный полог скрывал койку; мебели было немного. Слева виднелись запертые дверцы оружейного сейфа, а дальше – ряд крючков, на которых висел плащ и одежда, в которой капитан сидел за ужином. Напротив двери стоял массивный стол красного дерева с подставками для медных навигационных приборов, секстанта, линейки и циркулей; над ним на стене висели барометр и корабельный хронометр.

Очевидно, раздеваясь, капитан выложил все из карманов на стол. Между морскими картами и судовыми документами валялись складной нож, серебряный портсигар, крошечный инкрустированный золотом карманный пистолет из тех, что предпочитают профессиональные игроки, пара тяжелых игральные костей из слоновой кости – видимо, Зуга и капитан снова принялись за игру – и, наконец, самое главное, то, что она и надеялась найти, – связка корабельных ключей, которую Сент-Джон носил на поясе.

Приоткрывая дверь дюйм за дюймом, Робин не сводила глаз с темной ниши у правой стены. От качки полог слегка колыбался, и у девушки заколотилось сердце – казалось, что некто вот-вот выскочит и набросится на нее. Дверь приоткрылась достаточно, и пришлось собрать все силы, чтобы сделать первый шаг.

На полпути к столу она застыла на месте. Койка была совсем рядом, до нее можно было дотронуться. В узком просвете меж завес виднелся блеск обнаженного тела, слышалось глубокое ровное дыхание спящего. Слегка успокоившись, Робин поспешно скользнула к столу.

Она понятия не имела, какие из ключей отпирают дверь лазарета и люк, ведущий в главный трюм. Оставалось забрать всю тяжелую связку, а значит, предстояло вернуться сюда. Хватит ли храбрости? Рука задрожала, ключи громко звякнули. Робин прижала добычу к груди, в ужасе уставившись на полог. Никто не шевелился, и она на цыпочках скользнула к выходу.

Едва дверь закрылась, Мунго Сент-Джон приподнялся на локте и резко отдернул полог. Секунду-другую он прислушивался, потом вскочил, метнулся к столу и осмотрел то, что лежало сверху.

– Ключи! – прошипел он, быстро натягивая брюки.

Выдвинув ящик стола, капитан приподнял крышку шкатулки палисандрового дерева, достал пару длинноствольных дульных пистолетов и сунул их за пояс.

Ключ от двери лазарета удалось найти с третьей попытки. Дверь поддалась неохотно, издав пронзительный скрип, который прозвучал будто сигнал горна, зовущий в атаку тяжелую кавалерию.

Робин поспешно заперла за собой дверь и облегченно вздохнула: за ней никто не войдет. Она отодвинула заслонку фонаря и быстро осмотрелась.

Так называемый лазарет фактически был кладовой для хранения личной провизии офицеров. С крючков на потолке свисали копченые окорока и колбасы, на полках громоздились толстые круги сыра, ящики с консервами, стояли черные бутылки, запечатанные воском. За мешками с мукой и рисом виднелся еще один люк, запертый на мощный засов, на котором в придачу висел замок размером с два кулака.

Под стать замку оказался и ключ – огромный, с палец толщиной. С трудом сдвинув с места тяжелый люк, Робин на корточках пролезла в низкий проем.

До палубы донесся деревянный скрежет. Мунго Сент-Джон тихо сбежал по ступеням к двери лазарета. Сжимая в руке пистолет со взведенным курком, он приложил ухо к дубовой обшивке и прислушался.

– Черт побери!

Он дернул дверную ручку, но дверь была заперта. Капитан кинулся наверх, в каюту первого помощника.

Едва он коснулся массивного мускулистого плеча, как Типпу раскрыл глаза, которые блеснули во мраке, как у дикого зверя.

– Кто-то вломился в трюм, – шепнул Сент-Джон, и огромная темная фигура рывком поднялась с койки.

– Найдем, – прорычал великан, наматывая набедренную повязку, – и скормим рыбам!

Главный трюм казался огромным, как кафедральный собор. Луч фонаря не достигал самых дальних уголков, а штабеля груза кое-где достигали верхней палубы в пятнадцати футах над головой.

Товары были сложены так, чтобы без труда найти любой из них и вынести через люк, не перекладывая всей массы, что очень важно для торговли с заходом в разные порты. Робин посветила фонарем в разные стороны, отмечая тщательность упаковки и маркировки. Ящики со снаряжением для экспедиции находились здесь же с черной надписью «Африканская экспедиция Баллантайнов», выведенной по трафарету на свежей белой древесине.

Вскрабавшись на гору ящиков и тюков, девушка подняла луч фонаря к квадратному отверстию люка в поисках открытой решетки, но обнаружила, к своему разочарованию, что вся нижняя поверхность палубной обшивки обтянута белой парусиной. Робин вытянулась во весь рост, пытаясь ощупать потолок, но пальцы не доставали всего каких-нибудь нескольких дюймов. Корабль внезапно качнуло, и она, не устояв на ногах, полетела в глубокую щель между штабелями товара. Фонарь удалось удержать, но горячее масло плеснуло на руку и обожгло кожу, угрожая оставить волдыри.

Робин снова полезла в гору, карабкаясь по ящикам в поисках доказательств, найти которые ей совсем не хотелось. Разделяющих переборок в трюме не было, но на грот-мачте, проходившей насквозь до самого киля, виднелись ступенчатые клинья, приделанные к толстому стволу норвежской сосны. Может быть, они служат для установки невольничьих палуб? Робин стала на колени возле мачты и вгляделась в полумрак: на одном уровне со ступеньками по внутренней стороне борта шли тяжелые деревянные уступы, похожие на неглубокие полки. На них вполне могла крепиться другая сторона палубы. Робин прикинула расстояние между ступенями на мачте – около трех футов; как раз с таким просветом устанавливали палубы для рабов.

Она попыталась представить, как выглядит трюм в оборудованном виде – ярус за ярусом низких галерей, куда можно заползти лишь на корточках. Полки шли в пять рядов, значит, столько же и палуб, и каждая набита обнаженными черными телами, как банка сардинами, в грязи и нечистотах, их собственных и тех, что сочатся сверху через щели. А как представить, что происходит в полосе штилей на экваторе, в удушающей жаре, или когда две тысячи человек исходят рвотой от морской болезни в бурных водах, где Мозамбикское течение омывает берег у мыса Игольный? Что происходит, если в этом скопище человеческого страдания вдруг вспыхивает эпидемия холеры или оспы? Воображение отказывало, и Робин постаралась выбросить из головы ужасные картины, вновь и вновь взбираясь на груды ящиков и освещая каждый уголок в надежде найти более весомые доказательства.

Если в трюме есть доски для невольничьих палуб, они должны лежать в самом низу, под остальным грузом, и добраться до них никак нельзя... Впереди высилась дюжина огромных бочек, прикрученных болтами к переборке. Возможно, там вода, а может, ром на про-

дажу... хотя, когда рабов возьмут на борт, воду можно налить вместо рома. Робин постучала по округлому дубовому боку ручки скальпеля – звук глухой, значит, в бочке что-то есть.

Она присела на корточки на одном из тюков и полоснула по шву скальпелем, потом запустила руку внутрь, зачерпнула горсть содержимого и рассмотрела в свете фонаря. Бусы для торговли с туземцами, нанизанные на хлопчатобумажные нити. Нитка бус длиной от кончиков пальцев до запястья называлась битиль, четыре таких нитки составляли хете. Сделанные из ярко-красного фаянса, они относились к самой ценной разновидности – сам-сам. За один хете таких бус африканец из первобытного племени продаст в рабство сестру, а за два хете – брата.

Робин поползла дальше, осматривая ящики и тюки. Рулоны хлопковой ткани с ткацких фабрик Салема, известной в Африке как меркани – искаженное «американский». Клетчатая материя из Манчестера – каники. Вот длинные ящики с лаконичной надписью «Ружья». Скорее всего мушкеты, обычный товар на побережье, вовсе не обязательно для покупки рабов, а например, слоновой кости или копаловой смолы... Чувствуя усталость от бесконечного лазанья вверх-вниз и нервного напряжения, Робин села передохнуть, прислонившись к тюку с меркани, как вдруг что-то больно врезалось ей в спину. Она поменяла положение, потом сообразила, что в ткани ничего такого быть не может. Ощупала тюк и еще раз распоролла мешковину.

Между слоями материи торчало что-то черное и холодное на ощупь. Робин потянула его к себе – толстые железные кольца, соединенные цепью. «Браслеты смерти», так их называли в Африке. Вот наконец и доказательство, явное и неопровержимое, – стальные наручники с цепями, неизменный атрибут гнусного промысла.

Робин расширила отверстие. Наручников было много, сотни. Между тем поверхностный обыск, даже если бы он и состоялся, едва ли мог обнаружить зловещий тайный груз. Она взяла одни наручники, чтобы показать брату, и двинулась назад, к лазарету. Поскорее бы выбраться из этой темной пещеры, полной угрожающих теней, снова оказаться в безопасности каюты!

Почти добравшись до выхода, Робин вдруг услышала громкий скребущий звук сверху и застыла в ужасе. Звук повторился, и она погасила фитилек фонаря, но тут же пожалела об этом: тьма навалилась со всех сторон удушающей тяжестью, вызвав острый приступ паники.

Верхний люк распахнулся с громом, похожим на пушечный выстрел. В квадратном проеме булавочными уколами белели огоньки звезд. Огромная тень легко скользнула внутрь, приземлившись на груды тюков, и крышка захлопнулась, погасив ночное небо. От страха у Робин застучало в висках. Сознание того, что она заперта наедине с врагом, пригвоздило ее к месту, и, потеряв несколько драгоценных секунд, она кинулась к люку, ведущему в лазарет, с трудом подавляя отчаянный крик.

Мелькнувшую фигуру Робин узнала сразу – в трюм спустился Типпу! Ей представилась гигантская безволосая жаба, подползающая в темноте с омерзительным проворством, сладострастно облизывая толстые губы розовым языком. Не помня себя, девушка бросилась вперед, споткнулась и упала, стукнувшись затылком о деревянный ящик. Погасший фонарь откатился в сторону, нащупать его не удалось. Оглушенная, она поднялась на колени в полной темноте, уже не помня, куда бежала.

Решив затаиться и хотя бы понять, где находится преследователь, Робин забилась в тесный проход между ящиками. Стук в висках оглушал, как барабанный бой, к горлу подступил комок, не давая дышать. Лишь через несколько минут, собрав волю в кулак, она смогла рассуждать более-менее трезво. Чтобы найти выход, придется сначала добираться до борта, а потом двигаться вдоль него на ощупь, все время ощущая присутствие невидимого чудовища. В страхе Робин еще глубже забилась в щель и прислушалась.

Трюм был полон звуков, на которые она прежде не обращала внимания – скрип рангоута, шорох веревок и мешковины, – но внезапно послышался и другой, тихий, но несомненно живой – совсем рядом! Сдержав крик ужаса, Робин инстинктивно прикрыла голову рукой, ожидая удара...

За плечом снова что-то зашуршало, тихо, но так страшно, что кровь застыла в жилах, а ноги онемели. Враг рядом – выследил, а теперь забавляется, как кошка с мышкой! Каким-то животным чутьем он определил, где жертва, и навис сверху, готовый схватить в любой момент.

Что-то мягкое коснулось плеча, и прежде, чем Робин успела отдернуться, перепрыгнуло через него, задев лицо. Девушка с визгом отшатнулась, отчаянно размахивая во все стороны железной цепью от наручников, зажатых в руке. Раздался громкий сердитый писк, по деревянному ящику дробно застучали крошечные лапки – корабельная крыса. Робин отдернуло от отвращения, но в то же время стало легче, правда, ненадолго... Внезапно вспыхнул ослепительный луч света, пробежал по стенам и исчез. Мрак стусился.

Типпу мог заметить ее, поскольку она уже выбралась из прохода, но Робин разглядела, в какую сторону двигаться. Она припала к тюкам и поползла вперед, цепляясь за мешковину, потом вдруг остановилась. Великан, без сомнения, знает, как она вошла и как собирается выйти. Двигаться надо осторожно, потому что свет может полыхнуть в любой момент. Не попасться бы в ловушку... Робин переложила железную цепь из руки в руку, лишь теперь осознав, что наручники послужат оружием, и гораздо лучшим, чем скальпель с коротким лезвием, лежащий в кармане. Оружие! Впервые ей пришлось в голову, что можно постоять за себя, а не сжиматься в комок, словно курица под когтями ястреба. «Роби – смелая девочка», – услышала она будто наяву голос матери, озабоченный, но с оттенком гордости. В детстве Робин успешно справлялась с деревенскими задирами и не отставала от брата в его отчаянных проделках. Теперь ей понадобится вся храбрость, какая только есть.

Сжимая цепь с тяжелыми наручниками, девушка двинулась ползком в направлении люка, то и дело замирая и прислушиваясь. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем пальцы протянутой руки коснулись толстых досок кормовой переборки. До крышки люка оставался всего шаг, где-то здесь Типпу и поджидает.

Робин принялась: к всепроникающей вони тухлой воды, стоявшей на дне трюма, прибавился запах горящего масла. Фонарь, прикрытый заслонкой, горел где-то близко – слышалось потрескивание нагретого металла. Враг перегораживал дорогу, готовый ослепить свою жертву светом, едва она выдаст свое положение.

Медленно, стараясь не издать ни единого звука, Робин выпрямилась, напряженно вглядываясь в темноту. Скальпель она переложила в левую руку, а другой, с цепью и свисавшими тяжелыми наручниками, замахнулась для удара. Коротким и точным движением Робин швырнула скальпель в сторону – так, чтобы заставить противника отвернуться. Крошечный снаряд ударился во что-то мягкое, почти неслышно на фоне прочих шорохов трюма, и, свалившись на пол, покатился со звуком, похожим на осторожные скользкие шаги.

В тот же миг вспыхнул яркий свет. Гигантская фигура помощника внезапно выросла из темноты – совсем рядом, угрожающе близко. Он высоко поднял фонарь, а правой рукой сжимал тяжелую дубинку. Желтый свет играл яркими бликами на круглом голом черепе, жилистой бычьей шее и широченной спине со вздутыми буграми мышц. Быстро поняв, что в той стороне никого нет, Типпу со звериным проворством пригнул голову и повернулся.

Робин отреагировала инстинктивно. Тяжелые наручники описали сверкающий круг и врезались великану в висок. Раздался хруст, как от сломавшейся ветки, и желтая кожа вскрылась, словно кошелек с красной бархатной подкладкой. Типпу пьяно покачнулся, его широко расставленные ноги начали подгибаться. Робин что есть мочи взмахнула цепью, вложив в удар всю силу страха. На блестящем желтом черепе расцвела еще одна кровавая рана,

и помощник медленно опустился на колени, словно стоял на юте лицом к Мекке, вознося молитвы по своему мусульманскому обычаю. Бритый лоб точно так же коснулся палубы, но на сей раз с него капала кровь. Фонарь упал, но не погас, и в его мерцающем свете Типпу тяжело завалился на бок. Из глотки вырвался хрип, невидящие глаза закатились, зловеще сверкнув белками, толстые ноги дернулись в конвульсиях.

Робин смотрела на поверженного гиганта в ужасе от содеянного, испытывая потребность прийти ему на помощь, как любому пострадавшему живому существу, но это длилось всего несколько мгновений. Типпу приходил в сознание, грудь тяжело вздымалась, судорожное подергивание рук и ног прекратилось. Он приподнял голову, озираясь с бессмысленным выражением. Невероятно, но два почти смертельных удара всего лишь ненадолго оглушили его. Еще несколько мгновений – и он придет в себя, станет опаснее, чем прежде.

Всхлипнув, Робин метнулась к выходу. Толстые пальцы ухватили ее за лодыжку, едва не свалив с ног, но девушка отчаянным рывком высвободилась и нырнула в отверстие. Великан на четвереньках полз следом. Девушка всем телом навалилась на крышку люка, захлопнула ее и задвинула тяжелый засов. В тот же миг переборку сотряс мощный удар плечом. Трясущимися руками Робин лишь с третьей попытки навесила замок и заперла его, затем без сил опустилась на пол, топя в слезах пережитый ужас.

Немного успокоившись и собравшись с силами, она поднялась на ноги. Голова кружилась, грудь распирало странное, неведомое прежде свирепое ликование. Опасность миновала, ненавистный противник повержен! За торжество придется расплачиваться минутами раскаяния, но это будет позже, не сейчас.

Ключ от лазарета по-прежнему торчал в двери. Робин толкнула дверь и замерла на пороге кают-компаний. На смену пьянящей радости пришло острое ощущение опасности. Едва девушка осознала, что кто-то прикрутил фитиль, как ее ухватили за запястье и, вывернув руку, швырнули на пол.

– Попробуй только пошевелиться, шею сверну! – свирепо прошипел Мунго Сент-Джон.

Рука с бесполезной цепью оказалась прижатой к палубе, в поясницу с силой уперлось чужое колено. Робин вскрикнула от острой боли, пронзившей позвоночник. Капитан усмехнулся с мрачным удовлетворением.

– Типпу быстро выкурил тебя оттуда. Ну-ка, посмотрим, кто ты есть, прежде чем подвесить на решетке...

Он стянул берет с головы своей жертвы и удивленно хмыкнул, когда пышные волосы хлынули струящейся волной, блестя в свете лампы. Капитан убрал колено и грубо ухватил девушку за плечо, разворачивая лицом к себе. Рука высвободилась, и Робин изо всех сил хлестнула цепью, целя врагу в лицо. Он поднял руки, чтобы отвести удар, и она, скользнув как угорь, кинулась к двери. Сент-Джон оказался проворнее. Стальные пальцы сомкнулись на вороте фланелевой блузы, и тонкая материя лопнула по всей длине. Девушка мигом развернулась, замахнувшись цепью, но на этот раз капитан вовремя перехватил ее руку. Робин отчаянно лягнула его, ухитрившись сделать подсечку, и противники покатались по палубе, сплетаясь в клубок. Охваченная бешеной яростью, она шипела и царапалась, как кошка, стараясь добраться до глаз, острые ногти оставляли на шее капитана кровавые борозды. Рубашка обвисла рваными лохмотьями, темные курчавые волосы на мужской груди терлись о нежные обнаженные соски. В пылу борьбы девушка смутно осознала, что капитан в одних брюках. Ноздри наполнял острый запах мужского тела, которое наваливалось на нее всей тяжестью, сдерживая бешеные атаки.

Робин рванулась, пытаясь вцепиться зубами в красивое, пышущее жаром лицо, но Мунго схватил ее сзади за волосы и резко крутанул. Боль разлилась по всему телу и взорвалась внизу живота горячей судорогой, от которой перехватило дыхание.

Прижатая к полу девушка лежала неподвижно, чувствуя, как силы покидают ее. По телу разливалась истома. Робин удивленно вглядывалась в лицо капитана, словно никогда прежде его не видела: белоснежные зубы в свирепом оскале, свирепые желтые глаза, затуманенные тем же яростным безумием, что горело в ней самой. Последним слабым усилием она попыталась высвободиться ударом в пах, но Сент-Джон зажал ее колено между ног и приподнялся, рассматривая противника.

– Святая Мать Божия! – хрипло выдохнул он.

Жилы на его шее напряглись, глаза зажглись горячным блеском. Робин не сдвинулась с места, даже когда капитан отпустил ее волосы и медленно провел рукой по телу девушки, обхватив пальцами тугую грудь. Он убрал руку, но ощущение продолжало щекотать кожу, как крылья бабочки... Мужские пальцы настойчиво теребили застёжки брюк. Робин зажмурилась, отгоняя мысли о том, что случится дальше. Понимая, что изменить ничего нельзя, она застонала, испытывая странный мученический восторг.

Затуманенный взгляд капитана вдруг прояснился, хищное выражение лица сменилось растерянностью. Сент-Джон взглянул на распростертое на палубе белое тело, и в его желтых глазах мелькнул ужас.

– Прикройтесь! – хрипло выдавил он.

Робин вздрогнула, душу захлестнула ледяная волна разочарования, а за ней другая, столь же мощная, – стыда и сознания своей вины. Она неловко поднялась на колени, прижимая к телу клочья рубашки. Ее трясло, но не от холода.

– Не надо было драться, – снова заговорил капитан.

Он явно старался овладеть собой, но голос его дрожал так же, как у нее.

– Я вас ненавижу, – бездумно прошептала Робин, тут же осознав, что это правда.

Она ненавидела этого человека – за то, что он в ней разбудил, за свою слабость и свой позор... и за чувство потери, с которым он оставил ее.

– Лучше убил бы, – пробормотал Сент-Джон, отводя взгляд. – Надо было сказать Типпу.

Угроза не испугала ее. Робин, не вставая с колен, привела одежду в порядок.

– Убирайтесь! – почти выкрикнул он. – Идите к себе в каюту.

Она поднялась и медленно двинулась к трапу.

– Доктор Баллантайн! – окликнул капитан.

Робин оглянулась. Сент-Джон стоял у двери в лазарет с ключами в одной руке и железными наручниками в другой. – Не советую рассказывать брату о том, что вы обнаружили. – Голос капитана звучал ровно и холодно. – С ним я не стану церемониться... Через четверо суток придем в Кейптаун, а там – делайте, что хотите. Только до тех пор не раздражайте меня. Вам так больше не повезет.

Она смотрела на него, чувствуя себя маленькой и беспомощной.

– Спокойной ночи, доктор Баллантайн.

Робин спрятала брюки и рваную рубашку на дно сундука, смазала мазью ушибы и забралась в койку. В дверь каюты постучали.

– Кто там? – спросила она задыхаясь, не успев еще толком перевести дух после ночных переживаний.

– Сестренка, это я, – послышался голос Зуги. – Кто-то проломил Типпу голову, вся палуба в крови. Посмотри, пожалуйста.

В душе девушки вспыхнуло дикое первобытное торжество, которое трудно было подавить.

– Сейчас.

В кают-компании ждали трое: Зуга, второй помощник и Типпу. Капитан отсутствовал. Гигант сидел на табурете полуголый, в одной набедренной повязке, на шее и плечах блестели потеки черной запекшейся крови. Второй помощник прижимал к окровавленному черепу комок грязной ваты. Робин сняла импровизированный тампон с раны, и обильное кровотечение возобновилось.

– Бренди! – скомандовала доктор.

Будучи горячей поклонницей учения Дженнера и Листера, она ополоснула крепким напитком руки и инструменты, погрузила в кровавое месиво кончики пинцета и стала пережимать поврежденные сосуды. Типпу не шелохнулся, даже не изменился в лице... Робин по-прежнему ощущала в душе мстительное языческое ликование, никак не совместимое с клятвой Гиппократ.

– Надо промыть, – объявила она и поспешно, пока не вмешалась совесть, плеснула крепкого бренди в открытую рану.

Типпу продолжал сидеть неподвижно, как резной божок в индийском храме, будто не чувствовал жгучей боли.

Перетянув сосуды шелковой нитью, доктор выпустила ее концы наружу и принялась зашивать рану, туго стягивая края аккуратными стежками, так что на гладкой коже черепа вздувались острые бугорки.

– Когда сосуды зарастут, я вытяну нитку, – объяснила она. – Швы можно будет снять через неделю.

«Пациент настолько равнодушен к боли, что не стоит тратить на него запас опия», – решила Робин, которой все еще владели нехристианские чувства.

Типпу взглянул на нее, подняв круглую голову.

– Ты хороший доктор, – произнес он торжественно, и Робин получила урок, который усвоила на всю жизнь: чем сильнее слабительное, чем противнее лекарство, чем болезненнее операция, тем сильнее впечатление, которое производит врачебное искусство на африканского пациента.

– Да, – повторил Типпу, подкрепив слова значительным кивком, – ты чертовски хороший доктор.

Гигант протянул руку и раскрыл ладонь, в которой лежал скальпель, оставленный Робин в трюме «Гуруна». С бесстрастным выражением помощник сунул его в застывшую руку девушки и со сверхъестественным проворством выскользнул из кают-компания. Робин растерянно смотрела ему вслед.

«Гурон» мчался на юг – корабль легко взрезал бегущие валы Южной Атлантики и откидывал их в сторону, оставляя позади длинный пенящийся след. Теперь клипер сопровождали нарядные морские птицы с желтым горлом и черными ромбами вокруг глаз. Они появлялись с востока и парили за кормой, с резкими криками ныряя за обедками с камбуза. Иногда из воды высовывали усаые морды тюлени и с любопытством наблюдали, как величественный парусник рассекает острым носом волны. Сверкающая голубизна моря пестрела длинными извивающимися плетями морского бамбука, оторванного от береговых скал штормами, частыми в этих беспокойных водах. Все эти признаки указывали, что берег близко, прямо за восточным горизонтом, и Робин день за днем проводила долгие часы у левого борта, глядя вдаль в надежде хоть одним глазком увидеть землю, вдохнуть ветер, напоенный сухим пряным ароматом трав, угадать облака африканской пыли в великолепных закатах, полыхающих огнем и расплавленным золотом. Однако курс, выбранный капитаном Мунго Сент-Джоном для последнего перехода к Столовой бухте, не давал такой возможности.

Как только капитан появлялся на юте, Робин спешила вниз, стараясь не встречаться с ним взглядом, запиралась в каюте и скучала там одна. В конце концов брат заподозрил

неладное. Он много раз пытался выманить ее наружу, но Робин неизменно прогоняла его, не желая отпираться.

– Все в порядке, Зуга, мне просто хочется побыть одной.

Все попытки брата разделить одиночество ее бдений у борта Робин встречала сухо и резко, доводя его до бешенства и вынуждая уйти.

Робин не разговаривала с Зугой, боясь, что случайно проболтается про зловещее содержание трюма и тем самым навлечет на брата смертельную опасность. Она не сомневалась в его благородстве и храбрости, но была уверена, что Мунго Сент-Джон предупреждал ее всерьез. Чтобы защитить себя, он убьет Зугу своими руками – Робин видела, как капитан владеет пистолетом, – или подойдет среди ночи первого помощника. Нет, Зуге нельзя ничего говорить, пока корабль не прибудет в Кейптаун – или пока она не сделает то, что должна.

«Мне отмщение, и аз воздам, говорит Господь». Робин тщательно перечитала это место в Библии и вознесла молитву о ниспослании знака свыше, но желаемого так и не получила, оставшись в еще большем смятении и тревоге. Она стояла в молитве на голых досках палубы возле койки, пока не заболели колени, и постепенно ее долг стал ей ясен.

Три тысячи душ, проданных в рабство всего за один год – такое обвинение бросил Сент-Джону капитан британского военного флота. А сколько тысяч в прежние годы, а сколько в будущем, – если хозяину «Гуруна» позволят продолжать свои набеги, если никто не помешает ему разорять африканское побережье, ее родину, ее народ, тех, кого она поклялась лечить, защищать и приводить в лоно церкви? Ее отец, Фуллер Баллантайн, великий поборник свободы и непримиримый противник торговли людьми, называл работорговлю «гнилым нарывом на совести цивилизованного мира, который надо вырезать любой ценой». И она, дочь Фуллера Баллантайна, должна принести клятву перед лицом Господа.

Этот человек, этот зверь воплощал в себе ужасное зло и чудовищную жестокость гнусного промысла.

– Господи, укажи мне мой долг! – молилась Робин, не в силах между тем подавить стыд и чувство вины. Она помнила, как желтые глаза хищника шарили по ее полуобнаженному телу, как грубые руки трогали и ласкали ее, как он унизил ее еще больше, обнажив собственное тело.

Робин поспешно отогнала греховное видение – оно было слишком ясным, слишком неодолимым.

– Господи, дай мне силы, – прошептала она.

Стыд и вина терзали девушку, потому что взгляд и тело капитана вовсе не вызвали у нее отвращения и гнева, а, напротив, наполнили душу греховным восторгом. Этот человек ввел ее в искушение. Впервые за свои двадцать три года Робин столкнулась с настоящим грехом и проявила слабость. Вот почему Мунго Сент-Джон был достоин ненависти.

– Господи, направь меня! – произнесла Робин, разогнула затекшие колени и тяжело опустилась на койку, сжимая в руках Библию в потертом кожаном переплете. – Боже, подай знак своей верной рабе... – прошептала она, раскрыла книгу наугад и с зажмуренными глазами ткнула пальцем в страницу.

Открыв глаза, она вздрогнула от удивления, ибо никогда еще совет свыше, полученный ею с помощью этого маленького ритуала, не оказывался столь недвусмысленным. Книга Чисел, глава 35, стих 19: «Мститель за кровь сам может умертвить убийцу: лишь только встретит, сам может умертвить его».

Робин не питала никаких иллюзий по поводу тяжести задачи, поставленной перед ней прямым указанием свыше. Если бы роли поменялись, жертвой стала бы она сама. Время работало против нее, а Сент-Джон был столь же опасен, сколь и порочен. Точные измерения высоты солнца, которые произвел Зуга в полдень, указывали, что до Столовой бухты оста-

валось не более полутора сотен миль. Ветер дул ровно и сильно, и на рассвете следующего дня из моря покажется огромная гора с плоской вершиной. Времени на тщательное планирование не оставалось, действовать приходилось быстро и решительно.

В докторском саквояже нашлось бы с полдюжины полезных бутылочек, но нет, смерть от отравления – самая ужасная из всех. В больнице Сент-Мэтью Робин однажды видела человека, умиравшего от отравления стрихнином, и не могла забыть, как изогнулась в судороге его спина, так что тело стояло на макушке и пятках, как натянутый лук.

Нужен другой способ. У Зуги в каюте есть револьвер «кольт» – брат показывал, как им пользоваться, – а еще винтовка «шарпс»... но они принадлежат Зуге. Робин не хотела, чтобы брата вздернули на виселицу на парадном плацу перед фортом в Кейптауне. «Чем проще и бесхитростнее план, тем больше шансов на удачу», – подумала Робин и поняла, что нужно делать.

Вежливый стук в дверь заставил девушку вздрогнуть.

– Кто там?

– Доктор, это я, Джексон, – раздался голос стюарда. – Ужин накрыт в кают-компании. Робин и не заметила, что уже так поздно.

– Я не буду ужинать.

– Вам нужно поддерживать силы, мэм, – укоризненно произнес Джексон.

– Вы врач? – раздраженно спросила она, и за дверью послышались шаркающие удаляющиеся шаги.

Робин ничего не ела с самого завтрака, но совсем не чувствовала голода. Полежав в койке еще некоторое время, она собрала всю свою решимость, встала и выбрала старое платье из плотной темной шерсти – его не жалко, да и неброский цвет поможет затеряться в тени.

Девушка вышла из каюты и тихонько поднялась на верхнюю палубу. Там не было никого, кроме вахтенного рулевого на юте, – его обветренное загорелое лицо смутно виднелось в свете штурвального фонаря. Робин крадучись двинулась к световому люку кают-компания и заглянула внутрь.

Мунго Сент-Джон сидел во главе стола перед куском горячей солонины, от которой шел пар. Отрезая тонкие ломтики мяса, он смеялся какой-то шутке Зуги, сидевшего напротив. С одного взгляда было ясно: если не позовет вахтенный, капитан не двинется с места еще долго. Робин спустилась по трапу и прошла на корму мимо своей каюты. Дойдя до капитанских апартаментов, она тронула дверную ручку. Дверь, как и в прошлый раз, оказалась не запертой. Шкатулка палисандрового дерева все так же лежала в ящике письменного стола. Робин открыла крышку и взяла один пистолетов. Великолепное оружие! Инкрустация золотом на крапчатом стволе дамасской стали изображала охотничью сцену с лошадьми, охотниками и собаками.

Присев на край койки, Робин зажала пистолет между коленями дулом вверх, отвинтила крышку серебряной пороховницы и отмерила нужное количество тонкого пороха. Зуга не зря потратил часы на обучение сестры. Она вложила заряд в длинный изящный ствол, заткнула войлочным пыжом, выбрала в специальном отделении идеально круглый свинцовый шарик, обернула его в промасленный лоскут, чтобы подогнать к нарезному стволу, и загнала поверх порохового заряда. Опустив пистолет дулом вниз, к палубе, Робин поставила на место медный капсюль и со щелчком оттянула курок до отказа. Девушка положила заряженный пистолет рядом с собой на койке и занялась другим. Наконец все было готово, и оба пистолета покоились на краю стола, рукоятками к ней. Робин вышла на середину комнаты, задрала юбки и развязала шнурок. Панталоны упали на пол, повеяло холодом, обнаженные ягодицы покрылись гусиной кожей. Отпустив юбки, она подобрала панталоны, с усилием разорвала их до половины и отшвырнула в сторону, затем ухватила обеими руками за застежки кор-

сажа и раскрыла его почти до талии. Крючки и петли повисли на обрывках хлопчатобумажной ткани.

Робин взглянула в отполированное металлическое зеркало, висевшее на переборке возле двери. Зеленые глаза блестели, разгоряченные щеки пылали. В первый раз в жизни она подумала, что красива – нет, не то чтобы красива, но в ней чувствуется гордость, сила и ярость, как и положено мстительнице. Пускай перед смертью он увидит ее такой! Робин поправила прядь волос, выбившуюся из-под ленты, и вернулась на койку. Подняв тяжелые пистолеты, она прицелилась сначала из одного, потом из другого в сияющую медную ручку двери, положила оружие на колени и стала ждать.

Часы остались в каюте, и она не знала, сколько прошло времени. Закрытая дверь полностью заглушала голоса из кают-компания, но каждый раз при скрипе палубы или при грохоте корабельных снастей на ветру, девушка вздрагивала и хваталась за пистолеты.

Внезапно послышались шаги... Их невозможно спутать ни с чьими другими: словно леопард, мечущийся по клетке – быстро, легко и настороженно. Капитан прошел по палубе, прямо над головой, и казалось, что он тут, совсем рядом. Робин прислушалась к шагам от одного борта до другого. Она знала, что происходит, потому что не раз наблюдала за ним по вечерам: сначала Сент-Джон поговорит с рулевым, проверит курс, обозначенный мелом на грифельной доске, посмотрит на лаг, дрейфующий за кормой, а потом зажжет тонкую черную гаванскую сигару и примется расхаживать взад-вперед, заложив руки за спину, то и дело останавливаясь, глубоко вдыхая морской воздух и поглядывая на паруса, звезды и облака...

Шаги смолкли. Робин вся сжалась. Все! Сент-Джон остановился, выбросил за борт окурок сигары, проследил, как тот с шипением погас, коснувшись поверхности моря.

Еще есть время отступить, сбежать. Решимость Робин ослабела. Уйти немедленно, добраться до каюты! Она приподнялась, но ноги не слушались. Звук шагов изменился. Капитан спускался по трапу, отступать поздно.

Задышавшись, она рухнула на койку и подняла пистолеты. Стволы их ходили ходуном – у Робин тряслись руки. Отчаянным усилием она подавила дрожь. Дверь распахнулась, Мунго Сент-Джон, пригнувшись, ступил в каюту и замер на месте, заметив темную фигуру и два наведенных на него ствола.

– Пистолеты заряжены, курки взведены, – хрипло проговорила девушка. – Я не промахнусь.

– Вижу. – Капитан медленно выпрямился, почти касаясь головой до потолка.

– Закройте дверь, – скомандовала Робин.

Он захлопнул дверь ногой и сложил руки на груди. Губы искривились в издевательской усмешке. Тщательно приготовленная речь вылетела у Робин из головы.

– Вы... вы работороговец! – заикаясь, выпалила она. Сент-Джон иронически кивнул, продолжая улыбаться. – Я должна вас остановить!

– И как же вы собираетесь это сделать? – осведомился он с вежливым интересом.

– Я убью вас!

– Понимаю, – кивнул он, сверкнув в темноте белозубой улыбкой. – Только, к несчастью, вас за это повесят... если, конечно, команда еще до этого не разорвет вас на клочки.

– Вы на меня напали, – объяснила Робин, указывая взглядом на панталоны, лежащие на полу, и касаясь распахнутого корсажа рукояткой пистолета.

– Черт побери, да это изнасилование! – громко расхохотался он.

Робин покраснела.

– Я не шучу, капитан Сент-Джон! – сверкнула она глазами. – Вы продали тысячи человеческих душ в жестоую неволю!

Он медленно шагнул вперед, Робин в панике привстала с койки.

– Стойте! Предупреждаю, я...

Капитан сделал еще шаг. Она отчаянно вытянула руки с пистолетами, целясь в него.

– Я выстрелю!

С той же улыбкой, застывшей на губах, не сводя с лица девушки желтых, с искорками, глаз, Мунго продолжал не спеша приближаться.

– Мисс Баллантайн, мне не встречалось зеленых глаз, прекрасней ваших, – мечтательно произнес он. Пистолеты в руках Робин дрогнули. – Ну же, отдайте их мне, – добавил он мягко, взявшись одной рукой за оба золоченых ствола и поднимая их вверх, к потолку. Другая рука бережно разжала тонкие девичьи пальцы. – Вы же совсем не за этим пришли сюда.

Руки Робин обмякли. Капитан отнял пистолеты, спустил с боевого взвода и вернул в обитые бархатом гнезда палисандровой шкатулки. Сент-Джон поднял девушку на ноги. Улыбка на его губах уже не была насмешливой, а голос звучал ласково, почти нежно.

– Я рад, что вы пришли.

Робин попыталась отвернуться, но Мунго взял ее за подбородок и повернул к себе. Он наклонился к ней, приоткрыв губы, и их теплое влажное касание пронзило ее, как молнией. Губы капитана были чуть солоноваты и отдавали сигарным дымом. Робин изо всех сил сжимала рот, но под ласковым нажимом он раскрылся, и чужой язык проник внутрь. Пальцы Мунго гладили ей щеки, волосы на висках, легко касались закрытых век, и она невольно сама поднимала лицо навстречу. Даже когда он осторожно расстегнул последние оставшиеся крючки корсажа и спустил его с плеч, Робин не шелохнулась, лишь почувствовала, как слабеют ноги, и крепче прижалась к твердой мужской груди, ища опоры. Мунго выпустил ее губы, оставив их пустыми и остывающими, и она открыла глаза, с изумлением глядя на голову, склонившуюся к ее груди, и густые темные завитки у него на затылке. Теперь все должно закончиться – скорее, пока он не сделал то, что собирался, и во что она едва могла поверить.

Робин хотела протестовать, но из горла вырвался лишь слабый всхлип; она хотела схватить его голову и оттолкнуть, но пальцы вцепились в жесткие кудри, словно кошачьи когти в бархатную подушку, и лишь сильнее притянули голову к груди. Ее спина выгнулась, а груди напряглись, приподнявшись навстречу ласкам. Ощущение от его губ оказалось неожиданно сильным. Казалось, они высасывали ей душу через набухшие, ноющие соски. Робин старалась не стонать, помня, что в прошлый раз стон развеял чары... но не смогла, это было выше ее сил.

Из горла вырвался даже не стон, а приглушенный рыдающий вскрик. Ноги подкосились, и она опустилась на низкую койку, по-прежнему прижимая к груди голову мужчины. Мунго встал рядом на колени, не отрывая губ от девичьего тела. В ответ на прикосновение его руки она послушно выгнула спину, позволяя стянуть с себя пышные юбки. Юбки упали на пол. Сент-Джон резко поднялся, и она чуть не взвизгнула, моля его остаться, но он всего лишь подошел к двери и запер ее на ключ. Одежда, казалось, слетела с него, как горный туман с горных вершин, и Робин, приподнявшись на локте, без стеснения разглядывала его тело. Она в жизни не видела ничего столь прекрасного.

«Дьявол тоже прекрасен», – напомнил кто-то внутри, но голос был настолько слаб и далек, что Робин пропустила его мимо ушей. Да и поздно, слишком поздно было прислушиваться к предостережениям – Сент-Джон навис над ней.

Она ожидала боли, но не такого глубокого, разрывающего вторжения. Голова ее откинулась назад, из глаз хлынули слезы. Но даже сквозь жестокую боль не пробилось ни единой мысли отказаться, отвергнуть это мощное проникновение – Робин лишь сильнее прижалась к любовнику, обхватив его за шею. Казалось, он разделял ее страдания, потому что после

первого глубокого толчка застыл без движения, обнимая девушку и ожидая, пока схлынет боль. Его мышцы напряглись, словно готовы были разорваться.

Внезапно грудь отпустило, и Робин глубоко втянула в себя воздух. Боль изменилась, превращаясь в нечто неописуемое. Глубоко внутри вспыхнула и разгорелась искра тепла, и бедра, вбирая растущий жар, медленно сладострастно задвигались. Тело словно оторвалось от земли и стало подниматься ввысь в языках пламени, просвечивавших красными отсветами сквозь сомкнутые веки. Весь мир сосредоточился на твердом мужском теле, которое раскачивалось над ней и погружалось в нее. Жар переполнял ее, выносить его больше не было сил. В самый последний миг, когда Робин думала, что умрет, что-то взорвалось внутри, и она начала падать, медленно, как осенний лист, все ниже, ниже... пока наконец не опустилась на жесткую узкую койку в полутемной каюте огромного корабля, взрезающего бурные волны.

Открыв глаза, она увидела прямо перед собой лицо Мунго, который смотрел на нее с задумчивым, торжественным выражением. Она попыталась улыбнуться, но получилось жалко и неубедительно.

– Пожалуйста, не смотрите на меня так.

Ее голос звучал глубже, обычная хрипотца усилилась.

– Мне кажется, я вижу тебя впервые, – прошептал он, проводя кончиком пальца по ее губам. – Ты совсем не такая.

– Что значит – не такая?

– Не такая, как другие женщины.

От этих слов у нее кольнуло сердце. Мунго пошевелился, отстраняясь, и она крепче сжала объятия, в панике от мысли, что потеряет его.

– У нас только эта ночь, – сказала Робин. Он вопросительно приподнял бровь. – И не спорьте! – продолжала она с вызовом.

Губы его насмешливо скривились. Она почувствовала раздражение.

– Я ошибся, – с улыбкой произнес он. – Ты такая же, как все. Разговоры, вечно одни разговоры.

В наказание за эти слова Робин отпустила его, но тут же ощутила страшную пустоту и как результат новую вспышку ненависти.

– Вы безбожник! – воскликнула она.

– Как ни странно, – с иронией заметил Мунго, – большинство самых тяжких преступлений совершается с именем Божьим на устах.

Правота его слов погасила ее пыл. Робин с трудом приподнялась и села в койке.

– Вы работяга.

– У меня нет настроения спорить.

Однако ее уже было не остановить.

– Вы покупаете и продаете живых людей.

– Ну и что? – усмехнулся он, еще больше разозлив ее.

– Между нами лежит пропасть, которую не преодолеть.

– По-моему, мы ее только что преодолели?

Робин вспыхнула, краска залила шею и грудь.

– Я поклялась посвятить жизнь уничтожению того, что вы отстаиваете! – выпалила она ему в лицо.

– Ты слишком много болтаешь, женщина, – лениво протянул он и накрыл ее губы своими, не давая произнести ни слова, как она ни отбивалась. Ее сопротивление ослабло, и он легким толчком уложил Робин на койку и навалился сверху.

Утром она не нашла его рядом – только на подушке осталась вмятина. Робин прижалась лицом к месту, где сохранился запах его волос и кожи, но тепло тела уже рассеялось, и белье лишь холодило щеку.

На корабле царил переполох. Пробираясь по пустому коридору к себе в каюту, Робин слышала шум голосов с верхней палубы. Она очень боялась встретить кого-нибудь из команды, и тем более брата. Как объяснить эту прогулку на рассвете, да к тому же в рваной и мятой одежде?

Едва Робин с облегчением привалилась спиной к только что запертой двери, как раздался громкий стук – Зуга барабанил по двери снаружи.

– Робин, вставай! Одевайся скорее, земля на горизонте. Выходи наверх, посмотри!

Она поспешно окунула фланелевый лоскут в эмалированный кувшин с холодной морской водой и обтерлась. На салфетке остались следы крови.

– Следы греха, – сурово объявила Робин самой себе, но раскаиваться оказалось трудно. Она чувствовала себя великолепно и мечтала о сытном завтраке.

Легкой танцующей походкой она поднялась на верхнюю палубу. Ветер игриво развеивал ее юбки. Первым делом она нашла глазами Мунго, который стоял у наветренного борта в одной рубашке и брюках. На Робин обрушился целый ураган противоречивых мыслей и чувств, и главной была мысль о том, что таких безнравственных и легкомысленных красавчиков надо держать за решеткой как угрозу всему женскому роду.

Сент-Джон опустил подозрную трубу, оглянулся и слегка поклонился. Робин едва заметно кивнула, холодно и с достоинством. Навстречу спешил Зуга; радостный и возбужденный, он схватил сестру за руку и подвел к борту.

Над зеленовато-стальными волнами Атлантики возвышалось чудовищное серое нагромождение скал, изрезанное глубокими ущельями, из которых выплескивалась темная зелень. Робин не помнила гору такой огромной – она заполняла весь восточный горизонт и упиралась в небеса, скрываясь там под толстой шапкой белых облаков. Белоснежная масса беспрестанно клубилась, переваливалась через край, словно пена на закипающем молоке, выплескивалась на склоны и чудесным образом исчезала, позволяя разглядеть и четкие очертания, и все детали скалистой поверхности, которая казалась совсем близкой. Крошечные домики у подножия горы белели, как крылья чаек, кружившихся в воздухе над клипером.

– Сегодня пообедаем в Кейптауне, – прокричал Зуга, перекрывая шум ветра, и при мысли о еде у Робин рот наполнился слюной.

По распоряжению стюарда Джексона матросы растянули над палубой парусину для защиты от ветра и стол накрыли на свежем воздухе, на солнце. Завтрак получился праздничным. Сент-Джон приказал подать шампанское, и путешественники подняли бокалы с шипучим белым вином за благополучное завершение путешествия и удачную высадку. Затем капитан поднялся и объявил, что завтрак окончен.

– Вон там сквозь расщелину в горе прорывается ветер. – Он показал вперед, в устье бухты, где поверхность моря словно кипела. – Коварное место: шквал налетает внезапно, и немало кораблей потеряло здесь мачты. Придется убавить паруса.

Он подал знак Джексону уносить стол с остатками завтрака, с поклоном извинился и отправился на ют.

По его команде матросы убрали паруса с верхних рей, взяли рифы на гроте и поставили штормовой кливер. «Гурон» успешно встретил полосу шквалов и вошел в Столовую бухту, оставляя по левому борту остров Роббен. Когда корабль лег на новый галс, Робин поднялась наверх, к капитану.

– Мне нужно с вами поговорить, – объявила она.

Сент-Джон иронически приподнял бровь.

– Вы не могли подобрать лучшего времени... – Он обвел широким жестом бурлящее море и опасный берег.

– Другого случая не представится, – поспешила объяснить она. – Как только вы бросите якорь в Столовой бухте, мы с братом покинем корабль.

Насмешливая улыбка на губах капитана медленно растаяла.

– Ну, раз вы так решили, значит, нам нечего больше сказать друг другу.

– Я хочу, чтобы вы знали причину.

– Я-то знаю, – хмыкнул он, – но сомневаюсь, что знаете вы.

Робин впиалась в него взглядом, но Сент-Джон уже скомандовал поворот рулевому, а затем обратился к темному силуэту у подножия грота:

– Мистер Типпу, будьте добры взять еще один риф.

Повернувшись к Робин, Мунго задрал голову, вглядываясь в крохотные фигурки матросов на грот-рее.

– Скажите, – тихо спросил он, – вам приходилось видеть шестнадцать тысяч акров хлопковых коробочек, готовых к сбору? Вы видели, как кипы хлопка сплавляют на баржах вниз по реке на фабрики? – Она молча смотрела на него. – Я все это видел, доктор Баллантайн, и никто не посмеет утверждать, что с людьми, работающими на моих плантациях, обращаются как со скотом.

– Значит, вы хлопковый плантатор?

– Совершенно верно, а после этого плавания куплю еще и сахарную плантацию на Кубе. Половина груза пойдет в уплату за землю, а другая половина будет выращивать тростник.

– Вы гораздо хуже, чем я думала, – прошептала Робин, – вы не просто служите злу, вы сам дьявол!

– Ваша экспедиция отправляется в глубь континента... – Теперь капитан смотрел ей в лицо. – Когда вы туда доберетесь, если это вообще случится, вы увидите настоящие ужасы, такие жестокости, которые и не снились американским рабовладельцам. Людей косят войны, лихорадка, пожирают дикие звери – какая уж тут вера в небеса! По сравнению с тамошней дикостью бараки и хижины для рабов покажутся раем земным.

– И вы уверяете, что, отлавливая этих несчастных и заковывая их в цепи, вы оказываете им благодеяние?! – возмущенно воскликнула Робин.

– Вы бывали на плантациях в Луизиане? Нет, конечно. Ну так я приглашаю вас туда. Приезжайте как-нибудь ко мне в гости, в Баннерфилд, и сравните моих рабов с африканскими дикарями – или хотя бы с теми несчастными, что обитают в трущобах и работных домах вашего благопристойного зеленого острова.

Робин хорошо помнила безнадежно спившихся, потерявших человеческий облик бедняков из миссионерской больницы. Она не знала, что ответить.

Сент-Джон цинично улыбнулся:

– Если подумать, это не что иное, как насильственное обращение язычников. Я вывожу их из крошечной тьмы на пути Господа и цивилизации – фактически выполняю вашу миссию, хотя мои методы куда более эффективны.

Робин вздохнула:

– Вы неисправимы, сэр.

– Я мореплаватель и плантатор, а еще торговец рабами и их хозяин и готов отдать жизнь за свое право быть всем этим.

– И вы еще говорите о праве?! – воскликнула она.

– Да, о праве кошки на мышь, о праве сильного, доктор Баллантайн. Это закон природы.

– В таком случае могу лишь повторить, капитан Сент-Джон, что намерена покинуть ваш корабль при первой возможности.

– Что ж, очень жаль. – Свирепый взгляд желтых глаз немного смягчился. – Мне бы этого не хотелось.

– Я посвящу всю жизнь борьбе с вами и с такими, как вы.

– Какая женщина пропадет... – Он мрачно покачал головой. – Хотя, с другой стороны, ваше решение дает нам шанс увидеться снова. Надеюсь, так и случится.

– И еще одно, капитан Сент-Джон: я никогда не прощу вам прошлую ночь!

– А я, доктор Баллантайн, никогда ее не забуду.

Зуга Баллантайн осадил коня у обочины дороги на узком перешейке между отрогами Столовой горы и Сигнального холма. Он соскочил с седла, чтобы дать лошади отдохнуть после тяжелого подъема из города по крутому склону, и бросил поводья слуге-готтентоту, ехавшему рядом. Зуга слегка вспотел, в висках пульсировала тупая боль после вчерашней пирушки. Великолепное сладкое вино Констанции, одного из лучших виноградников в мире, вызывало похмелье не хуже, чем дешевый грог из портового кабака.

Они сошли на берег пять дней назад, и гостеприимство обитателей Капской колонии превзошло все ожидания. В гостинице на улице Бюйтенграхт пришлось ночевать лишь первую ночь, а наутро Зуга отправился с визитом к мистеру Картрайту, одному из самых солидных местных купцов. Рекомендательные письма от Лондонского миссионерского общества произвели должное впечатление, и путешественники получили в свое распоряжение бунгало для гостей, выстроенное в саду богатого особняка Картрайта на склоне горы над старым парком Ост-Индской компании.

С тех пор все вечера превратились в веселую круговорот званых ужинов и танцев. Будь на то согласие Робин и Зуги, дни проходили бы так же легкомысленно – с пикниками, морскими прогулками, рыбной ловлей, верховой ездой и долгими неспешными обедами на лужайке под раскидистыми дубами, так живо напоминавшими Англию. Однако Зуга старался избегать развлечений, чтобы успеть завершить подготовку экспедиции. Он наблюдал за выгрузкой снаряжения с «Гуруна», что само по себе оказалось задачей не из простых: ящики нужно было поднять из трюма, спустить на лихтеры и перевезти через опасную полосу прибой в Роггер-Бэй. Вдобавок понадобилось оборудовать временный склад для груза, в чем снова помог Картрайт. Зуга не раз поминал недобрым словом упрямство сестры, из-за которой на него свалилось столько работы. Вначале он долго упирался.

– Черт возьми, сестренка, даже отец, когда не было другого выхода, путешествовал с караваном арабских живодеров. В конце концов, если Сент-Джон в самом деле перевозит негров, мы могли хотя бы выведать, где он их берет и у кого, – в самый раз для отчета обществу.

Однако его доводы не возымели действия: Робин пригрозила написать в Лондон директорам общества да еще и поделиться сведениями с редактором «Кейп таймс». Зуга, сжав зубы, неохотно согласился.

Теперь он с тоской смотрел на «Гурон», который стоял вдали от берега, повернувшись навстречу резкому юго-восточному ветру. Даже с голыми мачтами красавец корабль, казалось, готов был взлететь. Через день-другой Сент-Джон снимется с якоря, а экспедиции придется ждать следующего корабля, который отправится к побережью арабской и португальской Африки.

Зуга передал рекомендательные письма из министерства адмиралу Капской эскадры королевского флота и заручился обещанием всяческого содействия. Тем не менее Баллантайн каждое утро часами осаждал морские агентства и судовладельцев в надежде поскорее отправиться в путь.

– Вот чертовка, – ворчал он, – из-за нее мы потеряем месяц, если не больше.

Время подпирало. Если не выбраться с зараженного лихорадкой побережья до сезона дождей, риск подхватить малярию станет смертельным.

Сверху донесся пушечный грохот, и над вершиной Сигнального холма поднялось белое облачко дыма. Дозорный пост предупреждал колонистов о приближении гостей. Зуга прикрыл глаза фуражкой и прищурился, вглядываясь в даль. Даже не будучи моряком, он опознал уродливый силуэт и торчащую дымовую трубу британского военного корабля, так упорно преследовавшего «Гурон». Неужели с тех пор прошло две недели? Как быстро летит время... Покачивая мачтами, канонерская лодка заворачивала в Столовую бухту навстречу ветру, за кормой тянулся тонкий черный шлейф дыма. «Гурон» стоял на якоре меньше чем в полумиле. Зуга покачал головой. Встреча враждующих капитанов сулила интересное развитие событий, но в целом он испытывал глубокое разочарование. Будь это торговое судно, оно могло бы подбросить экспедицию к восточному побережью, а так... Зуга резко отвернулся, принял у слуги поводья и стремительно вскочил в седло.

– Куда? – коротко спросил он.

Низкорослый желтокожий юноша в темно-фиолетовой ливрее – цвета Картрайтов – указал налево. Дорога разветвлялась, переваливая через драконий хребет Капского полуострова и спускаясь к океанскому побережью.

Они ехали еще два часа – последние минут двадцать по глубокой колее, выбитой колесами повозок, – прежде чем добрались до глубокой ложины, где в роще железных деревьев прятался просторный дом, крытый соломой. На склонах густо разрослась протeya, над цветущими ветками кустарника с криками вились длиннохвостые птички-нектарницы. Водопад, окутанный облаком брызг, срывался с гладкой скалы и падал в глубокий зеленоватый водоем, по которому курсировала флотилия уток.

Дом выглядел неухоженным: стены требовали побелки, а крыша местами обвисла, торча неопрятными клочьями. Под железным деревом стоял древний фургон без колеса, совсем источенный червями, неподалеку валялся ржавый кузнечный горн, в котором сидела на яйцах рыжая курица, с ветвей свисали полусгнившая сбруя и какие-то веревки.

Стоило Зуге спешиться, как с переднего крыльца с рычанием и лаем выскочило с полдюжины собак, от которых пришлось отбиваться с помощью пинков и охотничьего хлыста. Заливистый лай сменился испуганным визгом и подвыванием.

– Какого дьявола тебе надо? – Громоподобный бас перекрыл шум. – Ты кто?

Зуга еще раз вытянул хлыстом огромного риджбека со вставшей дыбом гривой, попав ему по морде. Пес с грозным рыком отскочил в сторону, свирепо оскалив клыки.

Человек, вышедший на веранду, держал в руках охотничью двустволку со взведенными курками. Он был такой высокий, что почти упирался головой в крышу, но худой как щепка, словно десять тысяч тропических солнц вытопили все мясо и жир на его костях.

– Имею ли я честь видеть мистера Томаса Харкнесса? – спросил Зуга, стараясь перекричать собак.

– Здесь вопросы задаю я! – заорал в ответ великан.

Его борода, белая, как гроззовые облака над вельдом, накрывала пряжку ремня. Того же оттенка волосы свисали на воротник кожаной куртки. Лицо и руки цвета жевательного табака усыпали мелкие пятна – результат многолетнего воздействия безжалостного африканского солнца. Черные глаза блестели, как капельки дегтя, но белки их потускнели и пожелтели от малярийной лихорадки.

– Как тебя звать, парень?

Голос у него был зычный и глубокий, и без бороды он легко сошел бы за пятидесятилетнего, но Зуга знал наверное, что хозяину стукнуло семьдесят три. Одна рука у него была вывернута и свисала под неестественным углом – лев прокусил плечо до кости, прежде чем

Харкнесс сумел вытащить из-за пояса нож и проткнуть зверю сердце. Это случилось сорок лет назад, и метка осталась навсегда.

– Баллантайн, сэр! – крикнул Зуга.

Старик пронзительно свистнул особым образом, псы тут же успокоились и сгрудились у его ног. Не опуская дробовика, он нахмурился, резкие черты собрались морщинами.

– Не Фуллера Баллантайна сынок?

– Так точно, сэр.

– Ну, тогда ты точно заслуживаешь хорошей порции дробы. Не подставляй задницу, когда снова полезешь на лошадь, а то ведь могу и не удержаться.

– Я проделал долгий путь, чтобы встретиться с вами, мистер Харкнесс. – Зуга не отступал, улыбаясь искренне и подкупающе. – Я ваш горячий поклонник, прочитал все, что о вас писали и что вы написали сами.

– Сомневаюсь, – проворчал Харкнесс, – мое они почти все сожгли. Слишком крепко оказалось для их нежных печенок.

Однако свирепый взгляд его несколько оттаял. Наклонив голову, старик прищурился, разглядывая незваного гостя.

– Зуб даю, такой же невежественный и заносчивый, как папаша... но хотя бы умеешь себя вести. – Он не спеша смерил Зугу взглядом. – Тоже поп небось?

– Нет, сэр, солдат.

– Какой полк?

– Тринадцатый Мадрасский пехотный.

– Звание?

– Майор.

С каждым ответом выражение лица хозяина все более смягчалось. Он взглянул молодому человеку в глаза:

– Трезвенник, как отец?

– Обижаете, сэр! Ни сном ни духом! – горячо воскликнул Зуга, и Харкнесс впервые улыбнулся, опустив ружье дулом в землю.

Задумчиво подергав длинную бороду, он решительно мотнул головой:

– Пошли.

Просторное центральное помещение занимало почти весь дом. Высокий потолок из сухого тростника сохранял прохладу, узкие окна едва пропускали свет. Пол был из утрамбованной глины, смешанной с персиковыми косточками и навозом, стены достигали трех футов в толщину.

Зуга застыл на пороге, с удивлением разглядывая коллекцию самых разных предметов, которые висели на стенах, стропилах, валялись горами на столах и стульях. Там были книги, тысячи книг, в матерчатых и кожаных переплетах, брошюры и журналы, атласы и энциклопедии. Всевозможное оружие: зулусские ассегай, щиты матабеле, луки бушменов с колчанами отравленных стрел, ну и, конечно, ружья – десятки ружей на стойках и просто прислоненных к стене. Охотничьи трофеи: великолепная шкура зебры, украшенная зигзагообразными полосами, бурая косматая львиная грива, изящные кривые рога черной антилопы, клыки гиппопотамов и бородавочников, желтые изогнутые слоновьи бивни толщиной с женское бедро и высотой в человеческий рост. Камни, груды камней, сверкающие и искрящиеся, щетки пурпурных и зеленых кристаллов, друзы с металлическими вкраплениями, самородная медь краснее золота, лохматые пряди асбеста... Все это было свалено как попало и покрыто пылью.

В комнате пахло сырыми шкурами, псиной, крепкой брагой и скипидаром. В углу стояло множество деревянных рам с натянутыми холстами, некоторые были установлены на мольбертах, с набросками углем или яркими масляными красками, а несколько готовых кар-

тин висело на стенах. Зуга подошел к ним и стал рассматривать, а старик тем временем достал пару стаканов, сдул с них пыль и протер полой рубашки.

– Ну и как мои львы? – спросил он, когда гость остановился у огромного полотна под названием «Охота на льва у реки Гарьеп, февраль 1846 года».

Зуга почел за лучшее ограничиться одобрительным мычанием. Он и сам пробовал рисовать, хоть и по-дилетантски, однако полагал, что долг живописца состоит прежде всего в точном воспроизведении натуры, меж тем как здесь все дышало безудержным, чуть ли не детским примитивизмом. Пестрые пронзительные краски не претендовали на реализм, о перспективе не было и речи. Фигура всадника с развевающейся бородой на заднем плане возвышалась над львиным прайдом, изображенным спереди. Зуга уже знал, что все не так просто. Картрайт, к примеру, заплатил за один из причудливых пейзажей Харкнесса целых десять гиней. Художнику каким-то образом удалось войти в моду среди местной элиты.

– Говорят, мои львы больше смахивают на английских овчарок, – фыркнул Харкнесс. – А вы что думаете, Баллантайн?

– Ну, пожалуй... – начал Зуга, но, вовремя заметив злобную гримасу старика, быстро поправился: – Разве что на самых свирепых овчарок.

Харкнесс громко расхохотался.

– Ей-богу, из тебя выйдет толк!

Продолжая посмеиваться, он разлил по стаканам «Кейп смоук», бренди местного производства – темно-коричневое пойло устрашающей крепости, – и протянул стакан гостю.

– Люблю тех, кто говорит то, что думает. К дьяволу всех лицемеров! – Он поднял стакан. – Особенно лицемерных попов, которым в душе насрать и на Бога, и на истину, и на своих товарищей.

Майор смутно подозревал, кто имеется в виду, но не подал виду.

– К дьяволу! – согласился он и выпучил глаза, с усилием проглотив огненный напиток. – Х-хорошо.

Харкнесс, крикнув, вытер большим пальцем серебристые усы.

– Ну так чем обязан?

– Я хочу найти отца и подумал, что вы подскажете, где искать.

– Найти? – прогремел старик. – Да нам всем Бога благодарить надо, что он сгинул, и ежедневно молиться, чтобы там и оставался!

– Понимаю ваши чувства, сэр, – кивнул Зуга. – Я читал книгу об экспедиции на Замбези.

В той злополучной аванюре Харкнесс сопровождал Фуллера Баллантайна в качестве помощника, управляющего и художника. С самого начала путешествие оказалось омрачено склоками, в результате чего Фуллер уволил Харкнесса якобы за кражу припасов и продажу их на сторону, а также обвинил его в неумении рисовать, в манкировании своими обязанностями ради охоты за слоновой костью и полном незнании местности, маршрута и обычаев местных племен. Все это он в красках изложил в отчете об экспедиции, фактически перекладывая вину за ее провал на искалеченные плечи Харкнесса.

Одно упоминание о скандальной книге заставило побагроветь обожженное солнцем лицо старика. Белоснежные бакенбарды яростно задергались.

– Я в первый раз переправился через Лимпопо в тот год, когда Фуллер Баллантайн еще только родился! К озеру Нгами он шел по моей карте... – Осекшись, Харкнесс махнул рукой: – С тем же успехом можно доказывать что-то бабуинам, которые твякают на холмах. – Он посмотрел Зуге в глаза: – Что ты вообще знаешь об отце? Ты часто видел его с тех пор, как он отправил вас в Англию? Разговаривал с ним?

– Он приезжал один раз...

– И сколько пробыл с вами?

– Несколько месяцев... но он большей частью творил в кабинете дяди Уильяма или ездил с лекциями в Лондон, Оксфорд, Бирмингем...

– Однако успел внушить тебе горячую сыновнюю любовь и чувство долга. Ты перед ним благоговеешь.

Зуга покачал головой:

– Я его ненавижу. Еле дождался, пока он уедет.

Харкнесс молча поднял брови. Майор опрокинул в рот последние капли из стакана и продолжал:

– Я никому раньше не говорил. – Казалось, он сам удивлялся своей внезапной искренности. – Даже себе не признавался... и все же ненавидел – за то, что он сделал с нами, со мной и с сестрой, но особенно с матерью.

Харкнесс взял у него из рук стакан, наполнил и вернул. Потом тихо заговорил:

– Я тоже скажу тебе кое-что, о чем раньше помалкивал. Я повстречал твою мать в Курумане – Боже мой, как давно это было! – ей едва исполнилось семнадцать, а мне сорок. Такая хорошенькая... скромная, и в то же время полная жизни, какой-то особенной радости. Я сделал ей предложение – единственной женщине за всю свою жизнь... – Он прервался и отвернулся к картине со львами. – Проклятые овчарки!.. Так зачем ты ищешь отца? Зачем приехал в Африку?

– Причины две, – ответил Зуга, – и обе веские. Я хочу сделать себе имя и сколотить состояние.

Харкнесс резко повернулся к собеседнику:

– Черт возьми, ты и впрямь умеешь брать быка за рога. – В голосе старика прозвучало уважение. – Какими же средствами ты собираешься достичь столь благородных целей?

Зуга вкратце объяснил, упомянув о поддержке со стороны газеты и Общества борьбы с работорговлей.

– Ну что ж, тут найдется чем поживиться, – заметил Харкнесс. – Этот промысел все еще процветает на побережье, что бы ни говорили там в Лондоне.

– Кроме того, я представляю интересы Лондонской Богоугодной компании по торговле с Африкой, – продолжал майор, – но располагаю также и собственными товарами для продажи и пятью тысячами патронов к «шарпсу».

Харкнесс пересек полутемную комнату и остановился у дальней стены, где стоял гигантский слоновий бивень. Старый и источенный, он почти не сужался к концу, затупившемуся от долгого употребления. Лишь примерно треть его у основания, где бивень был погружен в челюсть, сохранила гладкость и желтый маслянистый цвет, остальная поверхность за шестьдесят лет битв и добывания пищи потемнела от растительных соков и покрылась глубокими шрамами.

– Он весит сто шестьдесят фунтов, а лондонская цена – шесть шиллингов за фунт. – Харкнесс хлопнул ладонью по бивню. – Такие здоровенные самцы еще попадаются, их там тысячи бродят. Только послушай бывалого охотника: забудь свои «шарпсы» и возьми слоновое ружье десятого калибра. Оно стреляет пулей в четверть фунта, и хотя брыкается как сам дьявол, бьет лучше, чем все эти новомодные штучки. – Морщины старика разгладились, в темных глазах загорелся огонь. – И еще совет: подходи ближе, самое большее на сорок шагов, и целйся в сердце. Забудь болтовню про мозг, только в сердце... – Прервав свою речь, он горестно покачал головой: – Бог мой, как же хочется вернуть молодость!

Харкнесс пристально взглянул на молодого человека. Внезапная мысль молнией поразила его, и он чуть было не высказал ее вслух: «Дай мне Хелен другой ответ, ты был бы моим сыном». Однако, сдержавшись, старик спросил:

– Чем тебе помочь?

– Подскажите, где искать Фуллера Баллантайна.

Старый охотник широко развел руками:

– Эта земля огромна. Чтобы пройти ее всю, не хватит целой жизни.

– Поэтому я и пришел к вам.

Длинный стол из желтой капской сосны тянулся через всю комнату. Харкнесс локтем расчистил место среди книг, бумаг и баночек с краской.

– Принеси стул, – велел он и, когда Зуга сел напротив, снова наполнил стаканы. – Куда же делся Фуллер Баллантайн? – задумчиво произнес Харкнесс, накручивая на палец длинную серебристую прядь из бороды. Палец был длинным и костлявым, с уродливыми шрамами в том месте, где спусковая скоба перегретого или избыточно заряженного ружья при отдаче сдирала кожу до кости. – Куда пошел Фуллер Баллантайн?

Зуга молчал, понимая, что вопрос риторический.

– После экспедиции на Замбези, – продолжал старый охотник, – удача от него отвернулась, репутация почти погибла, а такой человек, как Фуллер, перенести этого не мог. Он всю жизнь только и делал, что гонялся за славой. Ни риск, ни жертвы – его собственные или чужие – не имели значения. Ради славы он готов был на все – на ложь, на кражу, на убийство.

Зуга резко вскинулся, сверкнув глазами.

– Да, на убийство, – кивнул Харкнесс. – Он убил бы любого, кто осмелился встать у него на пути. Я хорошо его знал, но это совсем другая история. Сейчас надо понять, куда он направился.

Старик отыскал на захламленном столе свиток пергаментной бумаги, осмотрел и, одобритительно буркнув, развернул. Это была начерченная тушью карта Центральной Африки от восточного до западного побережья – от Лимпопо на юге до озерного края на севере. Поля были испещрены фигурками и изображениями животных в неповторимом стиле автора.

В тот же миг Зуга возжелал эту карту всей душой. На самом деле, все, в чем Харкнесс обвинял его отца, он ощущал и в своем сердце. Он заполучит свиток любой ценой, даже если придется украсть или, упаси Боже, убить. Карта должна принадлежать ему.

Она была очень большая, не менее чем в пять квадратных футов, и нарисована от руки на лучшей бумаге, наклеенной на ткань. Уникальная карта – необычайно подробная, с обильными, но сжатыми пометками, сделанными очевидцем и написанными мельчайшим изящным почерком, который легко читался лишь с увеличительным стеклом.

«Здесь с июня по сентябрь собираются большие стада слонов».

«Здесь в древних выработках я нашел золотую жилу, содержание – две унции на тонну».

«Здесь народ гуту производит чистую медь».

«Отсюда в июне отправляются невольничьи караваны к побережью».

Сотни таких пометок располагались в аккуратно пронумерованных рамках с указанием точного местоположения на карте.

С лукавой усмешкой взглянув на восторженное лицо майора, Харкнесс протянул ему увеличительное стекло. Присмотревшись, Зуга выяснил, что области, окрашенные розовым, обозначают безопасные «коридоры» на высоких африканских плато, по которым можно перегонять домашних животных без риска укусов мухи цеце. Ужасная сонная болезнь, переносимая мухами, может уничтожить стадо. Африканские племена накопили эти знания за сотни лет, и Томас Харкнесс тщательно записал. Ценность таких сведений была огромна.

«Здесь пограничная стража короля Мзиликази убивает всех чужестранцев».

«Здесь с мая по октябрь нет воды».

«Здесь малярийные испарения с октября по декабрь».

Самые опасные области были особо отмечены, так же как известные пути в глубь материка, которых, впрочем, было немного. Зуга нашел на карте города и военные гарнизоны африканских царей с указанием сфер влияния каждого и имен подчиненных им вождей.

«Здесь для охоты на слонов нужно получить разрешение вождя Мафа. Он вероломен».

Харкнесс почти с нежностью наблюдал, как молодой человек сосредоточенно изучает бесценный документ. Воспоминание, как тень, мелькнуло перед глазами старика, он кивнул и прервал молчание.

– Фуллер наверняка попытался бы как можно скорее восстановить свою репутацию, – размышлял он вслух. – Этого требовало его чудовищное самолюбие. Что приходит в голову прежде всего... Вот!

Он накрыл ладонью обширное пространство к северо-западу от четких контуров озера Малави. Здесь обильные и уверенные пометки сменялись скудными догадками, основанными на слухах и туземных преданиях. То там, то тут стояли знаки вопроса.

«Оманский шейх Ассаб сообщает, что река Луалаба течет на северо-запад. Возможно, впадает в озеро Танганьика». Линия реки обозначена пунктиром. «Пемба, вождь мараканов, сообщает, что в двадцати пяти днях пути от Хото-Хота лежит огромное озеро, похожее очертаниями на бабочку. Называется Ломани. Источник Луапумы?» Схематические контуры озера. «Вопрос: соединяется ли озеро Танганьика с озером Альберт? Вопрос: соединяется ли озеро Танганьика с озером Ломани? Если да, то Ломани – основной исток Нила».

Харкнесс ткнул корявым пальцем в вопросительные знаки.

– Вот, – повторил он. – Река Нил. Фуллер часто о ней вспоминал, и всегда с одним и тем же припевом: «Разумеется, слава не имеет для меня никакого значения...» – Он с усмешкой покачал седой головой. – Слава была для него как воздух. Да, слава первооткрывателя истоков Нила – это бы завело его далеко!

Блестящие черные глаза старика долго не отрывались от «белых пятен» на карте. Наконец он встряхнул пышной шевелюрой, словно отгоняя видения.

– Есть только один подвиг, который привлек бы столько же внимания и поднял репутацию Фуллера до недостижимых высот. – Харкнесс двинул палец на юг, накрыл ладонью еще один обширный пробел в переплетении гор и рек и тихо произнес: – Где-то здесь лежит запретное царство Момотапа.

Название звучало жутковато. Момотапа. От этих звуков по спине бежали мурашки.

– Слышал о таком? – спросил Харкнесс.

– Да, – кивнул Зуга. – Говорят, это библейский Офир, где добывала свое золото царица Савская. Вы там бывали?

Харкнесс покачал головой.

– Дважды пытался, – пожал он плечами. – Там не бывал ни один белый человек. Так далеко на восток не забирались даже импи, боевые отряды короля Мзиликази. Португальцы впервые попробовали в 1569 году. Экспедиция сгинула, в живых не осталось никого. – Харкнесс презрительно фыркнул. – Так с тех пор и не рыпаются – чего еще ожидать от португальцев! Двести лет не вылезают из сералей в Тете и Келимане и плодят полукровок. Им вполне хватает рабов и слоновой кости из внутренних районов.

– Легенды о Момотапе рассказывают до сих пор, – заметил Зуга. – Я сам слышал от отца. Золото и огромные города за высокими стенами.

Старый охотник вскочил из-за стола, словно был вдвое моложе, и подошел к окованному железом сундуку, стоявшему у стены. Сундук не был заперт, но тяжелую крышку пришлось поднимать двумя руками. Достав увесистый с виду мешочек из мягкой дубленой кожи, Харкнесс развязал шнурок и вывалил содержимое на стол.

Желтый металл глубоким мерцающим блеском тысячелетиями сводил с ума человечество. Зуга поддался искушению потрогать гладкую прохладную поверхность тяжелых круглых бусин размером с ноготь, нанизанных в ожерелье на нитку из звериных жил.

– Пятьдесят восемь унций, – сообщил Харкнесс, – и металл необычайной чистоты, я пробу делал.

Он надел ожерелье через голову и уложил поверх белоснежной бороды. Только теперь Зуга заметил, что к ожерелью подвешено что-то еще.

Подвеска изображала птицу – стилизованного сокола со сложенными крыльями, сидящего на круглом постаменте с узором из треугольников наподобие акульих зубов. Фигурка была величиной с большой палец. Столетиями касаясь человеческого тела, золото отполировалось так, что некоторые детали стерлись. Прозрачные зеленые камни служили глазами птицы.

– Подарок Мзиликази, – объяснил Харкнесс. – Король не видит особой пользы ни в золоте, ни в изумрудах... Да, – кивнул он, – это изумруды. Один из воинов Мзиликази убил в Выжженных землях старуху. У нее на теле и нашли этот кожаный мешочек.

– А где это – Выжженные земли? – спросил Зуга.

– Извини, забыл объяснить. – Харкнесс повертел в руках золотую птицу. – Импи короля Мзиликази опустошили земли вдоль границ, кое-где на глубину ста миль, а то и дальше. Они истребили всех жителей и устроили что-то вроде буферной полосы для защиты от вторжений – в первую очередь от вооруженных буров на юге, но и от других захватчиков тоже. Мзиликази зовет эту полосу Выжженными землями, и именно в них, к востоку от королевства, и убили ту одинокую старуху. Воины рассказывали, что она была очень странная, непохожая ни на одно известное племя, и говорила на непонятном языке.

Старик снял ожерелье и небрежно опустил в мешочек. Зугу пронзило острое чувство потери. Ему захотелось снова ощутить в руке тяжесть и маслянистую гладкость металла. Старик спокойно продолжал:

– Ну конечно, все слышали легенды о золоте и городах со стенами. Но это единственное, что свидетельствует в их пользу.

– Отец знал об ожерелье?

Харкнесс кивнул.

– Фуллер хотел купить его, предлагал вдвое больше, чем стоит золото.

Оба надолго замолчали, погрузившись каждый в свои мысли.

Зуга спросил:

– Каким путем отец пошел бы в Мономотапу?

– Ни с юга, ни с запада. Мзиликази, король матабеле, никого не пропускает через Выжженные земли; вдобавок у него какие-то глубокие суеверия насчет своих восточных окраин – сам туда не суется и другим не позволяет. – Харкнесс покачал головой. – Думаю, Фуллер попытался бы подойти как раз оттуда, от португальского побережья. – Старик провел пальцем по карте. – Здесь высокие горы. Я их видел издали, перейти будет трудно...

За окнами стемнело. Харкнесс прервал объяснения и устало выпрямился.

– Прикажи слуге расседлать лошадей и отвести в конюшню. Возвращаться уже поздно, заночуешь у меня.

Когда Зуга вернулся, слуга-малаец задернул шторы, зажег лампы и разложил по тарелкам огненное карри из курицы и желтый рис. Харкнесс открыл новую бутылку капского бренди. Поев, мужчины отодвинули эмалированные оловянные тарелки и вернулись к карте. Час проходил за часом, но ни тот ни другой не замечал хода времени. Уютный свет лампы и выпитое бренди подогревали азарт. Хозяин то и дело вставал, чтобы подкрепить свой рассказ очередным трофеем. Он протянул Зуге кристалл кварца с четкими прожилками самородного золота.

– Если золото видно, значит, месторождение богатое.

Зуга понимающе кивнул.

– А почему вы сами не занялись разработкой жил?

– Мне ни разу не удавалось надолго задержаться на одном месте, – грустно усмехнулся старик. – Всегда была река, через которую хотелось переправиться, горная цепь или озеро,

которых надо было достичь, или я преследовал стадо слонов. Не было времени рыть шахту, строить дом, растить стадо.

Первые лучи утренней зари уже сочились сквозь занавески.

Зуга воскликнул:

– Пойдемте со мной! Пойдемте искать Мономотапу!

Харкнесс рассмеялся:

– Я думал, ты собираешься искать отца.

– Да как угодно, – засмеялся в ответ Зуга. Он чувствовал себя как дома, словно знал старика всю жизнь. – Представьте лицо отца, когда он увидит, что вы пришли его спасать!

– Оно того стоит, – признал Харкнесс.

Веселье на его лице растаяло, сменившись таким глубоким сожалением, такой печалью, что Зуга ощутил непреодолимое желание протянуть руку и погладить изуродованное плечо. Харкнесс отстранился. Он слишком долго жил один и не привык, чтобы кто-то его утешал.

– Пойдемте, – повторил майор.

– Я уже отпутешествовал свое, – глухо проговорил старый охотник. – Остались только кисти, краски да воспоминания.

Он обвел взглядом ряды холстов, брызжущих светом и радостью.

– Вы еще полны сил и жизни, – настаивал Зуга. – Вы столько знаете...

– Хватит! – с горечью оборвал его старик. – Я устал, а тебе пора. Давай, убирайся.

Лицо Зуги вспыхнуло гневом, он вскочил на ноги и несколько мгновений стоял, глядя на старика.

– Уходи! – повторил Харкнесс.

Молодой человек коротко кивнул:

– Отлично.

Он опустил взгляд на карту. Ее надо заполучить любой ценой... Впрочем, Харкнесс не согласится ни на какую цену. Нужно что-то придумать, обязательно.

Зуга повернулся и прошагал к парадной двери. Собаки, спавшие на полу, вскочили и ринулись следом.

– Гарньет! – сердито крикнул он. – Седлай коней!

Он стоял в дверях не оборачиваясь, заложив руки за спину и нетерпеливо покачиваясь. Тощая фигура старика, ссутулившись, застыла у стола в свете лампы.

Слуга привел лошадь. Зуга отрывисто бросил через плечо:

– Будьте здоровы, мистер Харкнесс.

В ответ раздался дребезжащий старческий голос, который трудно было узнать:

– Приходи еще. Нам есть что обсудить. Возвращайся – через два дня.

Зуга вздохнул, расслабив напряженную позу. Он было обернулся, но старик лишь раздраженно махнул рукой. Майор лихо сбежал по лестнице, вскочил в седло и пустил коня в галоп по узкой разбитой колее.

Давно стих стук копыт, а Харкнесс все еще сидел за столом. Как ни странно, во время беседы боль почти не чувствовалась, отступив на самое дно сознания. Он снова ощутил себя молодым и здоровым, будто питаясь энергией собеседника. Но стоило мальчишке позвать его с собой, боль нахлынула с новой силой, словно желая утвердить свою власть. Гиена, которая поселилась в животе, росла с каждым днем, набирая силу и пожирая внутренности. Закрыв глаза, он представлял ее такой, какой видел тысячи раз в отблеске лагерных костров, – там, в чудесной стране, закрытой теперь навсегда. Чудовище прочно обосновалось внутри, его зловонное дыхание стояло в горле. Боль по-звериному жадно вонзила клыки в его нутро. Из груди вырвался стон.

Пинком отшвырнув стул, Харкнесс выхватил из шкафа заветную бутылочку и отхлебнул прозрачную, едко пахнущую жидкость прямо из горлышка. Доза слишком велика, это он понимал, но чтобы обуздать гиену, с каждым днем требовалось все больше, а облегчение приходило все позже. Старик прислонился к углу шкафа, утирая со лба холодный пот.

– Пожалуйста, – прошептал он, – пожалуйста, пусть это поскорее закончится.

Утром Баллантайн вернулся в поместье Картрайта, где его ждало с полдюжины записок и приглашений. Одно из них, написанное на официальном бланке адмиралтейства, особенно обрадовало майора, так как содержало вежливое требование явиться к почтенному Эрнесту Кемпу, контр-адмиралу Королевского военно-морского флота, командующему Капской эскадрой.

Зуга побрился и переоделся, выбрав для такого случая лучший сюртук, хотя дорога предстояла неблизкая и пыльная. Он чувствовал себя бодрым и полным сил, хоть и не спал всю ночь.

Секретарь продержал его в приемной всего несколько минут и проводил в кабинет. Адмирал Кемп вышел из-за стола и дружески приветствовал посетителя: молодой человек имел высочайшие рекомендации, а имя его отца до сих пор вызывало в Африке уважение.

– У меня есть новости, которые, надеюсь, порадуют вас, майор Баллантайн. Но сначала, может быть, бокал мадеры?

Пока адмирал разливал вино, Зуга с трудом сдерживал нетерпение. Кабинет был обставлен роскошно и по моде: обитая бархатом мебель, обилие изящных вещей, статуэток и безделушек, чучела тропических птиц в стеклянных витринах, керамические жардиньерки с цветами, семейные портреты в пышных рамах и любимые Зугой пейзажи.

Адмирал был высок, но сутулился, словно стараясь втиснуть рослое тело в узкое пространство между палубами на кораблях ее величества. Охрана жизненно важного для империи пути в Индию и на Восток – ответственная обязанность, для которой адмирал казался староват, хотя дряхлый вид его имел причиной скорее плохое здоровье, чем почтенный возраст. Под глазами темнели мешки, вокруг рта собрались морщины, на руке, протянувшей Зуге бокал мадеры, вздулись синие вены.

– Ваше здоровье, майор Баллантайн, – произнес адмирал и, пригубив вина, продолжал: – Кажется, для вас найдутся места. Вчера в Столовой бухте бросил якорь корабль моей эскадры, и как только он пополнит запасы угля и продовольствия, я направлю его с заданием в Мозамбикский пролив.

Из бесед с директорами Общества борьбы с работорговлей Зуга знал, что один из пунктов постоянно действующей адмиральской инструкции гласил: «Располагать корабли эскадры таким образом, чтобы наиболее успешно препятствовать судам любой христианской страны осуществлять работорговлю на побережье африканского континента к югу от экватора».

Очевидно, Кемп намеревался прочесать море вдоль восточного побережья. Зуга вспыхнул от радости, и адмирал добродушно продолжил:

– Ему не придется сильно менять курс, чтобы зайти в Келимане и высадить вашу экспедицию.

– Моя благодарность не имеет границ, господин адмирал. – Зуга светился от радости, и адмирал Кемп улыбнулся в ответ.

Молодой человек был ему симпатичен. Вежливый и подтянутый, он, безусловно, заслуживал поощрения, однако командующего ждали и другие дела. Адмирал достал золотые карманные часы, подчеркнуто взглянул на них и проговорил:

– Будьте готовы к отплытию через пять дней. – Убрав часы в карман форменного кителя, он добавил: – Надеюсь видеть вас у себя в пятницу. Мой секретарь послал вам приглашение. Надеюсь, ваша сестра окажет нам честь?

– Несомненно, сэр. – Майор вскочил и поклонился, понимая, что аудиенция окончена. – И я, и моя сестра будем счастливы.

На самом деле Робин придерживалась другого мнения.

– Я не хочу терять вечер, Зуга. У меня нет желания тратить время на подвыпивших моряков и слушать, как их жены треплют языками.

Кейптаунским кумушкам не терпелось увидеть скандально известную Робин Баллантайн, которая выдала себя за мужчину и проникла в исконно мужскую цитадель. Половина из них с удовольствием перемывала нахалке косточки, другая половина благоговела и восхищалась. Тем не менее Зуга считал, что возможность добраться до Келимане того стоит.

– Вот и отлично. Благодарю за визит, – кивнул адмирал Кемп и добавил: – Да, кстати, Баллантайн. Корабль называется «Черная шутка», им командует капитан Кодрингтон. Мой секретарь даст вам для него письмо. Вам стоит познакомиться и уточнить дату отплытия.

Услышав имя, Зуга чуть не споткнулся. Путешествие на этом корабле грозило осложнениями.

Майор нюхом чуял любые препятствия, грозящие экспедиции, и вспыльчивый, почти фанатичный, характер Кодрингтона настораживал его. Он не мог позволить хоть в чем-то запятнать свой авторитет руководителя, а Кодрингтон видел его на судне у капитана, подозреваемого в работорговле. Как поведет себя Кодрингтон?

Что делать: принять предложение, рискуя столкнуться с обвинениями, или долгие месяцы ждать в Кейптауне другого судна? Сухой прохладный период между муссонами закончится, и экспедиции придется двигаться через зараженные лихорадкой болотистые низменности в самый опасный сезон.

Зуга сжал зубы.

– Благодарю, господин адмирал. Я без промедления нанесу визит капитану Кодрингтону.

Томас Харкнесс просил приехать через два дня, но карта значила очень много, даже больше, чем скорейший отъезд в Келимане. Зуга послал в гавань Гарньета, слугу Картрайта, дал ему запечатанный конверт, адресованный капитану Кодрингтону, и велел лично доставить его на «Черную шутку». В письме содержалось составленное в самых вежливых выражениях уведомление о том, что майор Баллантайн с сестрой на следующее утро нанесут визит капитану. Робин явно умела производить на мужчин впечатление, совершенно несоизмеримое с ее красотой – даже адмирал Кемп не избежал таинственных чар, – и Зуга рассчитывал этим воспользоваться, чтобы смягчить возможный гнев Кодрингтона. Однако впереди ждали еще более важные дела.

Оседлав рослого гнедого мерина из конюшни Картрайта, майор двинулся по усыпанной гравием дорожке между дубами, как вдруг ему пришла в голову новая мысль. Он развернулся и поскакал к бунгало для гостей. В сундуке лежал офицерский «кольт», заряженный и готовый к бою. Держа его под поллой сюртука, Зуга вернулся, незаметно сунул револьвер в седельную сумку и вскочил на лошадь.

Он знал, что обязан любой ценой заполучить карту Харкнесса, но боялся думать, какой может оказаться эта цена. Дав скакуну несколько минут передохнуть на перевале, Зуга хлестнул его и понесся вниз по склону.

Дух запустения, витавший над домом с камышовой крышей в роще железных деревьев, казалось, стал еще гуще. Жилище выглядело заброшенным, безмолвным и мрачным.

Зуга спешился, перекинул поводья через ветку дерева и нагнулся, чтобы ослабить подпругу. Украдкой расстегнув пряжку седельной сумки, он сунул «кольт» за пояс и одернул сюртук.

Огромный гривастый риджбек поднялся из тени у веранды и вышел навстречу Зуге. Пес не выказывал никаких признаков былой ярости, скорее, наоборот, выглядел подавленным, его хвост и уши поникли. Риджбек узнал гостя и тихо заскулил.

Майор поднялся на веранду и постучался. Удары эхом разнеслись по дому. Пес, наклонив голову, с надеждой смотрел на дверь, но в старом доме вновь воцарилась тишина.

Зуга постучал в дверь дважды, нажал на ручку. Дверь была заперта. Он нажал плечом, но тяжелая дверь в прочной раме не поддавалась. Молодой человек соскочил с веранды и обошел вокруг дома, щурясь от яркого света, отражавшегося от беленых стен. Окна были закрыты ставнями.

На другой стороне двора стояла старая хижина для рабов, в которой жил слуга Харкнесса. Зуга громко позвал его, но ответа не услышал. Похоже, слуга отлучился, и пепел в очаге давно остыл. Зуга обошел дом и остановился у запертой кухонной двери. Без карты уехать нельзя, надо хотя бы сделать копию. Харкнесса нет дома, а до отъезда осталось совсем ничего.

В углу веранды валялись поломанные и ржавые садовые инструменты. Зуга взял ручную косу и осторожно просунул тонкий кончик лезвия в щель между дверью и косяком. Дряхлый замок послушно щелкнул, и майор толкнул дверь. Несколько секунд он вглядывался внутрь, потом набрал в грудь воздуха и решительно ступил в полумрак.

В центральное помещение вел длинный коридор с рядом дверей. В одной из комнат стояла огромная кровать с пологом на четырех столбах. Занавески были раскрыты, постель в беспорядке.

Зуга торопливо прошел в парадный зал и остановился на пороге, давая глазам привыкнуть к темноте. Послышалось тихое жужжание, как от пчел в улье. Звук тревожил, вселял ужас, по коже побежали мурашки.

– Мистер Харкнесс! – хрипло позвал Зуга, и жужжание усилилось.

Что-то ударило о щеку. С дрожью отвращения он отмахнулся и, спотыкаясь, подбежал к ближайшему окну, дрожащими руками отпер ставни и поток солнечного света хлынул в комнату.

Томас Харкнесс сидел за захлапленным столом в кресле с резной гнутой спинкой и бесстрастно глядел на гостя.

Мухи облепили его тело, огромные сине-зеленые мухи с металлическим отливом, – с ликующим гудением они копошились в глубокой темной ране на груди старика. Белоснежная борода почернела от запекшейся крови, под креслом застыла вязкая лужа.

От ужаса майор застыл на месте, потом с трудом шагнул вперед. Старик упер приклад слонового ружья в ножку стола и прижал дуло к груди. Его руки все еще сжимали ствол.

– Зачем? – невольно вырвалось у Зуги.

Харкнесс смотрел прямо перед собой. На спусковой крючок он нажал пальцем правой ноги, сняв сапог. Мощный удар тяжелой свинцовой пули откинул к стене кресло вместе с сидящим в нем человеком, но руки сжимали ствол мертвой хваткой.

– Как глупо.

Зуга достал сигару и зажег ее восковой спичкой.

В комнате стоял запах смерти, наполняя рот и нос. Майор поглубже вдохнул табачный дым.

Ну что ж, в конце концов, он знал старика всего сутки и вернулся сюда с одной-единственной целью – добыть карту, добыть любой ценой. Почему же тогда ноги налились свинцом от горького чувства потери, почему защипало в глазах? Как глупо. Может быть, он опла-

кивает не самого старика, а ушедшую с ним эпоху? Харкнесс и легенды Африки сплелись воедино. Этот человек сам был историей.

Баллантайн медленно приблизился к телу в кресле и провел рукой сверху вниз по морщинистому лицу, изборожденному стихиями и болью. Пронзительные черные глаза закрылись. Теперь Томас Харкнесс выглядел умиротворенным.

Присев на край стола, майор неторопливо докурив сигару, словно последний раз общался с покойным. Он бросил окурки в медную плевательницу за креслом, прошел в спальню и вернулся с одеялом. Разогнав мух, взвившихся в воздух звенящим облаком, он набросил одеяло на сидящего. Накрывая голову, тихо пробормотал:

– Подходи ближе, старина, и целуй в сердце. – Прощальный совет Харкнесса.

Торопливо роясь в куче холстов и бумаг, Зуга чувствовал, как нетерпение постепенно перерастает в тревогу, затем в панику. Ни в одной из кип на столе карты не оказалось.

Он выпрямился, тяжело дыша, и яростно взглянул на фигуру, обернутую одеялом.

– Ты же знал, что я приеду за ней!

Зуга подошел к сундуку и поднял крышку. Петли застонали. Кожаный мешок с золотым ожерельем исчез. Баллантайн перерыл сундук до самого дна. Ничего. Он тщательно обыскал комнату, заглядывая в самые дальние уголки.

– Будь ты проклят, старый пройдоха, – тихо сказал майор, присаживаясь на стол. Он обвел комнату пристальным взглядом, убеждаясь, что ничего не пропустил. Картина «Охота на львов» исчезла с мольберта.

Внезапно до него дошел весь юмор ситуации, лицо прояснилось, и он горько рассмеялся.

– В последний раз подшутил над Баллантайнами, да? Что ж, Том Харкнесс, ты всегда умел настоять на своем, в этом тебе не откажешь.

Зуга медленно поднялся и положил руку на плечо, прикрытое одеялом.

– Ты победил, старик. Забирай свои секреты с собой.

Ощущая через ткань искалеченные кости, он легонько тронул мертвого Харкнесса за плечо и вышел во двор, где ждала лошадь. Дел оставалось невпроворот. Остаток дня ушел на то, чтобы перебраться через перевал, доехать до магистрата и привезти коронера с помощниками.

В тот же вечер они похоронили Томаса Харкнесса, завернутого в одеяло, в роще железных деревьев – жара стояла адская, и ждать, пока из города доставят гроб, не было времени. Зуга оставил коронера описывать имущество покойного и опечатывать двери старого дома, сам же отправился домой.

Вернулся он на закате, в золотистых африканских сумерках. Сапоги совсем запылились, пропотевшая рубашка липла к телу. Измученный дневными приключениями, он пал духом, подавленный смертью старика, и в то же время не в силах простить ему последнюю шутку.

– Вы доставили письмо капитану Кодрингтону? – спросил Зуга, передавая лошадь слуге, и, едва дождавшись ответа, отправился в дом.

Ему захотелось выпить, и он налил виски в резной хрустальный бокал. Вошла Робин и потянулась поцеловать его в щеку, морщась от прикосновения жестких бакенбард и запаха пота.

– Тебе надо переодеться, – напомнила она, – сегодня мы ужинаем у Картрайтов. Мне не удалось отвертеться... Да, Зуга, сегодня утром цветной слуга тебе кое-что принес. Сразу, как ты уехал. Я отнесла в кабинет.

– От кого?

Робин пожала плечами:

– Он говорил только на плохом голландском и был чем-то напуган. Сразу убежал, я так ничего и не выяснила.

С бокалом в руке Зуга подошел к двери и на пороге внезапно остановился. Лицо его просияло, он торопливо шагнул через порог.

Через минуту до Робин донесся торжествующий смех, и она с любопытством заглянула в кабинет. Брат стоял у массивного письменного стола. На столешнице валялся развязанный кожаный мешочек, из которого выпало тускло поблескивающее золотое ожерелье. Рядом была расстелена великолепная многоцветная карта на пергаментной бумаге, наклеенной на ткань. В вытянутых руках брат держал холст в большой раме, расписанный яркими масляными красками, – стая диких зверей и всадник на заднем плане. Зуга перевернул картину. На деревянной раме оказалось вырезано послание:

«Зуге Баллантайну. Желаю тебе отыскать путь во все твои Мономотапы. Как жаль, что я не смог пойти с тобой. Том Харкнесс».

Радостный смех брата еще не затих, но в голосе звучали странные нотки. Зуга обернулся, и Робин с удивлением заметила на его глазах слезы.

Вышитой салфеткой Зуга смахнул крошки с губ, взгляделся в газетную страницу и хмыкнул.

– Черт возьми, сестренка, и как я только додумался оставить тебя одну. – Он почитал дальше и расхохотался. – Ты в самом деле так ему сказала? Правда?

– Я точно не помню, – поджав губы, ответила Робин. – Не забывай, что это было в пылу сражения.

Они сидели на увитой виноградными лозами террасе бунгало. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь листву, золотом блестя на обеденном столе.

Накануне редактор «Кейп таймс», выискивая возможность извлечь выгоду из скандальной славы Робин Баллантайн, пригласил ее на экскурсию в военный госпиталь возле Обсерватории. Искренне полагая, что визит совершается по приглашению администрации, Робин с радостью ухватила за возможность расширить свои профессиональные познания.

Визит превзошел все самые радужные надежды редактора, совпав по времени с инспекторской поездкой главного хирурга колонии. Сопровождаемый свитой, он вошел в операционную в тот самый момент, когда Робин высказывала сестре-хозяйке свое мнение по поводу использования хирургических тампонов. Их держали в бадьях с чистой водой из оцинкованных чанов для сбора дождевой влаги, установленных под крышей госпиталя. Бадьи ставили под операционный стол, чтобы хирург мог легко дотянуться. Промокнув гной и кровь, он бросал тампон на специальный поднос, потом их стирали и возвращали в бадью с чистой водой.

– Уверяю вас, доктор, что мои медсестры отстирывают тампоны самым тщательным образом.

Сестра-хозяйка, величественная матрона с грозным бульдожьим лицом, наклонилась, запустила руку в бадью и протянула Робин одну из тряпок.

– Вот, взгляните, какие они белые и мягкие.

– Такие же белые и мягкие, как микробы, что кишат на них! – Робин расплилась, на щеках выступили красные пятна. – Неужели никто из вас не слышал о Джозефе Листере?

В дверях раздался голос главного хирурга:

– Ответ на ваш вопрос, доктор Баллантайн, – нет! Мы никогда не слышали о нем, кем бы он ни был. У нас нет времени прислушиваться к мнению каждого досужего болтуна... равно как и женщины, выдающей себя за мужчину.

Главный хирург прекрасно знал, кто стоит перед ним. До него доходили все сплетни, служившие колонистам главным развлечением, и он никак не одобрял поведения мисс Баллантайн.

Робин, напротив, понятия не имела, что это за пожилой джентльмен с кустистыми седыми бакенбардами и нависающими бровями, хотя по пятнам засохшей крови на сюртуке догадывалась, что это один из хирургов старой школы, которые оперировали в уличной одежде и выставляли эти пятна напоказ как отличительный признак профессии. Обнаружив куда более достойного противника, чем сестра-хозяйка, она повернулась к нему с воинственным огнем в глазах:

– А меня, сэр, удивляет, с какой готовностью вы демонстрируете окружающим свое невежество и снобизм.

Хирург задохнулся от возмущения.

– Ей-богу, мадам, по-вашему, я должен подозревать смертельный яд в каждой пылинке, в каждой капле воды, даже на собственных пальцах? – воскликнул он, потрясая руками у самого лица Робин.

Под ногтями у хирурга застыли темные полумесяцы засохшей крови – утром он оперировал. Врач наклонился к ней, яростно брызжа слюной, и Робин слегка отстранилась.

– Да, сэр, – парировала она. – Поищите также в каждом вашем выдохе и на грязной одежде.

Редактор упоенно строчил в блокноте. Реплики становились все острее, все чаще слышались личные оскорбления. Он и не мечтал о таком скандале. Кульминация настала, когда Робин настолько разозлила противника, что он, не удержавшись, подкрепил свою ярость непристойным ругательством.

– Ваш лексикон столь же отвратителен, как эти ваши грязные белые тряпки, – сказала она и запустила тампоном хирургу в лицо с такой силой, что вода окатила его бакенбарды и сюртук. Робин торжествующим шагом вышла из операционной.

– Так прямо и швырнула? – Опустив газету, Зуга изумленно взглянул на сестру. – Да, сестренка, иногда ты совсем не похожа на леди.

– Пожалуй, – без тени раскаяния согласилась Робин. – А для тебя это новость? Кроме того, я понятия не имела, что он главный хирург.

Зуга с шутливым неодобрением покачал головой.

– Его окончательное мнение, высказанное редактору, таково: «Мисс Робин Баллантайн – начинающий врач сомнительной квалификации, полученной в малоизвестной медицинской школе не слишком достойным способом».

– Сильно сказано! – Робин захлопала в ладоши. – Оратор из него лучше, чем хирург.

– Далее он говорит, что намеревается требовать возмещения морального ущерба.

– За вооруженное нападение с тампоном, – весело рассмеялась Робин и встала из-за стола. – Чушь какая! Поторопимся, а то не успеем на встречу с Кодрингтоном.

Стоя рядом с Зугой на корме водяного лихтера, причаливающего к стальному борту канонерской лодки, она все еще радовалась жизни.

Юго-восточный ветер избородил поверхность Столовой бухты, превратив ее в хлопковое поле, усыпанное белоснежной ватой, и накрыл облачной скатертью плоскую вершину Столовой горы. Колонисты называли этот ветер «капским доктором» – без него летняя жара была бы невыносимой. Однако он представлял собой постоянную опасность для мореплавания – дно бухты было усеяно обломками потерпевших крушение кораблей. «Черная шутка» раскачивалась на якоре, и два матроса несли вахту, следя за тем, чтобы цепь не порвалась.

Лихтер подошел к борту, сверху спустили толстые брезентовые шланги, и двенадцать человек встали на насосы, перекачивая груз в водяные баки бойлерной. Только потом гостей взяли на борт.

Поднявшись через бортовой люк на верхнюю палубу, Робин взглянула на ют, где стоял Кодрингтон. Он был в одной рубашке, без кителя, выше на голову окружавших его мичманов. Выгоревшие светлые волосы сверкали на солнце, как огонь маяка. Офицеры занимались разгрузкой лихтера с углем, пришвартованного к левому борту.

– Получше крепите брезент! – крикнул капитан боцману, командовавшему разгрузкой. – А то будем все как трубочисты.

На палубе царил суматоха, но каждый был занят своим делом. Робин и Зуга с трудом пробирались по палубе, заваленной мусором. Наконец Кодрингтон оглянулся.

Он выглядел моложе, чем запомнила Робин, движения стали менее скованными, лицо – безмятежнее. Рядом с выдавшими виды, побитыми всеми штормами матросами капитан казался почти мальчишкой, однако это впечатление развеялось, едва он заметил гостей. Внезапно черты его лица посуровели, губы сжались, глаза сверкнули холодом, превратившись в бледные сапфиры.

– Капитан Кодрингтон, – приветствовал его Зуга с тщательно отрепетированной вежливой улыбкой, – я майор Баллантайн.

– Мы уже встречались, сэр, – ответил Кодрингтон, даже не попытавшись улыбнуться в ответ.

Зуга невозмутимо продолжал:

– Разрешите представить вам мою сестру, доктора Баллантайн.

Кодрингтон бросил беглый взгляд на Робин.

– Ваш покорный слуга, мэм. – Он скорее кивнул, чем поклонился. – Сегодня в утренней газете я кое-что читал о ваших последних подвигах. – На миг суровое выражение исчезло, в синих глазах мелькнула озорная искра. – У вас сильные убеждения, мэм, и еще более сильная правая рука.

Он повернулся к Зуге:

– Я получил приказ адмирала Кемпа доставить вас и вашу экспедицию в Келимане. Не сомневаюсь, что по сравнению с вашей прежней компанией вы найдете мое общество скучным. – Капитан демонстративно отвернулся и посмотрел туда, где в полумиле отсюда на вспененных ветром волнах покачивался на якоре «Гурон».

Зуга проследил за его взглядом и внутренне сжался. Кодрингтон продолжал:

– Так или иначе, буду весьма признателен, если вы подниметесь на борт послезавтра утром. В полдень я с приливом покину бухту. А теперь прошу прощения, мне надо заниматься кораблем.

Коротко кивнув и не подав руки, Кодрингтон отвернулся к ожидавшим его мичманам. Обворожительная улыбка Зуги растаяла, лицо потемнело от гнева.

– Каков наглец! – прорычал он, но через секунду отрывисто бросил сестре: – Пошли, нам пора.

Зуга повернулся, пересек палубу и спустился на лихтер.

Робин не двинулась с места, дожидаясь, пока капитан закончит разговор с боцманом. Кодрингтон оглянулся и с деланным удивлением поднял брови.

– Капитан Кодрингтон, мы покинули «Гурон» по моему настоянию. Вот почему нам понадобилось другое судно. – Робин говорила тихо, но столь энергично, что лицо капитана смягчилось. – Вы были правы. «Гурон» – корабль невольничий, а Сент-Джон – работороговец. Я могу это доказать.

– Каким образом? – спросил Кодрингтон с явным интересом.

– Не сейчас. Мой брат... – Робин показала глазами в сторону трапа. Зуга дал ей точные указания, как вести себя с капитаном. – Сегодня днем я буду на пристани в Роггер-Бэй.

– В какое время?

– В три часа.

Робин приподняла юбки и стала пробираться к трапу.

Адмирал Кемп томился в огромном резном кресле, которое подчиненные прозвали «троном». Величественность кресла подчеркивала старческую худобу, узкие плечи смотрелись карикатурно под пышным золотым шитьем синего парадного мундира. Адмирал вцепился в подлокотники кресла, стараясь не ерзать, – от этого молодого офицера ему всегда делалось не по себе.

Клинтон Кодрингтон говорил быстро и выразительно, подчеркивая каждую мысль изящными жестами. Его энергия и энтузиазм утомляли, адмирал предпочитал подчиненных с более спокойным темпераментом, которые выполняют приказ в точности и не склонны к авантюрам. Известный еще с юности как «зануда Кемп», командующий с глубоким подозрением относился к так называемым блестящим офицерам; в его представлении само это слово было синонимом ненадежности. К сожалению, характер службы в дальней колонии позволял молодым людям, подобным Кодрингтону, месяц за месяцем находиться в самостоятельных рейсах без присмотра старших офицеров, способных при необходимости остудить горячие головы.

Адмирал не сомневался, что еще не раз хлебнет горя с этим капитанишкой, прежде чем закончит службу, получит причитающийся ему титул и удалится на покой в уединенное поместье в Суррее. То, что настоящих неприятностей пока не случилось, можно было объяснить лишь крайним везением. Припомнив калабарский инцидент, Кемп с трудом удержался от раздраженной гримасы.

Кодрингтон появился в Калабаре ясным июньским утром. Пять аргентинских невольничьих кораблей заметили верхушки его парусов за тридцать миль и принялись лихорадочно разгружаться. Когда «Черная шутка» подошла к берегу, пять капитанов самодовольно ухмылялись: их трюмы были пусты, а две тысячи несчастных рабов длинными рядами сидели на корточках на пустынном пляже. Что еще приятнее, экватор был в добрых двадцати милях к северу, а значит, работорговцы находились вне пределов юрисдикции британского флота. Невольничья база в Калабаре на то и была рассчитана, чтобы воспользоваться лазейкой в международном соглашении.

Однако самодовольные ухмылки сменились негодованием, когда на «Черной шутке» выкатили пушки и под их прикрытием спустили на воду шлюпки с вооруженными матросами. Испанские капитаны, плавающие для удобства под флагом Аргентины, горячо и красноречиво протестовали против незаконного вооруженного вторжения.

– Мы не досмотровая команда, – спокойно объяснил Кодрингтон старшему из них. – Мы вооруженные советники, и вот наш совет: загружайтесь снова, да поскорее.

Испанец продолжал размахивать руками, пока пушечный выстрел не привлек его внимания к пяти веревочным петлям, свисающим с нока реи канонерской лодки. Испанец не сомневался, что петли вывешены лишь для устрашения, но, взглянув в ледяные сапфировые глаза молодого английского офицера, решил, что держать пари не готов.

Как только рабы вернулись в трюмы, самозванный вооруженный советник дал очередной непрошенный совет. Невольничьей флотилии предлагалось сняться с якоря и взять курс на север. Через пять часов капитан Кодрингтон тщательно измерил высоту солнца, сверился с таблицами, а затем попросил испанского капитана проверить его вычисления и подтвердить, где находятся суда, после чего немедленно арестовал его и реквизировал все пять кораблей – «вооруженные советники» тут же и без каких-либо осложнений сменили статус, превратившись в призовую команду.

Кодрингтон привел пять захваченных судов в Столовую бухту, адмирал Кемп выслушал рассказ испанцев об обстоятельствах их пленения и тотчас же слег с желудочными коликами и страшной мигренью. Лежа в полутемной спальне, он продиктовал сначала приказ,

предписывавший Кодрингтону оставаться на корабле, а кораблю – на якорной стоянке, а затем – гневный отчет первому лорду адмиралтейства.

Этот эпизод, который вполне мог бы закончиться для Кодрингтона трибуналом и пожизненным списанием на берег, а для адмирала – преждевременной отставкой и крушением надежд на дворянство, неожиданно принес обоим богатство и способствовал карьере. Парусный шлюп, доставлявший в Англию донесение Кемпа, разминулся посреди океана с другим кораблем, который шел противоположным курсом и вез депеши командующему Капской эскадрой – от того же первого лорда, а также от министра иностранных дел. Адмиралу вменялось в обязанность применять «пункт о специальном оборудовании» к судам всех христианских держав, за вопиющим исключением Соединенных Штатов Америки, на всех широтах, как к северу, так и к югу от экватора. Распоряжение датировалось четырьмя днями ранее рейда Кодрингтона на Калабар, что сделало его действия не только законными, но и в высшей степени похвальными.

Качнувшись на краю пропасти, карьера Кемпа вновь обрела устойчивость. Шансы на титул упрочились, а личный счет в банке Куттса на Стрэнде пополнился на кругленькую сумму. На следующей сессии Смешанной судебной комиссии в Кейптауне пятерка испанцев была признана виновной. Доля Кемпа в общей сумме призовых денег составила несколько тысяч фунтов стерлингов, доля капитана – почти вдвое больше, и вдобавок оба получили личные благодарственные письма от первого лорда адмиралтейства.

Однако все эти награды ничуть не увеличили ни доверия, ни симпатии адмирала к своему подчиненному, и теперь он с растущим ужасом выслушивал его просьбу дать санкцию на досмотр американского торгового клипера, который сейчас пользовался гостеприимством кейптаунского порта.

Адмирал не желал войти в историю в качестве человека, по вине которого началась очередная война с бывшими колониями в Новом Свете. Американское правительство придерживалось совершенно недвусмысленных взглядов на неприкосновенность своих кораблей, и должностные инструкции адмирала содержали на этот счет особый раздел.

– Господин адмирал! – Глаза Кодрингтона блеснули фанатическим огнем. – Нет никаких сомнений, что «Гурон» – невольничий корабль и оснащен для перевозки рабов в том смысле, как это трактует закон. Корабль стоит на якоре в британских территориальных водах. Я мог бы через два часа подняться на борт в сопровождении незаинтересованных свидетелей, может быть, даже вместе с членом Верховного суда.

Кемп громко прочистил горло. На самом деле он пытался заговорить, но от страха не смог произнести ни слова. Кодрингтон, однако, принял его кашель за поощрение.

– Этот Сент-Джон – один из самых гнусных работорговцев современности. На побережье о нем слагают легенды. Говорят, за год он перевез через океан более трех тысяч рабов. Для нас это золотой шанс, нельзя его упускать...

Адмирал наконец обрел дар речи:

– В среду я был приглашен на обед в резиденцию губернатора, и господин Сент-Джон присутствовал там в качестве личного гостя его превосходительства. Я знаю Сент-Джона как истинного джентльмена, он весьма состоятелен и пользуется большим влиянием в своей стране.

Речь Кемпа звучала ровно, почти без эмоций. Такое самообладание удивило его самого.

– Он работорговец, – раздался женский голос.

Робин Баллантайн сидела у окна в адмиральском кабинете. Мужчины успели забыть о ее присутствии и теперь оба повернулись к ней.

– Я была в трюме «Гуруна» и убедилась, что корабль полностью оборудован для перевозки рабов, – продолжала Робин.

Кемп почувствовал растущее раздражение. И что он нашел в этой девице? Зачем послал им с братом приглашение? Никакого в ней ума нет, обычная стервозность, и вовсе не хорошенькая, а самая обыкновенная, да еще носатая и с тяжелой челюстью. Разумеется, нисколько не похожа на сюсюкающих и хихикающих дамочек-колонисток, этим его и покорило, но по зрелом размышлении уж лучше все-таки они. Может, еще не поздно отозвать приглашение?

– Я считаю, господин адмирал, что вы обязаны послать на борт «Гуруна» досмотровую команду. – Деввица упорно гнула свою линию.

Кемп откинулся назад в большом кресле и тяжело задышал, приоткрыв рот. Уже много лет никто не осмеливался указывать ему на его обязанности – ему, адмиралу Королевских военно-морских сил! Командующий с трудом держал себя в руках.

Он покосился на девицу. Откуда такая злость, может, что-то личное? И в самом деле, она ведь сошла с борта «Гуруна», едва корабль успел пришвартоваться. В конце концов, капитан Сент-Джон – красивый мужчина... Точно, была там какая-то история.

Кемп сухо осведомился:

– Верно ли, мисс Баллантайн, что вы в припадке неуправляемой ярости нанесли оскорбление главному хирургу колонии?

Такой поворот беседы на мгновение выбил Робин из колеи. Не успела она ответить, как адмирал продолжил:

– Похоже, вы весьма эмоциональная юная особа. Я должен тщательно взвесить все обстоятельства, прежде чем предпринимать враждебные действия против гражданина дружественного государства на основе ваших необоснованных утверждений.

Он вытащил из кармашка золотые часы и внимательно изучил циферблат.

– Благодарю за визит, мисс Баллантайн. – Кемп намеренно избегал обращения «доктор». – Надеюсь видеть вас у себя завтра вечером. А теперь позвольте нам с капитаном Кодрингтоном остаться наедине.

Робин поднялась, чувствуя, как вспыхнули ее щеки.

– Благодарю, господин адмирал, вы были очень любезны и терпеливы, – резко проговорила она и покинула кабинет.

С Кодрингтоном Кемп был не столь мягок. Молодой капитан стоял перед ним навывтяжку, адмирал наклонился вперед, вцепившись в подлокотники «трона», вены на руках набухли синими веревками.

– О чем вы думали, сэр, приводя сюда девиц, когда обсуждаются дела флота? – рявкнул он.

– Сэр, мне необходимо было вас убедить...

– Хватит, Кодрингтон, я слышал достаточно! А теперь слушайте вы.

– Есть, сэр.

– Неужели вы настолько наивны? Вам что, неизвестно, что американским президентом скорее всего будет избран Линкольн?

– Известно, сэр.

– Тогда, может быть, даже вы имеете смутное представление о том, что от этого зависит. Министерство иностранных дел уверено, что новая администрация в корне изменит отношение к работорговле.

– Да, сэр, – коротко кивнул Кодрингтон.

– Вы представляете, что будет для нас значить полное право на досмотр американских судов в открытом море?

– Да, сэр.

– Мы его получим, как только мистер Линкольн принесет присягу, – если до тех пор какой-нибудь младший офицер своими необдуманными действиями не повлияет на отношение американцев к предмету нашей дискуссии.

– Да, сэр.

Капитан стоял не шевелясь и смотрел поверх плеча адмирала на обшитую панелями стену, где красовалась полуодетая Венера, написанная маслом.

– Кодрингтон, – с холодной угрозой проговорил Кемп, – вы чудом избежали кары за авантюру в Калабаре. Клянусь, если вы еще раз дадите волю своему необузданному нраву, я выгоню вас со службы.

– Да, сэр.

– Я строжайше запрещаю вам приближаться к торговому клиперу «Гурон» менее чем на кабельтов. Если же вы встретитесь с ним снова, то отсалютуете ему по всем правилам и уступите дорогу. Я выражаюсь достаточно ясно?

– Да, сэр.

Кодрингтон едва шевелил губами.

Адмирал шумно перевел дух.

– Когда вы отправляетесь в плавание? – спросил он уже спокойнее.

– Согласно вашему приказу, с субботним приливом, сэр.

– Раньше не можете?

– Могу, сэр, но это означало бы отправиться в путь с неполным боезапасом. Мы ожидаем баржу с порохом на рассвете в субботу.

Кемп покачал головой.

– Мне спокойнее, когда вы в море, – проворчал он. – Ну что ж, отлично, в субботу на рассвете я буду ждать ваш флаг отплытия.

Робин Баллантайн тем временем сидела в одолженном у Картрайтов экипаже под портиком адмиралтейства. Кодрингтон спустился по лестнице, держа под мышкой треугольную шляпу, и сел рядом на обитое кожей сиденье.

Кучер-готтентот хлестнул лошадей по лоснящимся крупам, коляска дернулась и покатила по подъездной аллее. За воротами кучер слегка придержал лошадей, спускаясь по склону холма к Лизбекскому мосту.

– Что нам теперь делать? – спросила Робин.

– Ничего, – ответил Клинтон Кодрингтон.

Через двадцать минут у подножия горы, откуда открывался вид на бухту со стоящим на якоре «Гуроном», Робин снова заговорила:

– Неужели вы не можете придумать, как остановить это чудовище?

– А вы? – резко спросил он.

До самого причала ехали молча.

На берегу стояли рыбацкие лодки, рядом на песке серебром и рубинами сверкал свежий улов. Домохозяйки и слуги торговались со смуглыми босоногими рыбаками, рог трубил, вызывая из города новых покупателей. Пассажиры коляски наблюдали за суматохой с нарочитым вниманием, избегая встречаться взглядами.

– Вы будете завтра на балу в адмиралтействе? Кемп упомянул, что вы собираетесь.

– Нет. – Робин яростно тряхнула головой. – Терпеть не могу такие сборища с их глупой болтовней и тем более не хочу быть в гостях у этого человека.

Впервые с той минуты, как они въехали на причал, Кодрингтон обернулся к ней. Привлекательная женщина: высокая, сильная, с нежным глянцем кожи и умными темно-зелеными глазами под темными дугами бровей. Капитан успел убедиться в силе ее духа и проникнуться уважением, которое легко могло перерасти в восхищение.

– А если я уговорю вас передумать? – тихо спросил он, и Робин с испугом взглянула на него. – Могу предложить себя в качестве собеседника и достойного партнера для танцев.

– Я не танцую, капитан.

– Рад слышать, – признался с улыбкой Кодрингтон, – я тоже обычно избегаю танцев.

Робин не могла припомнить, видела ли прежде его улыбку. Лицо капитана разительно изменилось, из бледно-голубых глаз исчез холод, и они потемнели от радости, две веселые складочки протянулись от уголков рта к тонкому прямому носу.

– У зануды Кемпа чудесный повар, – упрасивал Клинтон. – Хорошая кухня и серьезная беседа, а?

Его зубы ярко выделялись на фоне темного морского загара – белые, как фарфор, и очень ровные. Уголки губ Робин сами собой потянулись вверх. Кодрингтон усилил натиск:

– У меня могут быть новости или появятся планы насчет «Гуруна», все равно придется обсудить.

– Тогда сдаюсь. – Робин рассмеялась с удивительной непринужденностью, так что даже случайные прохожие улыбнулись в ответ.

– Я за вами заеду. Когда? Куда?

Только теперь капитан осознал, насколько она привлекательна.

– Нет. – Робин положила ладонь ему на руку. – Меня проводит мой брат, но я буду с нетерпением ждать нашей важной беседы.

Дьявол снова проснулся в ней, и она крепко сжала руку капитана, ощутив удовольствие от его мгновенной реакции на ее прикосновение, – мускулы под ее пальцами напряглись.

– погоди, – сказала она кучеру, провожая взглядом высокую стройную фигуру, шагающую по берегу к ожидавшему вельботу.

Для визита к адмиралу Кодрингтон надел парадную форму. Эполеты с золотым шитьем подчеркивали ширину его плеч, португеза делала талию выше. Внезапно Робин захотелось узнать, какого цвета волосы у него на груди, такие ли они светлые, как косичка на затылке... Ее охватили стыд и волнение. Прежде такая мысль никогда не пришла бы ей в голову. Что значит «прежде»? Ответ был только один – до той ночи на «Гуруне». Мунго Сент-Джон во многом виноват. На этом Робин успокоилась, отвела взгляд от стройной мужской фигуры и наклонилась к кучеру:

– Домой, пожалуйста.

Она окончательно решила не ходить на бал к адмиралу и принялась твердить про себя христианские заповеди.

Зуга, однако, разрушил все ее благие намерения, и благоухающим осенним вечером в открытой коляске они направились на бал в компании старшей незамужней дочери Картрайтов, родители которой следовали сзади в карете и обсуждали важные дела.

– Я уверена, что он всерьез увлечен Алеттой, – утверждала миссис Картрайт.

– Дорогая, у него же нет ни пенни за душой.

– А перспективы? – мягко возразила миссис Картрайт. – На этой экспедиции он заработает тысячи. Он из тех молодых людей, кто добивается успеха, я в этом нисколько не сомневаюсь.

– Я предпочитаю деньги в банке, дорогая.

– О нем все только и говорят: серьезный и разумный молодой человек, и такой привлекательный. Они с Алеттой составят прекрасную пару, а ты подыщешь ему место в фирме.

Адмиральская резиденция встречала гостей ослепительным золотым заревом огней. В саду на деревьях были развешаны разноцветные фонарики.

Оркестр морских пехотинцев в алых, с золотом, мундирах превратил беседку в открытую эстраду. На открытом воздухе была устроена танцевальная площадка, где в быстром

вальсе уже кружились первые танцоры, радостно приветствуя опоздавших, экипажи которых один за другим подъезжали по извилистой аллее к портику главного входа.

Лакеи в парадных ливреях, в шелковых чулках и туфлях с пряжками откидывали подножки и подавали руку дамам, помогая спуститься на разостланный красный ковер. Мажордом густым басом представлял каждую группу гостей.

– Майор и доктор Баллантайн! Мисс Картрайт!

Робин так и не привыкла к мутным всплескам женского злословия, которые сопровождали любое ее появление на общественных собраниях колонии. Прикрывшись веерами, дамы обменивались быстрыми взглядами, кивали и шептались. У Робин заколотилось сердце, а душу заполнило чувство горького презрения.

– Ты принесла тампон, сестренка? Они так и ждут, что ты им в кого-нибудь запустишь, – усмехнулся Зуга. Она пихнула его в плечо, чтобы он замолчал, но брат продолжил: – Или сбросишь юбки и побежишь вверх по лестнице в брюках.

– Противный! – Робин наконец удалось расслабиться, она благодарно улыбнулась.

Вокруг шумела толпа, сверкало золотое шитье на синих морских мундирах и красных армейских, черноту фраков оживляли широкие галстуки и кружевные манжеты шелковых рубашек. Дамские платья из тафты и узорчатого шелка с оборками венчали собой целые пирамиды пышных нижних юбок. Однако все наряды по меньшей мере года на два отставали от лондонской моды, и лишь самые отчаянные из дам осмеливались обнажить плечи, напудрив их до мертвенной белизны.

Простое шерстяное платье мисс Баллантайн не содержало никаких уступок моде. Носилось оно уже не первый год и было единственным ее нарядом, мало-мальски подходящим к случаю. Узкая юбка, лиф без жемчуга и блесков. Ни алмазной пыли в волосах, ни страусовых перьев – и в то же время Робин не выглядела убогой, а, напротив, выгодно выделялась на общем фоне.

Она и в самом деле не танцевала, но лишь потому, что никогда не имела возможности, и теперь с завистью следила, как Зуга кружил Алетту Картрайт в изящном вихре вальса.

Робин понимала, что никто не пригласит ее на танец, а если и пригласит, она наверняка опозорится. Она украдкой огляделась в поисках знакомого или хотя бы дружелюбного лица, не желая остаться одна в толпе и горько сожалея, что изменила своему решению и не осталась дома.

Спасение пришло так быстро, что Робин едва удержалась, чтобы не кинуться капитану на шею. Вместо этого она произнесла ровным голосом:

– О, капитан Кодрингтон. Добрый вечер.

Рядом с ней был, безусловно, один из самых привлекательных мужчин в зале. Ощувив на себе негодующие взгляды бесчисленных соперниц, Робин с достоинством приняла руку капитана, однако, к ее удивлению, он сразу повел ее в сад.

– Он здесь! – тихо проговорил Кодрингтон, когда они отошли подальше от посторонних ушей.

Спрашивать кто, не было нужды. Робин вздрогнула и на мгновение замолчала.

– Вы его видели?

– Он прибыл за пять минут до вас, в карете губернатора.

– Где он сейчас?

– Пошел в кабинет Зануды, вместе с губернатором. – Капитан сверкнул ледяным взглядом. – Доволен собой дальше некуда.

Приблизился слуга с серебряным подносом, уставленным бокалами с шампанским. Робин рассеянно покачала головой, а Кодрингтон взял бокал и осушил в два глотка.

– Черт возьми, знает прекрасно, что никто не посмеет его пальцем тронуть!

Опускалась вечерняя прохлада, морской оркестр перебрался на оркестровую лоджию над бальным залом и продолжал наигрывать танцевальные мелодии в энергичном военном стиле на радость танцующим. Один из них выделялся среди толпы, и не только благодаря своему росту. Многие танцоры раскраснелись и едва переводили дух, а Мунго Сент-Джон кружился, приседал и скользил с размеренной, спокойной грацией, совершая круги по залу быстрее всех. В его объятиях неизменно оказывались самые хорошенькие женщины – красотишки смеялись, их щеки пылали от возбуждения, а подруги со скрытой завистью поглядывали на него через плечи партнеров.

На огороженном колоннадой балконе собралась компания морских офицеров – сослуживцев Клинтон – и их спутниц. Кодрингтон и Робин присоединились к ним, но не участвовали в общей болтовне, а наблюдали за Сент-Джоном. Робин втайне надеялась, что тот посмотрит на нее, и она взглядом выплеснет ему в лицо свою ненависть, однако он ни разу оглянулся. Она даже подумала, не предложить ли Кодрингтону потанцевать, изменив прежнее решение, но тут же передумала. В качестве танцора капитан не выдержал бы сравнения с элегантным американцем.

Идя к ужину под руку с Клинтоном Кодрингтоном, она заметила впереди Сент-Джона. Он вел блондинку, вдову, слывшую в колонии самой красивой, самой богатой и самой ненасытной. Ее пышная прическа блистала алмазной пылью и страусовыми перьями, голые плечи сияли, парчовый лиф, усыпанный жемчугом, больше открывал грудь, чем скрывал. Традиционный черный фрак Мунго Сент-Джона производил куда большее впечатление, чем самые пышные мундиры окружающих.

На глазах у Робин вдова хлопнула его веером по плечу, чтобы привлечь внимание. Сент-Джон церемонно склонился к ней. Дама привстала на цыпочки и что-то прошептала ему на ухо.

– Бесстыжая шлюха! – прошипела Робин.

Сдержав удивление, Кодрингтон кивнул.

– А он – сам дьявол.

Словно услышав, Мунго оглянулся. Он с улыбкой поклонился Робин, столь интимно и понимающе, будто снова раздевал, как тогда, на «Гуроне». Она невольно сжалась, испытав то же чувство беспомощности.

Собрав всю силу воли, Робин отвернулась. Кодрингтон наблюдал за ней, но она была не в силах встретиться с ним взглядом, боясь, что в ее глазах он все прочтет.

К двум часам пополудни оркестр моряков перешел к более плавным мелодиям для влюбленных и романтиков, которые продолжали кружить по бальному залу, тогда как большинство гостей поднялись в залы игорные, расположенные на втором этаже, – если не поиграть, то хотя бы потолкаться вокруг столов. Затаив дыхание, они наблюдали за игрой, разражаясь аплодисментами при особенно дерзких ходах и крупных выигрышах.

В самом большом зале адмирал Кемп и гости постарше играли в вист. В другом молодежь резалась в легкомысленную «железку». Заметив в толпе сестру, Зуга улыбнулся ей из-за стола. Он играл один на один с Алеттой Картрайт, и девушка радостно взвизгнула, подгребая к себе целую пригоршню серебряных шиллингов.

Робин и Клинтон прошли в третий зал, самый маленький. Там шла игра, прежде популярная лишь в Америке, но с недавних пор вошедшая в моду при дворе. Сначала увлеклась королева, а следом за ней и вся империя, не повредило даже странное название – покер, «кочерга».

Несмотря на интерес со стороны ее величества, новая игра дамам не приличествовала, тем более в смешанной компании. За зеленым сукном сидели одни мужчины, а любопытные дамы порхали вокруг, как яркие бабочки.

Мунго Сент-Джон сидел лицом к двери, и Робин заметила его, едва войдя в зал. Он лениво развалился в кресле, держа карты тугим веером у белоснежного кружевного жабо; тщательно причесанные и уложенные волосы, точно вырезанные из эбена, волнами ниспадали на плечи. В зубах американца торчала длинная сигара. На глазах у Робин пышная блондинка-вдова перегнулась через его плечо, продемонстрировав бархатистую ложбинку между грудями, и поднесла к сигаре восковую спичку.

Прикурив, Сент-Джон выпустил длинное облачко голубоватого дыма, взглядом поблагодарил спутницу и объявил ставку.

Он явно выигрывал – перед ним по столу небрежно рассыпалась горка золотых монет с профилем королевы Виктории, отчеканенным в античном стиле. Королева на монетах выглядела намного моложе своих сорока лет.

Сент-Джон снова выиграл.

Атмосфера азарта вокруг него достигла почти осязаемой плотности. Женщины, столпившиеся вокруг стола, радостно восклицали при каждой сделанной им ставке и разочарованно вздыхали, когда он бросал карты, отказываясь от борьбы. То же возбуждение передалось и пяти партнерам, сидевшим за столом. Это было видно по блеску в глазах и побелевшим костяшкам пальцев, сжимавших карты, по опрометчивым ставкам и упорном продолжении игры, даже если удача явно поворачивалась спиной. Каждый из них соревновался с Сент-Джоном, и если тот пасовал, напряжение тотчас шло на убыль.

Робин чувствовала действие тех же чар и на себе. По мере того как делались ставки и кучка золота в центре стола росла, она все крепче сжимала руку Клинтона, а когда в конце партии карты открывались, слышала, словно со стороны, собственный вздох облегчения.

Незаметно для себя она приблизилась к столу, таща за собой и Кодрингтона.

Один из игроков решительно отодвинул стул и подобрал со стола свои монеты.

– Пятьдесят гиней за один вечер – достаточно. Прошу прощения, джентльмены.

Робин отодвинулась, пропуская его, и с удивлением взглянула на Кодрингтона, который высвободил руку и скользнул в опустевшее кресло.

– Разрешите составить вам компанию, господа?

Игроки, поглощенные картами, утвердительно кивнули. Сент-Джон поднял глаза и вежливо спросил:

– Капитан, вам известны ставки?

Кодрингтон молча вынул из внутреннего кармана пачку пятифунтовых банкнот и положил перед собой. Количество денег удивило Робин – не меньше сотни фунтов стерлингов. Впрочем, Клинтон Кодрингтон считался одним из самых удачливых патрульных на невольничьем побережье – брат говорил, что за последние годы он успел заработать не меньше десяти тысяч фунтов призовых денег. Странно, но капитан совсем не выглядел богачом.

Это молчаливый вызов, поняла Робин. Клинтон бросил перчатку, а Мунго Сент-Джон с вежливой улыбкой поднял ее.

Робин встревожилась. Не слишком ли смело? Уж больно опытного и умелого противника избрал себе Клинтон Кодрингтон. Даже Зуга, неизменно пополнявший свое полковое жалованье картами, едва ли мог играть с Сент-Джоном на равных, а Клинтон к тому же был не в духе и весь вечер беспрерывно пил, что обязательно скажется на верности его суждений.

Сент-Джон почти незаметно изменил стиль игры: удваивал ставки перед каждым прикупом, смело шел в наступление, опираясь на преимущество своих немалых выигрышей, а Кодрингтон, напротив, терял уверенность в себе, нервничал и пасовал, не решаясь ставить на кон больше нескольких гиней. Похоже, ему не доставало характера, чтобы достойно встретить натиск американца.

Робин слегка отодвинулась, чтобы видеть обоих сразу. Сквозь морской загар Клинтона просвечивала бледность, ноздри побелели, губы сжались в тонкую линию. Видимо,

дюжина бокалов шампанского сыграла свою роль. Он мешкал и путался, а зрители разочарованно перешептывались, обсуждая его нерешительность. Сотня фунтов, брошенная широким жестом на стол, обещала драматический поединок, однако постепенно череда мелких проигрышей заставила пачку почти растаять, и внимание присутствующих переключилось на оживленный поединок между Сент-Джоном и одним из сыновей Клюте, винодела из Констанции, владельца большей части знаменитых виноградников.

Противники обменивались шутками, вызывая общий смех; невозмутимость проигравшего и благородство победителя заслуживали восхищения. Про остальных игроков почти забыли.

Клинтон оставалось лишь пожалеть. Бледный и дерганный, он допускал ошибку за ошибкой. Даже выигрышную комбинацию умудрился выложить раньше времени и под смешки зрителей удовольствовался лишь несколькими гинееми, хотя мог выиграть все пятьдесят. Робин пыталась взглядом заставить его уйти, избежать дальнейших унижений, но он упорно продолжал игру, тупо уставившись в карты.

Следующую партию Клюте выиграл, предъявив четыре карты одного достоинства, и по праву победителя объявил джекпот, желая отметить удачу.

– Тройка открывает кон, кладем по гинее, – объявил он, подмигнув Сент-Джону. – Вам угодно, сэр?

– Извольте, – улыбнулся в ответ Сент-Джон.

Остальные постарались скрыть замешательство. Игра принимала опасный оборот: сдача повторялась до тех пор, пока один из игроков не получал три карты одного достоинства, и каждый раз все добавляли на кон по гинее. Набравший тройку имел право увеличить ставку до суммы, накопившейся на столе. До этого момента пасовать было нельзя, и рисковать иногда приходилось очень большими деньгами.

Десять раз при раздаче никто не получал требуемых карт, банк достиг семидесяти гиней. Наконец Мунго Сент-Джон негромко объявил:

– Джентльмены, кон открыт – шире, чем рот моей тещи.

Все лица в зале повернулись к нему, игра на остальных столах прекратилась.

Сент-Джон продолжал:

– Дальнейшая игра будет стоить каждому еще по семьдесят монет.

Зрители зааплодировали, выжидаяще глядя на других игроков.

– Я с вами, – сказал Клюте, но голос его дрогнул.

Отсчитав банкноты и золотые гиней, он придвинул их к общей груде в центре стола.

Еще трое спасовали и бросили карты с явным облегчением, отделившись каждый всего десятью гинееми. Лишь Кодрингтон с несчастным видом сторбился над картами.

– Прошу вас, не спешите, капитан, – усмехнулся Мунго. – У нас весь вечер впереди.

Клинтон поднял глаза и отрывисто кивнул, словно не доверяя собственному голосу, потом положил на середину стола пачку банкнот.

– Итак, трое, – объявил Сент-Джон и быстро пересчитал деньги на кону. – Двести десять гиней!

Следующий игрок мог удвоить ставку, третий – удвоить ее еще раз. В зале царил тишина, игроки с других столов подошли поближе, наблюдая, как раздающий отсчитал Сент-Джону две карты вместо сброшенных. Американец не блефовал, изображая сильные карты, и честно пытался дополнить первоначальную тройку до более высокой комбинации. Клюте прикупил три, явно надеясь добавить что-то к высокой паре. Затем наступила очередь Клинтон.

– Одну, – пробормотал он и поднял палец. Палец едва заметно дрожал.

Получив карту, он накрыл ее ладонью, словно не решался перевернуть. Всем было очевидно, что капитан надеется получить очень важную карту.

– Открывающий делает ставку, – объявил крупье. – Господин Сент-Джон?
Наступило молчание. Сент-Джон развернул веером карты, взглянул и бесстрастно произнес:

– Ставка удваивается.

– Четыреста двадцать гиней! – ахнул кто-то, но аплодисментов на сей раз не последовало.

Все посмотрели на Ключе. Он подумал немного, потом покачал головой и бросил карты на стол. Третий король к его паре не прибавился.

Зрители переключились на последнего оставшегося игрока. С Клинтон Кодрингтоном произошла неуловимая перемена. Краска чуть тронула смуглые щеки, губы слегка открылись, он впервые поднял глаза на Сент-Джона. В глазах светилась надежда и нетерпение. Ошибиться было трудно. Он просто сиял.

– Удваиваю! – громко произнес Кодрингтон. – Восемьсот сорок гиней.

Казалось, он едва сдерживается, чтобы не расхохотаться. Все понимали, что ему наконец повезло.

Сент-Джон размышлял всего несколько секунд.

– Поздравляю, – улыбнулся он. – Вы получили то, что ждали, мне придется уступить.

Он бросил карты стопкой на стол и оттолкнул от себя.

– Можно посмотреть, чем вы открыли кон? – застенчиво осведомился Клинтон.

– О, простите. – В голосе американца прозвучала ирония.

Он перевернул карты. На столе лежали три семерки и две непарные.

– Благодарю, – сказал Клинтон.

Он вдруг изменился; куда-то исчезли и дрожь нетерпения, и нерешительность. С ледяным спокойствием англичанин собрал разбросанные по столу монеты и банкноты.

– Какие у него были карты? – не выдержала одна из дам.

– Он не обязан их предъявлять, – объяснил ее спутник. – Все противники спасовали.

– Ах, мне до смерти хочется их увидеть! – жалобно воскликнула она.

Клинтон на миг перестал подсчитывать выигрыш и поднял глаза.

– Мадам, – улыбнулся он, – я не хочу иметь вашу смерть на своей совести.

Он выложил свои карты на зеленое сукно лицом кверху, и зрителям потребовалось немало времени, чтобы осознать увиденное. На столе лежали карты всех мастей, и ни одна не подходила к другой.

В зале поднялся восторженный гул. Ни одной комбинации! Эти карты можно было побить одной парой семерок, не говоря уже о трех, которые были у Сент-Джона. Молодой капитан перехитрил американца, надув его почти на девятьсот гиней. Только теперь все начали понимать, как тщательно это было подготовлено: Кодрингтон притворился растяпой, заманил противника в ловушку, выбрал момент и нанес удар. Публика разразилась аплодисментами, дамы восхищенно ахали, мужчины наперебой поздравляли.

– Отличная игра, сэръ!

Мунго Сент-Джон сохранял улыбку, но губы его сжались, а в глазах, которые он не сводил с карт противника, появился свирепый блеск.

Аплодисменты стихли, кое-кто из зрителей направился к выходу, все еще обсуждая игру Кодрингтона. Сент-Джон взял колоду, чтобы перетасовать, и тут Клинтон Кодрингтон заговорил. Его слова звучали тихо, но внятно, разносясь по всему залу.

– Иногда удача изменяет даже работоторговцу, – сказал он. – Признаюсь, я с большим удовольствием поймал бы вас на вашем грязном занятии, чем обставил на пару гиней.

Гости оцепенели, разинув рты и уставившись на Клинтона с ужасом и изумлением. В зале повисла тяжкая тишина, нарушаемая лишь шелестом карт в руках Мунго Сент-Джона, когда он расщеплял колоду и неуловимым движением пальцев вдвигал половинки друг в

друга. Руки его действовали словно сами по себе, а глаза были устремлены на Кодрингтона. Улыбка держалась на губах как приклеенная, лишь щеки, темные от загара, слегка вспыхнули.

– Вас притягивают опасности? – усмехнулся Сент-Джон.

– О нет. – Клинтон покачал головой. – Мне опасность не грозит. Как следует из моего опыта, все работаровцы – трусы.

Улыбка Сент-Джона мгновенно исчезла, взгляд стал ледяным и угрожающим, но пальцы ни на мгновение не сбились с ритма – карты так и мелькали.

Клинтон продолжал:

– Я слышал, что у так называемых джентльменов из Луизианы существует некий преувеличенный кодекс чести. – Он пожал плечами. – Похоже, сэр, вы являетесь живым опровержением этого мнения.

Слушатели потеряли дар речи. В их присутствии было брошено обвинение в торговле рабами. Для англичанина худшего оскорбления не существовало.

В Англии не случалось дуэлей с тех пор, как в 1840 году лорд Кардиган застрелил капитана Такетта, а в 1843-м Мунро убил своего зятя полковника Фосетта. По желанию королевы в военный устав была внесена поправка, запрещающая смертельные поединки. Разумеется, англичане выезжали за границу, чаще всего во Францию, где вопросы чести решались, ко всеобщему удовлетворению, с помощью пистолета или шпаги. Однако сейчас ссора произошла в Капской колонии, одном из бриллиантов в короне Британской империи, а капитан военно-морского флота, нанесший оскорбление, был произведен в чин приказом ее величества. Словом, развлечения этого вечера превзошли все ожидания. В игорном зале запахло кровью и смертью.

– Господа! – Сквозь толпу протолкался флаг-капитан, адъютант Кемпа. – По-видимому, произошло недоразумение...

Однако враги даже не обернулись.

– Не думаю, – сухо произнес Мунго Сент-Джон, не сводя глаз с Клинтона. – Оскорбления капитана Кодрингтона совершенно недвусмысленны.

– Господин Сент-Джон, разрешите вам напомнить, что вы находитесь на британской территории, где действуют законы ее величества.

Клинтон устремил на американца холодные голубые глаза.

– О, для мистера Сент-Джона законы мало что значат. Привел же он в британскую гавань невольничий корабль в полном оснащении...

Сент-Джон перебил его, глядя на флаг-капитана, но адресуя слова Кодрингтону:

– У меня и в мыслях не было злоупотреблять гостеприимством королевы. Сегодня я отчалил с приливом еще до полудня и через четыре дня буду далеко за пределами владений ее величества. На широте 31°38' есть широкое устье реки между высокими скалистыми утесами – удобное место для высадки и широкий пляж. Найти нетрудно. – Сент-Джон поднялся, изысканным движением поправил оборки на белоснежной манишке и подал руку прекрасной вдове. Затем обернулся к Кодрингтону: – Кто знает, может быть, нам с вами еще доведется встретиться и обсудить вопросы чести. А до тех пор желаю здравствовать, сэр.

Он развернулся, гости расступились перед ним, образовав своего рода почетный караул. Сент-Джон со спутницей неторопливо вышли из зала.

Офицер метнул яростный взгляд на Клинтона:

– Адмирал желает поговорить с вами, сэр. – Поспешив вслед за уходящей парой, он сбежал по парадной лестнице и догнал американца у двустворчатых резных дверей красного дерева. – Господин Сент-Джон, адмирал Кемп просил меня передать вам наилучшие пожелания. Он не придает никакого значения необдуманному обвинению одного из млад-

ших капитанов. В противном случае он был бы обязан направить на ваш корабль досмотровую команду.

– Такой шаг едва ли был бы желателен для нас обоих, – кивнул Сент-Джон. – Равно как и последствия.

– Разумеется, – уверил флаг-капитан. – Тем не менее адмирал полагает, что в сложившихся обстоятельствах вам следовало бы воспользоваться ближайшим попутным ветром и приливом для продолжения плавания.

– Передайте адмиралу мои наилучшие пожелания и заверьте его, что я покину гавань еще до полудня.

Мунго Сент-Джон сухо кивнул адъютанту и помог даме подняться в подъехавшую карету.

С палубы канонерки было хорошо видно, как клипер готовится к отплытию. Капитан умело управлялся с марселями, чтобы развернуть цепь и помочь якорным лапам вырваться из ила и песка. Наконец якорь был поднят, и на мачтах одно за другим стали с хлопками распускаться ослепительно белые полотнища парусов. «Гурон» поймал юго-восточный ветер и птицей понесся к выходу из Столовой бухты.

Мелькнув последний раз за маяком Муиль-Пойнт, он исчез из виду, а «Черной шутке» оставалось ждать в гавани еще четыре часа. К борту пришвартовалась баржа с порохом, и на корабле были приняты все меры предосторожности. На мачте подняли красный раздвоенный вымпел, котлы загасили, команда ходила босиком, а палубу непрерывно поливали водой из шлангов. Сохранность каждой бочки с порохом тщательно проверялась.

Пока механик разводил пары, на борт поднялись последние участники экспедиции Баллантайнов. Рекомендательные письма, припасенные Зугой, в сочетании с настойчивостью в очередной раз оказали неоценимую помощь.

Во время ночного разговора Том Харкнесс предупреждал майора:

– Не пытайся перейти горы Чиманимани без отряда хорошо обученных людей. Там, за узкой прибрежной полосой, есть только один закон, и исходит он из ружейного дула.

Прочитав письма, начальник кейптаунского гарнизона разрешил Зуге набрать добровольцев из готтентотской пехоты.

– Они единственные из всех туземцев понимают, как действует огнестрельное оружие, – говорил Харкнесс. – Чертовски охочи до баб и выпивки, но хороши и в бою, и в походе, а голод и лихорадка для них дело привычное. Только выбирай получше и глаз с них не спускай ни днем, ни ночью.

Предложение Зуги готтентоты восприняли с величайшим энтузиазмом. Байки о том, что они за полсотни миль чуют поживу, не были лишены оснований, а плата и кормежка, предложенные майором, втрое превосходили жалование в британской армии. Попасть в экспедицию горели желанием все до единого, и единственной проблемой было отобрать десять лучших.

Баллантайн сразу почувствовал к ним симпатию. Коренастые, жилистые, с азиатскими чертами лица, готтентоты, как ни странно, были не в меньшей степени африканцами, чем любые другие племена. Они населяли берега Столовой бухты с незапамятных времен, и когда туда прибыли первые мореплаватели, охотно переняли обычаи белого человека, а еще охотнее – его пороки.

Зуга облегчил себе задачу. Он выбрал одного солдата. Возраст старого вояки было невозможно определить: ему могло быть и сорок лет, и восемьдесят. Выдубленная, как пергамент, кожа, изборожденная пылью и ветром, – и черные, не тронутые сединой волосы, покрывающие голову мелкими, туго скрученными пучками, похожими на зернышки перца.

– Я учил капитана Гарриса охотиться на слонов, – похвастался солдат.

– Давно? – с недоверием спросил Зуга.

Корнуоллис Гаррис был одним из самых знаменитых старых охотников Африки. Его книга «Охота на диких зверей в Африке» стала классикой.

– Я водил его в Кашанские горы.

Экспедиция в Кашанские горы, которые буры переименовали в Магалисберг, состоялась в 1829 году. Если готтентот говорил правду, ему уже перевалило за пятьдесят.

– Гаррис не называл твоего имени, – хмыкнул Зуга. – Я читал его записки.

– Ян Блум – меня тогда так звали.

Зуга кивнул. Гаррис упоминал Блума как одного из самых верных своих помощников.

– Почему же ты теперь Ян Черут?

– Бывает, мужчина устает от женщины, бывает – от имени... Тогда ради здоровья или жизни он меняет и то и другое.

Ян Черут был ростом с ружье «энфилд» военного образца, но оно казалось частью его маленького высохшего тела.

– Подбери еще девятерых, самых лучших, – распорядился Зуга.

Канонерская лодка разводила пары в котлах, когда отряд из десяти человек под началом сержанта Черута прибыл на борт. Каждый – с «энфилдом» на плече, ранцем за спиной и пятьюдесятью патронами в подсумках на поясе.

Вшивая команда, кисло подумал Зуга, глядя, как солдаты поднимаются на палубу. Готтентоты улыбались ему во весь рот и отдавали честь так рьяно, что чуть не валились с ног.

Ян Черут выстроил отряд вдоль борта. Британские форменные мундиры, когда-то ярко-красные, пестрели десятком разных оттенков, от линияло-розового до грязно-коричневого, а пехотные фуражки на курчавых головах лихо торчали в разные стороны. На тощих икрах болтались грязные обмотки, босые коричневые пятки отбивали шаг по дубовой палубе. По команде Черута отряд замер по стойке «смирно» со счастливыми ухмылками на плутовских физиономиях.

– Отлично, сержант. – Майор отдал честь. – Теперь открыть ранцы, и все бутылки за борт!

Ухмылки сразу растаяли, солдаты обменялись унылыми взглядами – а ведь майор казался таким молодым и доверчивым!

– Вы слышали команду, *julle klomp dom skaape*? – добавил сержант.

На испорченном голландском, бывшем в ходу в Капской колонии, это означало «стадо глупых баранов». Ян Черут взглянул на начальника экспедиции, и в его темных глазах впервые мелькнуло уважение.

Есть два морских пути вдоль юго-восточного побережья Африки: можно следовать за пределами линии глубины в сто морских саженей, границы континентального шельфа, где противодействие ветра и Мозамбикского течения порождает ужас моряков – так называемые «столетние» волны высотой более двухсот футов, которые захлестывают самый устойчивый корабль, как осенний листок. Другой путь, менее опасный, лежит вблизи берега, на мелководье, но там неосторожного мореплавателя подкарауливают скалистые рифы.

Чтобы выиграть в скорости, Клинтон Кодрингтон избрал последнее, так что на всем протяжении пути на север земля оставалась в пределах видимости. День за днем за бортом «Черной шутки» проплывали ослепительно белые пляжи и темные скалистые мысы, то теряясь в голубоватой морской дымке, то выступая с грубой отчетливостью.

Кодрингтон шел под всеми парами, бронзовый винт круглые сутки натужно вращался под кормой, паруса ловили малейшее дуновение ветра. «Черная шутка» спешила к месту, назначенному Сент-Джоном. Робин Баллантайн в полной мере почувствовала одержимость английского капитана лишь теперь, когда корабль дни и ночи напролет мчался на северо-

восток. Клинтон постоянно искал общества Робин и проводил с ней практически все время, что оставалось у него от управления кораблем – начиная с самого утра, когда команда собиралась на молитву.

Большинство капитанов военного флота ограничивались формальным богослужением раз в неделю, но капитан Кодрингтон аккуратно молился каждое утро, и Робин вскоре поняла, что его вера и понятие о христианском долге куда строже ее собственных. Казалось, он вовсе не испытывал сомнений и соблазнов, жертвой которых частенько становилась она, и не будь зависть греховным чувством, Робин наверняка бы ее ощутила.

– Я хотел пойти служить церкви, как отец и старший брат, Ральф, – признался однажды Клинтон.

– А почему не пошли?

– Всевышний избрал для меня другой путь, – ответил капитан. Слова его прозвучали естественно и просто, без тени притворства. – Он повелел мне стать пастырем своего стада здесь, в этой стране. – Клинтон обвел рукой серебристые пляжи и голубые горы. – Сначала я этого не понимал, но пути Господни неисповедимы.

Робин кивнула. Она знала, насколько глубоко его отвращение к работоторговле. Война против грязного промысла стала личным крестовым походом Кодрингтона. Он искренне полагал себя орудием Божьей воли.

Тем не менее, как и положено истинно религиозным людям, капитан прятал веру глубоко в душе и никогда не кичился ею, обходясь без ханжеских поз и библейских цитат. О Боге он упоминал лишь в молитве или в уединенных беседах на юте, полагая, что вера Робин нисколько не слабее. Она не хотела разрушать его иллюзий, ей нравилось открытое восхищение молодого человека, его уважение к ее священной миссии, и потом, если уж говорить правду самой себе, что в последние дни Робин делала все чаще, ей нравилось его лицо, голос и даже запах, отдававший дубленой кожей, а еще мехом выдры, которая когда-то жила у них дома в Кингс-Линне.

С Клинтоном было хорошо и спокойно – он был настоящий мужчина в отличие от молоденьких миссионеров и студентов-медиков, которых она знала прежде. От него исходило не греховное возбуждение, как от Мунго Сент-Джона, а что-то глубокое, основательное. Робин видела в нем христианского воина, героя, защитника, как будто смертельная схватка, на которую он спешил, была затеяна ради нее, с целью стереть все следы греха и искупить позор.

На третий день они миновали поселок на берегу бухты Альгоа, где пять тысяч британских поселенцев, высаженных губернатором Сомерсетом в 1820 году, до сих пор, как и сорок лет назад, едва сводили концы с концами на неблагодарной африканской земле. Пятна побеленных стен выглядели жалкими и незначительными среди бескрайних просторов воды, земли и неба, и Робин наконец уяснила, как необъятен этот континент и насколько ничтожны царапины, оставленные человеком на его поверхности. Впервые Робин пришла в ужас от своего безрассудства... Что ищет она, такая молодая и неопытная, на краю света? С моря дохнул резкий ветер, девушка плотнее закуталась в шаль. Африка, о которой столько мечталось в юности, смотрела на нее сурово и негостеприимно.

«Черная шутка» приближалась к месту встречи. Клинтон Кодрингтон стал молчалив и часто подолгу сидел один в каюте. Он хорошо представлял, что его ждет. Баллантайн при каждом удобном случае старался завести разговор о предстоящем поединке, всячески пытаясь отговорить.

– Вы избрали себе грозного соперника, сэр. Не примите за оскорбление, но скажу напрямую: я сомневаюсь, что вы сможете дать равный бой – как на пистолетах, так и на шпагах... Впрочем, держу пари, он выберет пистолеты.

– Вызов бросил он, – спокойно заметил Клинтон. – Мое оружие – сабля, ее я и выберу.

– Не думаю, – покачал головой Зуга. – Если вызов и был, что весьма спорно, то бросили его вы, сэр. Если поединок состоится, оружием будут пистолеты.

Спорили они каждый день. Баллантайн настаивал на своем.

– Забудьте об этом, сэр. Кто сейчас дерется на дуэли? Тем более с человеком, который с любой руки потушит пулей сигару у вас во рту! – Он убеждал: – Никакого вызова не было, капитан Кодрингтон, я там был и готов поклясться честью. – Пугал: – Вы потеряете офицерский патент, сэр. Адмирал Кемп отдал прямой приказ избегать столкновения, он только и ждет повода отдать вас под трибунал. – Уговаривал: – Черт возьми, какая будет польза – и вам прежде всего, – если вас застрелят на пустынном берегу у черта на рогах? Если Сент-Джон и в самом деле работороговец, дождитесь более удобного случая и захватите его!

Однако все аргументы отскакивали, как горох от стенки. Зуга решил подключить сестру. Войдя к ней в каюту, он сказал:

– Ты, похоже, имеешь на него влияние, сестренка. Неужели никак нельзя его отговорить?

– Капитан Кодрингтон хочет защитить свою честь, почему ты против?

– Ну... Он приятный малый, не хотелось бы, чтобы его протряпали.

– Иначе тебе будет непросто добраться до Келимане, так? – ехидно спросила Робин. – Истинно христианское милосердие.

Зуга пропустил обвинение мимо ушей.

– Сент-Джон на спор всадит пулю в любой его глаз. Ты сама видела, как он стреляет.

– Я считаю, что долг капитана Кодрингтона – уничтожить это чудовище. Господь на стороне правого.

– Судя по моему опыту, он на стороне того, кто стреляет первым и попадает в цель, – фыркнул Зуга.

– Ты богохульствуешь. – Робин поджала губы.

– Твое упрямство заслуживает настоящего богохульства, – бросил Зуга в сердцах и выскочил из каюты.

Он хорошо знал сестру и догадывался, что напрасно теряет время.

За устьем реки Кей британские владения заканчивались, дальше простиралось дикое ничейное побережье, где жили племена, вытесненные неумолимым наступлением белого человека. Там орудовали шайки дезертиров и бандитов, изредка попадались бродячие охотники, путешественники, торговцы.

Даже буры-переселенцы, которые продвигались в глубь страны в обход горного массива, отделявшего побережье от высоких равнин, обошли эти места стороной. Дальше к северу они повернули обратно, снова перевалили через горы и вышли на побережье, разгромив по дороге пограничные отряды зулусов. На плодородной прибрежной полосе буры жили до тех пор, пока в Порт-Наталь не вошел флот Капской колонии, откуда они бежали в свое время, спасаясь от британского владычества. Переселенцы вновь погрузились в фургоны и, гоня перед собой скот, переправились через горную цепь, которую они называли Драконовыми горами. Землю, отвоеванную мушкетным огнем у зулусского короля Дингаана, пришлось покинуть.

Таким образом, на участок побережья, разделявший Капскую колонию и Наталь, никто не претендовал, кроме диких племен, чьи воины сейчас смотрели, как «Черная шутка» мчится на всех парах на расстоянии полета стрелы.

Клинтон Кодрингтон отметил на карте точку возле устья реки там, где южная широта 31°38' пересекает побережье. На карте значилось: «река Св. Иоанна». По-видимому, название дал кто-то из первых португальских мореплавателей, однако, как ни странно, оно совпало с именем человека, на встречу с которым спешил корабль. Как только канонерка обогнула последний мыс, путешественники узнали место, описанное Сент-Джоном.

Крутые, поросшие густым лесом холмы отвесной стеной вздымались по обе стороны широкой лагуны. В темной, почти черной, зелени стояли строем высокие стволы, увитые гирляндами лиан. В подозрную трубу видны были стайки серых мартышек и яркое оперение экзотических птиц, порхающих по верхушкам деревьев.

Река текла по глубокому скалистому ущелью, заполняла поросшую тростником лагуну и впадала в океан, перекачиваясь через отмель между двумя белыми подушками песчаного пляжа. Отметая все сомнения, в кабельтове за первой линией бурунов, где вода из бледно-зеленой становилась голубой, стоял на якоре «Гурон».

Клинтон Кодрингтон тщательно рассмотрел корабль и передал подозрную трубу Зуге. Пока тот вглядывался в силуэт высокого клипера, Клинтон тихо спросил:

– Будете моим секундантом?

Зуга с удивлением опустил трубу.

– Я думал, вы попросите кого-то из своих офицеров.

– Не могу, – покачал головой Клинтон. – Если узнает Кемп, их карьера будет запятнана.

– Значит, моя карьера вас не беспокоит, – язвительно усмехнулся Зуга.

– Вы находитесь в длительном отпуске и прямого приказа, как я и мои подчиненные, не получали.

Баллантайн задумался. В армии к дуэлям относились не так серьезно, как на флоте, во всяком случае, в уставе не было специальных запретов, а встреча с Сент-Джоном давала возможность сорвать нелепую затею, которая серьезно угрожала экспедиции.

– Ну что ж, я согласен, – коротко кивнул Зуга.

– Премного благодарен, сэр.

– Надеюсь, когда все кончится, вы останетесь так же благодарны, – сухо произнес майор. – Пожалуй, отправлюсь на «Гурон» прямо сейчас. Через час стемнеет...

Типпу поймал конец, брошенный с вельбота. Зуга, подобрав плащ, перескочил на трап через полосу бурлящей зеленой воды и поспешно взобрался на палубу, прежде чем очередная волна успела намочить его сапоги.

Мунго Сент-Джон ждал у грот-мачты с отчужденным видом, но едва Зуга приблизился и протянул руку, отбросил холодность и улыбнулся в ответ.

Майор вздохнул:

– Черт возьми, Мунго, неужели мы не сможем покончить с этой ерундой?

– Легко, Зуга. Пусть ваш друг принесет извинения, и дело улажено.

– Он просто дурак, – покачал головой Зуга. – Зачем идти на такой риск?

– Лично я риска не вижу, – пожал плечами Сент-Джон, – но позвольте вам напомнить, что он назвал меня трусом.

– Значит, шансов нет? – За долгие недели, проведенные вместе, они с Мунго очень сблизились, и Зуга решил сыграть на дружеских чувствах. – Мне нет дела до этого святоши, но если вы его убьете, я попаду в чертовски неудобное положение, вы же понимаете.

Мунго Сент-Джон довольно расхохотался:

– Знаете, Зуга, мы с вами хорошо сработались бы. Вы прагматик, как и я. Предсказываю вам – на этом свете вы далеко пойдете.

– Не слишком далеко, если вы убьете того, кто меня везет.

Сент-Джон засмеялся и дружески хлопнул его по плечу:

– Простите, дружище. Не в этот раз.

Майор с сожалением вздохнул:

– Выбор оружия за вами.

– Пистолеты, – бросил Мунго.

– Само собой, – кивнул Зуга. – На берегу, на рассвете. – Он кивнул на берег. – Вам удобно?

– Конечно. Моим секундантом будет Типпу.

– А он знает правила? – с сомнением спросил Зуга, взглянув на полуголую фигуру, возвышавшуюся неподалеку.

– Достаточно, чтобы снести Кодрингтону голову, если тот поднимет пистолет на мгновение раньше сигнала. – Мунго Сент-Джон сверкнул жестокой белозубой улыбкой. – Насколько я понимаю, большего от него не требуется.

Робин Баллантайн не смыкала глаз всю ночь и за два часа до рассвета уже была на ногах. Она умылась и, подумав, надела старые молескиновые брюки и мужскую шерстяную куртку. При высадке с корабельной шлюпки придется брести через полосу прибой, и юбки будут сковывать движения, к тому же утро выдалось сырым и холодным – плотный шотландский твид окажется кстати.

Она раскрыла черный кожаный саквояж и проверила, все ли на месте. Возможно, придется останавливать кровотечение, очищать пулевую рану, соединять раздробленные кости... Не помешает и обезболивающее.

Намерение Робин присутствовать на дуэли ни у кого не вызвало вопросов: канонерской лодке не полагалось судового врача, не было его и на «Гуроне». До высадки оставался еще час. Робин раскрыла дневник и стала записывать события вчерашнего дня, как вдруг в дверь тихонько постучали.

На пороге стоял Клинтон Кодрингтон, тусклая лампа освещала его бледное осунувшееся лицо. Робин поняла, что этой ночью капитан спал не больше ее. Увидев девушку в брюках, он в первый момент ошарашен, но быстро пришел в себя и поднял взгляд.

– Я хотел с вами поговорить, – робко пробормотал он. – Это последняя возможность перед...

Робин взяла его за руку и втащила в каюту.

– Вы не застряли? – сурово спросила она.

– Нет, мэм. – Клинтон покачал головой, украдкой взглянул на ее брюки и смущенно отвел глаза.

– Лекарство подействовало?

Клинтон молча кивнул, страшно стесняясь. Накануне вечером она дала ему слабительное: как хирург, она хорошо представляла, насколько опасно попадание пули в наполненный кишечник или желудок, отягощенный завтраком. Робин коснулась его лба:

– У вас жар, вы не простудились?

Она испытывала почти материнские чувства – Клинтон казался совсем юным и беззащитным.

– Я подумал... может, мы помолимся вместе?

Голос молодого человека звучал так тихо, что Робин едва разбирала слова. От нахлынувших теплых чувств у нее перехватило дыхание.

– Да, – шепнула она.

Они опустились на колени бок о бок, держась за руки. Стоя на деревянном полу крошечной каюты, Робин начала молиться. Клинтон повторял за ней, тихо, но твердо.

Поднявшись на ноги, он задержал ее руку в своей.

– Мисс Баллантайн... то есть доктор Баллантайн... У меня не хватает слов, чтобы сказать, как важна была для меня встреча с вами.

Робин почувствовала, что краснеет, и попыталась высвободить руку, но он крепко сжал ее.

– Я хотел бы получить позволение поговорить с вами об этом снова, потом... – Кодрингтон помолчал. – Если утро закончится так, как мы надеемся.

– О да, конечно! – с жаром воскликнула Робин. – Все будет хорошо, я знаю.

Едва сознавая, что делает, она стремительно подалась вперед и приникла к его губам. На мгновение Клинтон замер, потом неуклюже обхватил девушку и прижал к себе так крепко, что медные пуговицы кителя впились ей в грудь.

– Моя дорогая, – шептал он. – О, моя дорогая!

Внезапный бурный натиск напугал Робин, но очень скоро удовольствие от крепких объятий пересилило страх. Она попыталась высвободить руки, чтобы тоже обнять его, однако Клинтон неправильно понял ее и поспешно отступил.

– Простите, – пробормотал он неловко. – Не знаю, что на меня нашло...

Робин почувствовала острое разочарование, потом раздражение от такой робости. Слишком уж было приятно – несмотря на пуговицы.

Шлюпки отчалили от обоих кораблей одновременно и стали сближаться в перламутровой рассветной дымке, направляясь к линии прибоя, за которой в бледном утреннем свете смутно вырисовывался берег.

Причалили они в сотне ярдов друг от друга, достигнув отмели на гребне одной и той же широкой зеленой волны. Гребцы прыгнули в воду, доходившую до пояса, и втащили шлюпки на белый песок.

Обе группы порознь перебрались через нанесенный рекой песчаный вал и двинулись к краю лагуны, скрытой дюнами и зарослями высокого тростника с пушистыми головками. Перед зарослями нашлась ровная полоска плотного влажного песка. Мунго Сент-Джон и Типпу остались у ближнего ее конца. Мунго закурил сигару и, подбочившись, оглядел вершины холмов, не обращая внимания на окружающих. На нем были черные, в обтяжку, брюки и белая шелковая рубашка с длинными рукавами; из распахнутого ворота торчали темные курчавые волосы. Белая рубашка – хорошая мишень для противника. Капитан читл дуэльный кодекс до последней мелочи.

Робин украдкой наблюдала за ним с дальней стороны песчаной дорожки. Она пыталась не дать остыть ненависти к человеку, который так унизил ее, но получалось плохо. Душу наполнили радостное возбуждение и странный восторг, а присутствие этого дьявола в человеческом обличье лишь усиливало эти чувства. Спohватившись, что смотрит открыто, Робин с трудом отвела взгляд.

Рядом, неестественно выпрямившись, стоял Клинтон Кодрингтон, в синем форменном кителе с золотыми галунами, которые сверкали в мягком розовом свете зари. Выбеленные солнцем волосы были зачесаны назад и перехвачены на затылке, открывая твердую линию подбородка.

Зуга двинулся навстречу Типпу, который нес под мышкой палисандровую шкатулку с пистолетами. Они встретились точно на середине пути. Великан встал, широко расставив ноги, раскрыл шкатулку и протянул Зуге, а тот, вынув каждый пистолет из обитого бархатом гнезда, аккуратно отмерил заряды черного пороха, забил в стволы синеватые свинцовые пули и вложил капсули.

Длинные зловещие стволы вызвали в памяти страшную ночь на «Гуроне». Робин прикусила губу и зябко передернула плечами.

– Не волнуйтесь, мисс Баллантайн, – шепнул Клинтон, неверно истолковав ее чувства.

Он сбросил китель, под которым также оказалась белая рубашка, и протянул его Робин. Кодрингтон хотел еще что-то сказать, но его прервал голос Зуги:

– Господа, прошу вас подойти.

Клинтон еще раз натянуто улыбнулся и двинулся вперед, оставляя на влажном песке глубокие следы каблуков.

Противники в упор взглянули друг на друга. Лица обоих были непроницаемы.

– Господа, призываю вас решить дело без кровопролития, – произнес Зуга ритуальную фразу. – Капитан Кодрингтон, не хотите ли вы, как вызывающая сторона, принести свои извинения?

Клинтон покачал головой.

– Мистер Сент-Джон, существует ли другой способ избежать кровопролития?

– Думаю, нет, сэр, – протянул Мунго, аккуратно стряхивая с сигары полдюйма серого пепла.

– Ну что ж, – кивнул Зуга и стал объяснять правила: – По команде «Расходитесь!» каждый из вас, господа, должен сделать десять шагов, я буду их отсчитывать вслух. Сразу же после счета «десять» я дам команду «Пли!», после чего вы можете повернуться и сделать выстрел. – Он взглянул на Типпу: за пояс мешковатых штанов помощника был заткнут огромный пистолет. – Оба секунданта вооружены. – Зуга положил руку на рукоятку своего «кольта». – Если кто-либо из дуэлянтов попытается открыть огонь, не дожидаясь команды, он будет застрелен секундантами на месте.

Майор сделал паузу, взглянув по очереди на дуэлянтов.

– Вам все ясно, господа? – Оба кивнули. – Нет ли каких-нибудь вопросов? – Подождав несколько секунд, он продолжил: – Что ж, тогда начнем. Мистер Сент-Джон, ваше право выбрать пистолет.

Мунго отбросил сигару, втоптал ее каблуком в песок и сделал шаг вперед. Типпу протянул ему палисандровую шкатулку, и Сент-Джон, после секундного колебания, выбрал один из двух роскошно инкрустированных пистолетов. Он поднял дуло кверху и свободной рукой взвел курок.

Клинтон взял оставшийся пистолет и взвесил в руке, прицеливаясь в одного из черно-желтых ткачиков, переговаривающихся в тростниковых зарослях.

Робин с облегчением увидела, как уверенно обращается с оружием ее защитник. Теперь она была уверена в исходе дуэли – добро обязательно восторжествует. Едва шевеля губами, она повторяла слова двадцать второго псалма: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной».

– Господа, прошу занять места. – Зуга шагнул в сторону и поманил рукой Робин.

Не переставая молиться, она подошла и встала за его спиной, сбоку от линии огня.

Типпу вытащил из-за кушака неуклюжий пистолет, взвел огромный разукрашенный курок и поднял ствол кверху. Огромное дуло зияло, как пушечное. Зуга также достал «кольт» и молча дожидался, пока дуэлянты встанут спина к спине.

Восходящее солнце залило вершины холмов сверкающим золотом, но лагуна оставалась в тени. Над темной неподвижной водой клубами висели клочья тумана. В тишине раздался резкий крик, серая цапля призраком поднялась из тростника, лениво размахивая крыльями и изгибая по-змеиному шею, чтобы уравновесить длинный клюв.

– Расходитесь! – громко выкрикнул Зуга. Робин испуганно вздрогнула.

Дуэлянты размеренно зашагали прочь друг от друга, вминая каблуками податливый песок в такт счету...

– Пять!

На лице Мунго Сент-Джона играла легкая улыбка, словно он вспомнил что-то смешное. Словно крыло бабочки трепетал шелковый рукав вокруг поднятой руки с пистолетом; тонкий голубоватый ствол смотрел в рассветное небо.

– Шесть!

Клинтон, подавшись вперед, твердо чеканил шаг длинными ногами в белых форменных брюках. Его бледное лицо застыло, как маска, губы сжались в тонкую решительную линию.

– Семь!

Сердце Робин колотилось бешеным крещендо, отдавая болью в ребра. Она едва дышала.

– Восемь!

У Клинтонa под мышками, несмотря на утреннюю прохладу, расплывались темные пятна пота.

– Девять!

Робин охватил смертельный страх, вся ее вера растворилась в предчувствии неминуемого несчастья.

– Десять!

Ей хотелось крикнуть, остановить их, броситься между двумя мужчинами. Никто не должен умереть! Пересохшее горло свело, ноги онемели и не слушались.

– Пли! – Голос Зуги дрогнул.

Зрители замерли в напряжении. Мужчины одновременно развернулись на темно-желтом песке, словно танцоры, исполняющие тщательно отрепетированный танец смерти, и выбросили правую руку вперед, левой упираясь в бедро для равновесия. Казалось, это тянутся друг к другу влюбленные, которых ждет расставание. Движения их были изящными и размеренными.

Время застыло на месте. Ветер перестал шелестеть в тростниках, угрюмый лес по ту сторону лагуны замер в неподвижности, ни зверь, ни птица не решались нарушить тишину. Казалось, весь мир затаил дыхание...

Гром грянул, эхо с грохотом покатилося по ущелью, перескакивая с утеса на утес. С резкими криками вспорхнули испуганные птицы. Выстрелы прозвучали почти одновременно. Наведенные стволы выбросили белый пороховой дым, отдача взметнула их вверх.

Оба бойца покачнулись, но устояли на ногах. Робин заметила, что облачко дыма вылетело из пистолета Мунго на мгновение раньше, а затем его темноволосая голова дернулась, словно от пощечины. Он отшатнулся, но устоял на ногах и, не выпуская из рук дымящегося пистолета в руке, посмотрел на противника. Робин перевела дух – Мунго Сент-Джон остался невредим. Ей захотелось подбежать к нему, но вдруг ее радость померкла: темно-красная струйка змеилась из густых волос на виске и стекала по гладко выбритой загорелой щеке на белый шелк рубашки.

Робин прикрыла рот рукой, сдерживая крик, как вдруг, что-то почувствовав, резко повернулась в сторону Клинтонa Кодрингтона.

Он тоже стоял прямо, вытянувшись почти по-военному, но начал медленно оседать, согнувшись пополам. Правая рука с пистолетом бессильно повисла, пальцы разжались, и раззолоченное оружие упало на песок. Клинтон прижал руку к груди, будто почтительно кланялся, и упал на колени, словно собирался молиться. Он поднял руку, удивленно всматриваясь в окровавленные пальцы, и рухнул на песок лицом вниз.

Робин наконец сдвинулась с места. Она подбежала к Клинтону и опустилась рядом с ним на колени. Паника придала ей сил, и она перевернула Кодрингтона на спину. Белая рубашка пропиталась кровью вокруг аккуратной круглой дырки на шесть дюймов левее перламутровых пуговиц.

Капитан стоял вполоборота, и пуля вошла в грудь в нижней части легкого. Робин похолодела от отчаяния. Такая рана означала смерть, хоть и медленную, но мучительную и неотвратимую. Врачу оставалось лишь бессильно наблюдать, как жертва захлебывается кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.